1939
N 6.

ПОЛИТЕКОНОМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

1939

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВД

4-й экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9-й год издания **№ 6** **Июнь 1939 г.**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. Волин

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА

Так назвал товарищ Сталин в своем докладе на XVIII с'езде большевистской партии наши кадры. Сосредоточив внимание нашей партии и всей страны на вопросах подбора кадров, их выдвижения и их расстановки, товарищ Сталин подчеркнул прежде всего, что надо ценить кадры как золотой фонд партии и государства.

Что такое кадры партии? «Кадры партии,— говорил товарищ Сталин,— это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти,— они являются также командным составом руководящих государственных органов». В результате культурной революции, происшедшей за последние годы в нашей стране, созданы многочисленные кадры новой, социалистической интеллигенции, которых еще недавно так не хватало. «Нарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране» (Сталин).

Наши кадры, партийные и непартийные, руководящие кадры партии, государства, учреждений и предприятий — подлинно драгоценнейший фонд партии и государства Мудрая забота о наших кадрах Ленина и Сталина дает долгожданную обильную жатву.

С чего начала наша партия? Чем располагал Ленин, когда приступал к строительству нашей партии, партии нового типа?

«Дайте нам организацию революционеров,— писал Ленин в своей знаменитой работе «Что делать?» в 1902 году,— и мы перевернем Россию» [1]. Так глубоко и остро выразил Ленин свое отношение к роли и значению кадров в организации подлинной марксистской партии, которой предстояло повести массы на штурм самодержавия и капиталистического строя.

Большевистская партия выросла на прочной основе теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. На гранитной основе этой теории базируется программа, тактика и организационные принципы нашей партии. Последовательное применение этих принципов получило яркое выражение в методах борьбы партии за сохранение своих кадров, за количественный и качественный их рост — это решающее условие успешной борьбы партии за достижение своих исторических целей.

Партия Ленина — Сталина с самого начала своего существования на всех этапах своей борьбы за победу социализма как до Октября, так и после победы Октябрь-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 458.

ской социалистической революции придавала особенно серьезное значение делу выращивания, воспитания и большевистской закалки партийных кадров.

Исходя из единства и неразделыности теории и практики, партия Ленина—Сталина в деле борьбы за большевистские кадры придавала громадное значение умелому сочетанию политического их воспитания, всемерной им помощи в деле овладения марксистско-ленинской теорией с вовлечением их в непосредственную революционную борьбу партии во главе масс, в борьбу, являющуюся лучшей школой и кузницей большевиков.

Ленин с величайшей любовью и настойчивостью выращивал кадры, следил за их ростом Ленин мечтал о таких передовиках рабочего движения из самой гущи рабочего класса, которые целиком посвятили бы себя делу просвещения и организации пролетариата.

Как некогда гениальный Михайло Ломоносов мечтал о том, что настанет такая пора в России, когда будет «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать»,— так и Ленин страстно мечтал о той поре, когда российский пролетариат выдвинет из своей среды талантливых, выдающихся вожаков масс, руководителей и вождей. Вот почему Ленин с особой любовью отмечал появление «рабочей интеллигенции». В 1899 году в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» Ленин отмечал, что «среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике,— находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться...» [1]. Ленин призывал здесь же приложить все усилия к тому, чтобы ряды «рабочей интеллигенции» постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители партии нового типа.

Ленин проникновенно видел, какими талантами, подлинными самородками богаты рабочий класс и вобще народные массы России. Он глубоко верил в творческие силы народных «низов» и требовал смелого, решительного выдвижения людей на практическую революционную работу.

Вскоре после «кровавого воскресенья» 1905 года Ленин в письме местным русским работникам раз'ясняет, в какой степени необходимы для победы в надвинувшейся революции боевая организованность и боевые, молодые, выдвинувшиеся из гущи рабочего класса кадры.

«Нужны молодые силы,— писал Ленин со свойственным ему обыкновением остро ставить вопросы.— Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее... Надо с отчаянной быстротой об'единять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости» [2].

В годы столыпинской реакции Ленин в эмиграции организует под Парижем, в Лонжюмо, партийную школу, где сам читает лекции сохранившимся после поражения революции 1905—1907 годов партийным, главным образом рабочим, кадрам. Среди слушателей этой школы находился и выдающийся пламенный большевик Серго Орджоникидзе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, сбросившей гнет помещиков и капиталистов, проблема кадров стала вопросом жизни и смерти для партии и молодого советского государства.

Организационная задача пролетарской революции, задача, в которой Ленин видел одно из самых глубоких и коренных отличий пролетарской революции от буржуазной, во весь рост поставила вопрос о кадрах, способных организовать хозяйство и управлять им. Старый государственный аппарат был разбит вдребезги; верхушка буржуазной интеллигенции, враждебная советской власти, прибегла к вооруженной борьбе и

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. II. стр. 553.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 102.

саботажу в надежде подорвать таким образом молодое, еще не окрепшее советское государство.

«Без нас не обойтись» — так рассчитывали привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству буржуазные интеллигенты.

Но этот наглый расчет верхушки старой буржуазной интеллигенции, как известно, не оправдался.

В статье «Как организовать соревнование?» Ленин писал: «...организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества» [1].

Ленин с исключительной настойчивостью раз'яснял опасность предрассудков, распространявшихся буржуазией и ее интеллигенцией, будто управлять государством способны только эксплоататорские классы, ее выкормыши.

«Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок,— говорил Ленин,— будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества, могут только так наз. «высшие классы»...» [2].

Ленин указывал, что людей в «простонародье», обладающих грамотностью, знанием людей, практическим опытом, масса. «Таких талантов в рабочем классе и крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник» [3].

Великое множество таких талантов капитализм душил и подавлял.

Ленин требовал найти эти таланты и поставить каждого человека на свое место. В 1919 году, подводя итоги партийной недели и отмечая наряду с неопытностью новых членов партии наличие в них большой «силы, свежести, непосредственности», Ленин говорил: «Надо смелее давать им как можно более разнообразную государственную работу, надо быстрее испытать их практически» [4].

Задачу — таких людей «найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть» — Ленин требовал решать «со всем революционным энтузиазмом», испытывать и двигать людей «от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления» [5].

Ленин всегда рассматривал дело подбора и правильной расстановки кадров как важнейшую и решающую отрасль партийной работы. В этой связи заслуживает особого внимания та оценка, которую Ленин давал Я. М. Свердлову как выдающемуся, талантливому организатору, прекрасно разбиравшемуся в людях и умевшему подбирать их.

«Такого человека, — говорил Ленин, — который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности. Никто из близко знавших, наблюдавших постоянную работу Якова Михайловича, не может сомневаться в том, что в этом смысле Яков Михайлович незаменим. Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям,— эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек» [6].

* * *

Великий соратник и продолжатель дела и учения Ленина товарищ Сталин с глубокой мудростью и отеческой заботой разрабатывает, двигает дальше и осуществляет на деле ленинские принципы выращивания и выдвижения кадров нашей партии и советского государства.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 162.
[2] Там же, стр. 162.
[3] Там же, стр. 163.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 492.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 457.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 82—83.

Товарищ Сталин раз'яснял систематически, что ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции, что ни одно государство никогда не развивалось и не могло существовать без своих собственных кадров. Тем более, учит товарищ Сталин, не может существовать без своей интеллигенции, без своих кадров наше социалистическое государство и его основная руководящая сила — наша большевистская партия.

Гениальная ленинская идея — «гвоздь положения в людях» — знамя сталинской заботы о кадрах.

Товарищ Сталин неустанно сосредоточивает внимание партии и всей страны на вопросе о кадрах, их подборе, выдвижении, расстановке, проверке в процессе работы.

Товарищ Сталин — вдохновитель политического воспитания партийных и государственных кадров нашей страны, повышения их бдительности и непримиримости ко всем врагам народа. Товарищ Сталин определил основные пути и средства, необходимые для того, чтобы неуклонно поднимать боеспособность наших партийных и государственных кадров. В разные периоды жизни нашей партии товарищ Сталин систематически ставит вопрос о кадрах, поднимая его каждый раз на новую ступень, на уровень новых задач.

В борьбе с правыми реставраторами капитализма, в борьбе с троцкистско-зиновьевскими врагами социализма товарищ Сталин неизменно выдвигал как вопрос всех вопросов политической, хозяйственной, организационной работы — вопрос о кадрах. В связи с шахтинским процессом товарищ Сталин указал, как остро встал вопрос о новых хозяйственных кадрах, вышедших из рабочего класса. В 1929 году в своей исторической статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал: «...проблема кадров является теперь, в обстановке технической реконструкции промышленности, решающей проблемой социалистического строительства» [1]. И товарищ Сталин выдвинул боевую задачу партии — «взяться вплотную за проблему кадров и овладеть этой крепостью во что бы то ни стало» [2].

Это тем более необходимо было сделать, и сделать безотлагательно, что промышленность, сельское хозяйство и Красная Армия требовали десятки и сотни тысяч обученных кадров. Вопрос о кадрах, овладевших техникой, приобрел первостепенное значение.

Усилия партии и правительства, организованные и направленные гением товарища Сталина, его большевистской волей, увенчались успехом. Лозунг «кадры решают все» стал боевым лозунгом всей страны. Бережно и старательно партия накопляла золотой фонд нашей партии и нашего государства — наши кадры.

Как распоряжаться этим неоценимым богатством? Как выращивать из него руководителей ленинско-сталинского типа, как воспитывать их и контролировать?

Товарищ Сталин поставил проблему кадров на громадную научную, большевистскую высоту.

Пять лет назад, на XVII с'езде ВКП(б), товарищ Сталин с гениальной мудростью и ясностью раз'яснил, как создается победа, какой борьбой, какими усилиями она добывается на деле. Резко подчеркнув ошибки тех руководителей, которые полагают, что «достаточно выработать правильную линию партии, провозгласить ее во всеуслышание, изложить ее в виде общих тезисов и резолюций и проголосовать ее единогласно, чтобы победа пришла сама собой, так сказать, самотеком» [3], товарищ Сталин еще раз напомнил, что «победа никогда не приходит сама», что ее обычно «притаскивают» и что одним из решающих условий, от которого зависит успех дела, является правильный подбор людей, являются кадры.

В мае 1935 года в своей речи на выпуске академиков Красной Армии товарищ Сталин, снова широко поставив вопрос о кадрах, указал, что лозунг «кадры решают все» означает, что надо проявлять самое внимательное отношение к работникам, «малым» и «большим», что надо их заботливо выращивать, помогать им, когда они нуждаются в поддержке, поощрять их, когда они показывают первые успехи, вы-

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 291.
[2] Там же, стр. 292.
[3] Там же, стр. 589.

двигать их вперед. Товарищ Сталин требовал: «...Ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника».

«Надо, наконец, понять, — сказал товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».

Товарищ Сталин учит, что только те кадры нужны, те кадры хороши, те кадры могут обеспечить правильную политическую линию, которые не боятся трудностей, а идут навстречу трудностям, чтобы победить в борьбе с трудностями.

Эти люди, эти кадры должны обладать особыми качествами, качествами большевистских политических деятелей.

В своей речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1937 года товарищ Сталин нарисовал исключительный по силе и яркости образ руководителя-большевика, с гениальным мастерством охарактеризовав те черты политического деятеля, живым воплощением которых был Ленин и которые должен стремиться воспитать в себе каждый большевистский руководитель.

Товарищ Сталин говорил: «Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин».

Самым высоким образцом для наших кадров наряду с Лениным является наш великий и мудрый учитель, вождь и друг товарищ Сталин, вся жизнь и труды которого учат беззаветному служению коммунистической революции. Ленин и Сталин воспитали крупнейших деятелей нашей партии — Свердлова, Орджоникидзе, Дзержинского, Куйбышева, Кирова, ближайших соратников товарища Сталина, замечательные кадры нашей Советской страны.

Товарищ Сталин учит, что надо интересоваться не только деловыми качествами работников, но и их политической физиономией, «не превращать деловой подход в деляческий» и подбирать работников, во-первых, с точки зрения того, заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, — по деловому признаку.

* * *

Период между XVII и XVIII с'ездами ВКП(б) ознаменовался бурным ростом новых партийных и советских кадров. Можно считать, что численность высшего и среднего руководящего состава в нашей стране составляет 1 миллион 750 тысяч человек, а всех кадров нашей советской интеллигенции около 10 миллионов человек, что с семьями составляет, примерно, 13—14% населения Советского Союза. Самый большой отряд интеллигенции — это учительские кадры, которые растут и будут расти впредь еще более усиленно. За эти годы партия сумела выдвинуть на руководящую партийную и государственную работу более 500 тысяч молодых партийных и непартийных большевиков, из них более 20% женщин. В СССР благодаря заботам партии и правительства и лично товарища Сталина и в результате культурной революции народилась уже многомиллионная новая, народная, социалистическая интеллигенция, связанная теснейшими узами с советским народом, «вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа,— интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой» (Сталин).

На XVIII с'езде ВКП(б) товарищ Сталин в своем историческом докладе с новой силой поставил вопрос о кадрах партии и государства, дал замечательный по глубине и яркости анализ тех качеств, которыми характеризуются наши кадры — старые и молодые,— и развернул конкретную программу действий в области подбора кадров, выдвижения, выращивания и воспитания новых кадров.

Товарищ Сталин поставил перед партией задачу — «взять полностью в одни руки дело подбора кадров снизу доверху и поднять его на должную, научную, большевистскую высоту».

Товарищ Сталин научно обосновал решающее значение кадров на данном этапе нашего развития, их роль как орудия претворения в жизнь партийной теории и политической линии партии и указал на те требования, которым должны удовлетворять кадры, чтобы быть на высоте своих задач. «Иметь правильную политическую линию,— это, конечно, первое и самое важное дело,— говорил товарищ Сталин на XVIII с'езде партии.— Но этого все же недостаточно. Правильная политическая линия нужна не для декларации, а для проведения в жизнь. Но чтобы претворить в жизнь правильную политическую линию, нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, воспринимающие ее, как свою собственную линию, готовые провести ее в жизнь, умеющие осуществлять ее на практике и способные отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее. Без этого правильная политическая линия рискует остаться на бумаге».

Товарищ Сталин, подчеркнув, что надо «ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение», исчерпывающе перечислил средства, при помощи которых только и можно обеспечить научную постановку дела создания и подбора кадров. Чтобы это дело поднять на высоту науки, необходимо поставить на солидное основание дело изучения кадров, тщательного изучения качеств работника, его способностей. Надо, учит товарищ Сталин, «знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника, знать на каком посту могут легче всего развернуться способности работника».

Важнейшим моментом в научной постановке дела подбора кадров является следующее, выдвинутое товарищем Сталиным положение, основанное на гигантском опыте истории борьбы партии за создание большевистских кадров.

Необходимо, говорит товарищ Сталин, «заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост».

Решающее значение в проблеме кадров имеет вопрос о выращивании новых кадров. Большевики и в этом вопросе, как и во всех других, решительно разоблачают оппортунистический самотек, который не может не привести к самым гибельным последствиям. Там, где не занимаются выращиванием кадров, не проявляют о них заботы, там политически и идеологически еще не закаленные молодые кадры нередко становятся добычей заклятых врагов советского народа, троцкистско-бухаринских шпионов и убийц.

Товарищ Сталин напомнил о том, что нередко способные, талантливые работники, вовремя не выдвинутые на новую, более сложную работу, требующую дальнейшего развертывания способностей и талантов, загнивают, выветриваются на старой работе. Необходимо, указывает товарищ Сталин, «во-время и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть». Это положение товарища Сталина имеет силу настоящего закона в деле создания кадров.

Необходимо поэтому, чтобы дело создания кадров было поставлено на научную основу. Необходима такая правильная расстановка, которая позволила бы полностью развернуться способностям работника и дала бы возможность взять от него максимум того, на что он способен. Необходимо «расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя проведения которой производится эта расстановка».

Мудрость ленинско-сталинской политики в отношении подбора кадров заключается в том, что и к этому вопросу наш вождь и учитель товарищ Сталин подходит во всеоружии марксовой диалектики, которой он владеет с непревзойденным мастерством и совершенством. Товарищ Сталин дал образец исчерпывающего, глубоко научного обобщения, развернув замечательную характеристику особенностей как старых, так и молодых кадров.

Каковы эти основные особенности старых и молодых кадров?

Товарищ Сталин говорил в своем докладе: «Старые кадры представляют, конечно, большое богатство для партии и государства. У них есть то, чего нет у молодых кадров — громадный опыт по руководству, марксистско-ленинская принципиальная закалка, знание дела, сила ориентировки. Но, во-первых, старых кадров бывает всегда мало, меньше, чем нужно, и они уже частично начинают выходить из строя в силу естественных законов природы. Во-вторых, у одной части старых кадров бывает иногда склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять на старом и не замечать нового в жизни. Это называется потерей чувства нового. Это очень серьезный и опасный недостаток. Что касается молодых кадров, то у них, конечно, нет того опыта, закалки, знания дела и силы ориентировки, которыми обладают старые кадры. Но, во-первых, молодые кадры составляют громадное большинство, во-вторых, они молоды, и им не угрожает, пока-что, выход из строя, в-третьих, у них имеется в избытке чувство нового,— драгоценное качество каждого большевистского работника, и в-четвертых, они растут и просвещаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят старшков, станут бок-о-бок с ними и составят им достойную смену».

Этот сталинский анализ кадрового состава нашей партии имеет не только огромное теоретическое значение, но и важнейшее практическое значение. Здесь дано единственно правильное решение задачи дальнейшего укрепления нашей партии необходимыми кадрами.

«Задача, — как говорил товарищ Сталин, — состоит не в том, чтобы ориентироваться либо на старые, либо на новые кадры, а в том, чтобы держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства».

Это мудрое указание товарища Сталина нашло свое блестящее осуществление в избранном на XVIII с'езде ВКП(б) штабе большевистской партии — Сталинском Центральном Комитете.

Товарищ Сталин указал также и на организационные средства, которые необходимы для того, чтобы дело создания кадров было поднято на научную, большевистскую высоту.

Решение XVIII с'езда ВКП(б) «создать в ЦК мощный аппарат по кадрам— Управление кадров, способный правильно, по-научному, как говорит тов. Сталин, разрешать задачи подбора и распределения кадров» (Жданов), и является той организационной мерой, которая призвана обеспечить научную постановку дела подбора, изучения и выдвижения кадров.

Решающее значение придает товарищ Сталин делу политического воспитания наших кадров, вопросу их овладения марксистско-ленинской теорией. Чтобы кадры глубоко понимали политическую линию партии, воспринимали ее как свою собственную линию, необходимо, чтобы они были вооружены знанием марксистско-ленинской теории. Вдохновленное товарищем Сталиным постановление ЦК партии о постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» напоминает, что «без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости, наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при разрешении вопросов практической деятельности». Это постановление особо подчеркивает, что «Краткий курс истории ВКП(б)» обращен в первую очередь к руководящим кадрам, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции.

В своем докладе на XVIII с'езде партии товарищ Сталин указал, что марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития про-

летарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма есть такая отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки. При этом товарищ Сталин нарисовал тип такого деятеля нашей страны, который должен быть образцом для наших подрастающих кадров. «Ленинец, — говорил товарищ Сталин,— не может быть только специалистом в облюбованной им отрасли науки,— он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной».

Особый раздел своего гениального отчетного доклада XVIII с'езду партии товарищ Сталин посвятил вопросам марксистско-ленинского воспитания кадров.

«Можно, — говорит товарищ Сталин, — удовлетворительно поставить дело регулирования состава партии и приближения руководящих органов к низовой работе; можно удовлетворительно поставить дело выдвижения кадров, их подбора, их расстановки; но если при всем этом начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хиреть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективой нашего движения вперед, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху,— то должна обязательно захиреть вся наша государственная и партийная работа. Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот,— чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение».

Как и в деле научной постановки подбора и выдвижения кадров, так и здесь, в области марксистско-ленинской пропаганды, создание мощного аппарата — Управления пропаганды и агитации — является организационной мерой, необходимой для того, чтобы успешно решать задачи ликвидации теоретического отставания кадров.

Составным моментом научной, марксистско-ленинской постановки дела подбора кадров является, как учил Ленин и как учит товарищ Сталин, проверка исполнения партийных директив, контроль и проверка работы кадров партии и государства в процессе работы.

«Проверка исполнения — важнейшее средство, — говорил тов. Жданов в своем докладе на XVIII с'езде ВКП(б),— против застоя в работе, против плесени».

Еще на XI с'езде нашей партии Ленин не раз повторял свой гениальный завет о том, что «гвоздь положения — в людях, в подборе людей», в проверке людей. «Подбирайте нужных людей, — говорил Ленин, — и проверяйте практическое исполнение, — и это народ оценит» [1].

Это указание Ленина является руководством к действию для всей нашей партии.

«Руководить — это еще не значит,— как многократно и настойчиво раз'ясняет товарищ Сталин, — писать резолюции и рассылать директивы. Руководить — это значит проверять исполнение директив, и не только исполнение директив, но и сами директивы, их правильность или их ошибочность» [2].

Исчерпывающие указания даны товарищем Сталиным и о формах проверки работников.

«Проверять работников,— говорил товарищ Сталин в своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года,— это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы... только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества». Товарищ Сталин раз'яснил при этом необходимость сочетания проверки сверху (когда

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 256.
[2] И. Сталин «О работах апрельского об'единенного Пленума ЦК и ЦКК». 1928.

руководители проверяют руководимых по результатам их работы) с проверкой снизу (когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления).

Ленин и Сталин учат, что одним из важнейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров является добросовестное вскрытие ошибок, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок.

«...Большевики, если они действительно хотят быть большевиками,— говорит товарищ Сталин,— должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров»[1].

Призывая к обучению и воспитанию большевистских кадров в обстановке открытой и честной критики и самокритики, товарищ Сталин, Центральный Комитет партии самым решительным образом вместе с тем осуждают недоброжелательное, враждебное, махаевское отношение к нашим кадрам, к кадрам нашей интеллигенции, разоблачают тех, кто пытается старую теорию недоверия и даже враждебности, направленную против старой буржуазной интеллигенции, применить к нашей новой, советской интеллигенции, являющейся в основе своей социалистической интеллигенцией.

* * *

Воплощая в жизнь ленинско-сталинское учение о кадрах партии и государства, мы одержали великие победы. В нашей стране построена уже первая фаза коммунизма — социализм.

Партия Ленина — Сталина разгромила троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических наймитов фашизма и расчистила тем самым дорогу для новых побед на пути перехода от социализма к коммунизму.

Большевистская партия стала еще более единой и сплоченной вокруг Центрального Комитета и своего вождя товарища Сталина. Еще более крепким и могущественным стал СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян.

Большевистское выполнение задач, поставленных товарищем Сталиным в области правильного, научного подбора кадров, выращивания кадров, марксистско-ленинского их воспитания, выдвижения новых людей, правильной расстановки кадров, марксистско-ленинской закалки и их проверки по проделанной работе, является залогом успешного решения великих задач на пути перехода от социализма к коммунизму.

---

[1] И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 38. Партиздат. 1937.

К. Каменецкая

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 года В ОЦЕНКЕ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

150 лет назад во Франции началась революция.

Процесс вызревания и роста форм нового, капиталистического уклада в недрах феодального общества привел к такой перегруппировке общественных сил во Франции конца XVIII века, которая должна была кончиться и кончилась победоносной революцией против королевской власти и дворянства. В истории Франции наступил переломный момент, когда «господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции...» [1].

Французская буржуазная революция конца XVIII века, боевой армией которой была восставшая беднота города и деревни, разбила феодальные оковы, тормозившие развитие земледелия и промышленности, осуществила коренной переворот в аграрных отношениях, по-революционному решительно расправилась с монархией и феодальным землевладением и на развалинах монархии установила в момент своего наивысшего под'ема буржуазную демократическую республику. Эта революция заслуженно называется великой, ибо она не только проложила дорогу к свержению феодализма в других странах, но и послужила классическим образцом наиболее радикального и последовательного его уничтожения.

Историческое значение буржуазной революции во Франции выходит далеко за пределы исторических судеб самой Франции. Это была вторая после английской революции XVII века буржуазная революция европейского масштаба. Об английской революции 1648 года и о французской революции 1789 года Маркс писал: «Эти революции выражали еще больше потребности тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции» [2].

Действия французских буржуазных революционеров, сумевших благодаря своей решительности и связи с массами смести, отбросить и устранить все путы феодального общества, потрясли до основания весь остальной феодальный мир того времени.

Французская буржуазная революция очистила общественную почву Франции от всех феодальных оков, мешавших оформлению национального единства французского народа, сооружению здания централизованного буржуазного государства, под'ему и расцвету буржуазной культуры, ее победе над феодальным суеверием и застойностью. Этим самым французская революция создала и во всей остальной Европе условия для утверждения нового, капиталистического строя, строя более прогрессивного чем феодально-абсолютистский, которому она нанесла сокрушительный удар.

Победа новых, более прогрессивных форм общественной жизни и общественных отношений над формами устаревшими и отжившими не могла быть уничтожена никакими об'единенными полчищами европейской реакции, восстановившими во Франции легитимного короля. «... Весь XIX век,—говорит Ленин,—тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...» [3].

Вот почему в замечаниях о конспекте учебника по новой истории товарищей Сталина, Кирова и Жданова подчеркнуто, что «самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке» [4].

Всемирноисторические победы буржуазной революции конца XVIII века, ее великие завоевания, ее широкий размах, придавший ей характер революции народной, вызывали глубокое уважение и получили высокую оценку классиков марксизма-ленинизма—Маркса—Энгельса—Ленина—

---

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 125.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, Ч. 2-я, стр. 55.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 304.

[4] «К изучению истории», стр. 25. Партиздат. 1937.

Сталина. «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [1].

Маркс и Энгельс, создатели новой общественной теории — научного социализма, доказывающего неизбежность гибели капитализма и вскрывающего революционную роль пролетариата, — использовали опыт великих классовых боев и массовых выступлений периода буржуазной революции для обогащения стратегии и тактики революционного пролетариата. Ленин и Сталин, развившие дальше учение Маркса и Энгельса о пролетарской революции, постоянно указывали на то огромное значение, которое имеет завершенная буржуазная революция для пролетариата в его борьбе за социализм. «Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм» [2].

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин тщательно изучали и анализировали факты и обобщали богатый, многосторонний исторический материал французской буржуазной революции. Они учили рабочий класс помнить об этом опыте грандиозных классовых боев минувшей эпохи и использовать его при осуществлении своей роли — роли сознательного руководителя действиями широких трудящихся масс в социалистической революции. Перечень вопросов и проблем, которых касались великие классики марксизма-ленинизма при изучении и обобщении исторического материала буржуазной революции во Франции, неисчерпаем. Почетной задачей советских историков, работающих сейчас над созданием первой в мире марксистской всемирной истории, является освещение истории французской буржуазной революции конца XVIII века на основе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

1

Красной нитью, пронизывающей высказывания классиков марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции, является вопрос о коренном принципиальном отличии буржуазной революции от революции социалистической. Товарищ Сталин дал блестящее определение сущности этого коренного принципиального отличия, указав, что социалистическая революция «ставит своей целью не замену одной формы эксплоатации другой формой эксплоатации, одной группы эксплоататоров другой группой эксплоататоров, а уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплоататорских групп, установление диктатуры пролетариата, установление власти самого революционного класса из всех существовавших до сих пор угнетенных классов, организацию нового бесклассового социалистического общества» [3]. Известно, какое огромное воспитательное значение придают правильному освещению этих вопросов товарищи Сталин, Киров и Жданов, которые в своих замечаниях о конспекте учебника новой истории писали: «Основной осью учебника новой истории должна быть эта именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплоатации, — вот в чем должна состоять красная нить учебника новой истории» [4].

Идет ли речь о предпосылках и характере революции, о ее движущих силах и размахе борьбы, о соотношении классов, о характеристике политических лозунгов и оценке действующих лиц, — вывод о буржуазной ограниченности стремлений и задач, лозунгов и программных деклараций всегда выдвинут на первый план, отчетливо выражен, ничем не затемнен. Едко высмеивая трусливых лидеров французской буржуазии в революции 1848 года за их жалкие потуги подражать великим буржуазным революционерам XVIII века—Робеспьеру, Сен-Жюсту и др. Маркс отдает должное революционному героизму и революционной инициативе этих последних. «Революционеры разбили феодальную землю на части и скосили выросшие на ней феодальные головы... Как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов» [5]. По вслед за этим Маркс дает непревзойденный по четкости, яркости и образности вывод о классовой ограниченности задач буржуазной революции и ее последствий: «Едва новая общественная формация успела сложиться,—

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 250.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 57.

[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 203.
[4] «К изучению истории», стр. 25—26. Партиздат. 1937.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 324.

пишет он,—как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых,—Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII»[1].

И дальше Маркс раскрывает одно характерное отличие социалистической революции от революции буржуазной—трезвое научное понимание борцами социалистической революции ее задач, ее исторического содержания, что освобождает их от формального подражания ложно понятым традициям прошлого, ложно оцененным героям прошлого, от преклонения перед революционной фразеологией в ущерб содержанию.

«В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии... Социальная революция XIX столетия не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего. Она не может стать сама собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. Прежним революциям необходимы были всемирно-исторические воспоминания о прошедшем, чтобы заглушить в себе мысль о собственном содержании.

Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза преобладала над содержанием, здесь содержание преобладает над фразой»[2].

Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг», говоря о прогрессивной роли буржуазии в революции XVIII века, в то же время ярко вскрывает одну из характернейших черт буржуазной революции, принципиально отличающую ее от революции социалистической. Он указывает, что те же самые условия, которые дали возможность представителям буржуазии «явиться защитниками не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества»[3], что эти же самые условия, а именно факт существования «рядом с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией» и антагонизма «эксплоататоров и эксплоатируемых, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков», ограничивали революционные возможности буржуазии, отнимая от нее «боевую армию революции» — рабочих и крестьян, толкая последних на путь самостоятельного движения.

«И хотя требования, которые защищало третье сословие в своей борьбе с дворянством, в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени, тем не менее при каждом крупном восстании горожан вспыхивало самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»[4].

Ленин и Сталин, стоявшие во главе первой в мире победоносной социалистической революции, развившие дальше марксову теорию, создавшие новую, законченную теорию социалистической революции, теорию о возможности победы социализма в отдельных странах, об условиях его победы, о перспективах этой победы, дали на основе анализа живого творческого опыта масс в социалистической революции полный и исчерпывающий ответ на вопрос о коренном отличии буржуазной революции от революции социалистической.

Ленин выдвигает на первый план одно из основных различий между революцией буржуазной и революцией социалистической—прибавление в социалистической революции к задачам разрушения старого строя новых труднейших задач—задач организационных. Осуществление этих задач в свою очередь становится возможным благодаря огромной роли революционной инициативы и творчества широких масс трудящихся, для выявления и роста которых социалистическая революция не ставит никаких преград, ибо эта революция совершается в интересах этих широких народных масс.

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 324.

[2] Там же, стр. 324, 325.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 18.

[4] Там же.

является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»[1].

Товарищ Сталин на опыте Великой Октябрьской социалистической революции подвел блестящий итог высказываниям классиков марксизма-ленинизма о коренном различии между революцией социалистической и революцией буржуазной, указав, что «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»[2].

Развивая дальше теорию Маркса—Энгельса—Ленина о пролетарской революции, товарищ Сталин поставил вопрос о четком выявлении характерных черт пролетарской революции в отличие от революции буржуазной и свел это различие к следующим пяти пунктам:

«1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, при чем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплоататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплоатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз именно как трудящихся и эксплоатируемых, если она хочет выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой социалистической экономики»[3].

Эти 5 пунктов, сформулированных с предельной сталинской отчетливостью, представляют собой такую вершину марксистского обобщения, которая охватывает все коренные вопросы пролетарской революции. Эти 5 пунктов помогают строителям первого в мире социалистического государства осознать все величие возложенных на них историей задач и в то же время являются надежным марксистским критерием в руках советских историков, помогая им в изучении самых сложных и запутанных вопросов буржуазной революции.

Определяя характер французской революции конца XVIII века как революции буржуазной, направленной против королевской власти и дворянства, против всего феодально-абсолютистского строя в целом, классики марксизма-ленинизма не ограничиваются установлением общих черт революции, которые характеризуют всякую буржуазную революцию. Они стремятся точно очертить ту конкретно историческую роль, которую сыграла французская революция конца XVIII века, в отличие от других буржуазных революций, как предшествовавших ей, так и следовавших за ней.

«Не надо смешивать, — писал Маркс, — прусскую мартовскую революцию ни с английской революцией 1648 г., ни с французской 1789 г.

В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви.

В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви»[4].

Маркс отмечает, что несмотря на различия французская буржуазная революция 1789 года имела много общего со своей

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 315.

[2] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 47.

[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107—108.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 54.

предшественницей — английской революцией XVII века,—хотя она и шагнула по сравнению с ней вперед на целое столетие. «В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса»[1].

Но боевой армией всех великих буржуазных революций были крестьянские и плебейские элементы городов; во всех этих революциях буржуазия только тогда одерживала победу, когда крестьянство и плебейские элементы городов выводили ее в процессе борьбы гораздо дальше тех классово ограниченных целей, которые вытекали из буржуазного характера революции.

«Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы, — писал Энгельс о революции 1789—1793 годов,— ...начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»...[2].

Об этих исторических наблюдениях или обобщениях Энгельса Ленин писал, что они подтвердились и ходом русской буржуазно-демократической революции 1905 года. «Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания»[3].

Товарищ Сталин в беседе с английским писателем Уэллсом подчеркнул, что французская революция победила именно потому, что она была не адвокатской революцией, а революцией народной, поднявшей на борьбу против феодализма громадные народные массы.

Именно эти характерные черты, отмеченные Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным как общие черты действительно великих буржуазных революций, расширили сферу влияния французской буржуазной революции далеко за пределы той страны, в которой она происходила, и определили ее характер как революции европейского масштаба. «Они представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества» (К. Маркс).

Эти же именно черты сближают великую буржуазно-демократическую революцию XVIII века с буржуазно-демократическими революциями эпохи империализма в России.

Совсем по-другому обстояло дело в буржуазных революциях, подобных мартовской революции 1848 года в Пруссии. «Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату»[4]. А это в свою очередь сузило размах и сферу распространения влияния революции.

«Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собою только хилый отголосок европейской революции в отсталой стране...

Прусская мартовская революция не была даже национальною, германскою, она с самого начала была провинциально-прусскою»[5].

Но не следует упускать из виду, что Ленин и Сталин, применявшие общие законы развития буржуазных революций для уяснения задач и хода развития буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, всячески подчеркивали отличительные черты этой последней — иное соотношение классовых сил, иные законы развития.

«Русская буржуазно-демократическая революция (1905 г.), — писал товарищ Сталин, — протекала при условиях, отличных от условий на Западе во время революционных переворотов, например, во Франции и в Германии. В то время как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 54.

[2] Ф. Энгельс. Письмо Каутскому от 20/II 1889 г. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 211.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 55.

[5] Там же.

революция на Западе разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией,— в России, наоборот, революция началась (1905 г.) в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы, когда сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией, имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазная, имел свои классовые требования, а русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян...

Обстановка требовала, чтобы пролетариат стал во главе революции, сплотил вокруг себя революционное крестьянство и повел решительную борьбу против царизма и против буржуазии одновременно, во имя полной демократизации страны и обеспечения своих классовых интересов»[1].

2

Свои гениальные исторические обобщения о характере, движущих силах, историческом значении французской буржуазной революции Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин создавали на основе кропотливого изучения конкретного хода событий, на основе собирания и анализа фактов. Много блестящих страниц и метких оценок, бьющих по самому существенному и главному, мы находим у классиков марксизма-ленинизма по отдельным вопросам и событиям, об отдельных действующих лицах французской буржуазной революции.

Среди них и вопросы состояния промышленности и сельского хозяйства в дореволюционной Франции, и вопросы внутренней периодизации революции — определение грани между восходящей и нисходящей линиями ее развития,— и оценки конституции и законодательных актов (закон Ле-Шапелье), и тщательный анализ нарастания борьбы якобинцев с жирондистами. Блестящие, меткие характеристики, данные классиками марксизма-ленинизма отдельным деятелям революции: Марату, Робеспьеру, Дантону, Мирабо и другим,— сохранили всю свою остроту и свежесть и в свете последних новых данных, выявленных учеными в ходе дальнейшей разработки истории французской революции.

Но наибольшее внимание и место классики марксизма-ленинизма уделяли тому периоду французской революции, когда у власти находилась самая решительная, самая близкая к народным массам часть революционной буржуазии — якобинцы. О революционных якобинцах, установивших начиная с 31 мая 1793 года твердую, сильную власть, беспощадную к врагам народа, о вождях якобинцев, показавших примеры решительности и мужества в самые трудные моменты революции, классики марксизма-ленинизма отзываются как о подлинных революционерах, как о лучших, самых передовых людях своей эпохи.

Энгельс о якобинцах писал, что это «были люди, обладавшие мужеством беззакония, не отступавшие ни перед чем,— люди железной энергии, которым удалось добиться того, что, начиная с 31 мая 1793 г. до 26 июля 1794 г., ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, словом, ни один буржуа не решился показаться»[2].

Эту же оценку якобинцев мы находим у Ленина, который писал: «...великие якобинцы 1793 года не боялись об'явить врагами народа именно представителей реакционного, эксплуататорского меньшинства народа своего времени... представителей реакционных классов своего времени»[3]. Ленину принадлежит следующая замечательная характеристика якобинского Конвента:

«...чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев)»[4].

Класс французской буржуазии в целом не был способен осуществить эту роль самого передового, самого решительного, самого революционного класса. По мере углубления революции и втягивания в нее широких масс народа революционность буржуазии убывала и прочность буржуазных завоеваний революции становилась под угрозу.

Роль самого передового отряда революции выполнила не вся буржуазия в целом, а только часть ее — якобинцы,— причем

---

[1] И. Сталин «О Ленине», стр. 13—14, «Молодая гвардия». 1937.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 29.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 435.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 51.

решающим условием, давшим возможность якобинцам добиться упрочения буржуазных завоеваний революции, являлась их близость к народным массам. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., — писал Ленин, — состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»[1].

Период якобинской диктатуры был высшей фазой развития французской буржуазной революции, и эта высшая фаза стала возможной только благодаря тому, что якобинцы, тесно связанные с народными массами и под напором этих народных масс, применили против сил феодальной контрреволюции «плебейские» методы борьбы, что борьба велась уже «не на буржуазный манер», как подчеркивает Маркс, хотя целью этой борьбы было «осуществление интересов буржуазии»[2]. «Весь французский терроризм, — писал Маркс, — представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством»[3].

Вот этой именно стороной якобинской диктатуры, ее «плебейскими» методами борьбы с феодализмом и контрреволюцией, больше всего и интересовались классики марксизма-ленинизма, тщательно изучавшие и анализировавшие организацию власти якобинской диктатуры, ее опыт борьбы со шпионажем и диверсиями, опыт подавления контрреволюционных мятежей и всю богатую революционную инициативу, при помощи которой якобинцы добивались победы на фронтах.

В 1848 году Маркс и Энгельс призывали немецкую демократию бороться по-якобински с феодализмом и абсолютизмом. Ленин называл новоискровцев, меньшевиков «жирондистами современной социал-демократии» и клеймил Плеханова, который в момент революции пугал якобинством. В своем докладе на III с'езде партии Ленин, приводя классическое определение якобинских методов борьбы, данное Марксом, заявляет: «Мы тоже предпочитаем разделываться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские»[4].

Развивая и разрабатывая вопросы о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о вооруженном восстании, Ленин постоянно обращался к тому образцу организации революционной власти, который дали якобинцы. «Признавать Конвент и ратовать против захвата власти — значит играть словами. Признавать Конвент и распинаться против «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — значит побивать самого себя»[5]. Или другой пример: подготовляя материал к своему докладу на III с'езде партии о временном революционном правительстве, Ленин делает следующую запись:

«Якобинство»!

7) Самост[оятельность] «раб[очего] рев[олю]ц[ионного] прав[ительст]ва»...

р[абочие] клубы,

р[абочие] к[омите]ты, etc., воор[ужение], пролет[арская] гвардия etc.

центр[а]л[иза]ция р[абочих] клубов etc»[6].

Тов. Сталин обращает внимание на следующий характерный момент из опыта организации революционной власти якобинцами — на создание Комитета общественной безопасности, специального органа власти по борьбе с контрреволюцией и шпионажем.

«ГПУ или ЧК есть карательный орган советской власти. Этот орган более или менее аналогичен Комитету общественной безопасности, созданному во время Великой французской революции. Он карает главным образом шпионов, заговорщиков, террористов, бандитов, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Он представляет нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контр-революционных буржуа и их агентов»[7].

Но, высоко оценивая революционную решительность, мужество якобинцев и созданный ими тип твердой, сильной революционной власти, беспощадной к врагам народа, классики марксизма-ленинизма вскрыли и другую сторону якобинцев — их классовую буржуазную ограниченность, их неспособность улучшить коренным образом положение городской и деревенской бедноты, их непоследовательную политику в отношении тех самых широких народных масс, опираясь на которые, они сумели упрочить буржуазные завоевания революции. Классики марксизма-ленинизма делают этот вывод о буржуазной ограниченности якобинцев на основе конкретного анализа характера мероприятий якобинцев в области социально-экономической

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 435.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 54.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 270.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. IX, стр. 217.
[6] Ленинский сборник V, стр. 254.
[7] И. Сталин «Беседа с иностранными рабочими делегациями», стр. 44. ГИЗ. 1927. И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 312. 9-е изд.

политики, в области государственного строительства и т. д.

Маркс напоминает, что якобинцы оставили в силе закон Ле-Шапелье, запрещавший союзы рабочих и каравший рабочих за стачки. Ленин напоминает о буржуазно-ограниченном характере разрешения якобинцами земельного вопроса, о непоследовательности их мероприятий по борьбе со спекуляцией и т. д.

В то время, когда существовала якобинская диктатура, еще не было материальных условий, создающих необходимые предпосылки для устранения буржуазного способа производства и свержения политического господства буржуазии; историческое значение якобинцев могло заключаться лишь в том, чтобы расчистить от феодализма дорогу для капитализма, для господства буржуазии.

«Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее тревожной осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа лишь выровняли ей, следовательно, дорогу» [1].

Ленин писал, что «...французский Конвент размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры» [2].

Из этой оценки классиками марксизма-ленинизма классового характера и исторического значения якобинской диктатуры вытекает и ответ на вопрос о причинах падения якобинской диктатуры. Якобинцы в силу своей буржуазной ограниченности не пошли на дальнейшее углубление революции. Якобинцы не провели конфискации помещичьей земли, так как не хотели покушаться на собственность, они не отменили максимума на заработок рабочего, они не провели в жизнь декретов об обеспечении бедноты за счет конфискованных земель контрреволюционеров.

Всем этим якобинцы лишили себя той опоры, которая составляла главную силу их власти,— они лишили себя поддержки масс, и тогда вступил в силу тот отличительный признак буржуазной революции, о котором говорит тов. Сталин: «Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми...» [3].

Неспособность революционной части буржуазии пойти на дальнейшее углубление революции в силу своей буржуазной классовой природы всегда оттенял Ленин. Говоря о том, что большевики хотят по-якобински разделаться с монархией и аристократией, он тут же показывает коренное принципиальное отличие программы большевиков в буржуазно-демократической революции от программы якобинцев.

«Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793-го года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа—программа-минимум Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса» [4].

3

Высказывания классиков марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции конца XVIII века содержат оценки международного положения французской революции и характера войн, которые велись тогда революционной Францией. Против революционной Франции ополчилась вся феодальная Европа; феодальные монархи создали коалицию и непрерывно вели против Франции контрреволюционные войны. Причину этого классики марксизма видят в том колоссальном революционизирующем влиянии, которое оказывали французские «плебейские» методы расправы с феодализмом и абсолютизмом далеко за пределами Франции.

«Если французские революционные горожане и революционные крестьяне в конце XVIII века, свергнув у себя монархию революционным путем, установили демократическую республику,— расправившись со своим монархом, расправились по революционному и со своими помещиками,— то эта политика революционного класса не могла не потрясти до основания всей остальной самодержавной, царской, королевской, полуфеодальной Европы. И неизбежным продолжением этой политики победившего во Франции революционного класса явились войны...» [5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 206.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 164.

[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 65.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 333—334.

Классики марксизма-ленинизма оценивали эти войны революционной Франции как войны справедливые и оборонительные, при помощи которых революционная Франция защищалась от реакционно-монархической Европы. Они учили различать оборонительные, справедливые войны 1792—1793 годов от последующих войн, которые велись Францией после победы реакции внутри страны, после установления контрреволюционной диктатуры Наполеона. Войны наполеоновского периода Ленин определял как войны захватнические и несправедливые, имевшие целью порабощение и угнетение других народов.

Разрабатывая теорию и тактику пролетарской партии по вопросам войны, мира и пролетарской революции, классики марксизма-ленинизма неоднократно обращались к истории войн французской революции, они черпали из их богатого опыта как материал для выработки отношения пролетарской партии к различного рода войнам, так и материал для выяснения историко-экономических условий, обеспечивающих победу той стране, которая ведет справедливые войны против захватчиков. Эти условия классики марксизма-ленинизма видели в расширении и углублении революции, в упрочении завоеваний революции.

«Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах,— писал Ленин.— Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению— вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, перерод и в, обновив ее хозяйственную основу»[1].

В вопросе о войнах французской буржуазной революции, как и во всех других вопросах, классики марксизма-ленинизма четко выделяют вопрос о принципиальном отличии буржуазной революции от революции социалистической. Ленин подчеркивает, что для того, чтобы сделать Россию в XX веке обороноспособной и добиться в стране такого же массового героизма, как во Франции в период якобинской диктатуры, надо не только смести феодализм, уничтожить помещичье землевладение, но и взять в свои руки, в руки социалистического государства, все орудия и средства производства.

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 189.

Недостаток места не позволяет останавливаться на целом ряде частных вопросов, связанных как с оценкой международного положения Франции на разных этапах революции, так и с оценкой внешнеполитических позиций различных классовых групп и отдельных деятелей революции, освещенных классиками марксизма-ленинизма в статьях, письмах и др. Богатство и обилие этих материалов заслуживает того, чтобы быть предметом специальной статьи.

* * *

Классики марксизма-ленинизма при изучении исторического опыта французской буржуазной революции уделяли большое внимание центральному вопросу всякой революции — вопросу о власти. В результате революции был свергнут абсолютизм во Франции, власть была вырвана у аристократии и приведена в соответствие с буржуазной экономикой. Но вопрос о том, как совершался в ходе революции и в ходе всей дальнейшей истории Франции процесс построения буржуазного государства, тщательно изучался классиками марксизма-ленинизма. Энгельс отмечал, что именно во Франции, где «историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца... в наиболее резких очертаниях выковываются те меняющиеся политические формы, внутри которых движется эта классовая борьба и в которых находят свое выражение ее результаты»[2].

То же самое подчеркивает и Ленин.

«Государственная машина» есть бюрократически-военная машина в большинстве капиталистических государств... Во Франции с «особенной» «к л а с с и ч е с к о й» ясностью обрисовался в с е о б щ и й капиталистический процесс—с одной стороны, создание этой машины (средние века,— монархия абсолютная,— монархия конституционная, — парламентарная монархия или республика), с другой стороны, ее «сведения к ее самому чистому выражению»... и тем самым приближения борьбы за ее «р а з р у ш е н и е»[3].

Гениальные работы Маркса «18-е Брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции», в которых дано определение исторических задач диктатуры пролетариата по отношению к буржуазному государству как задач слома государственной машины угнетения, созданной буржуазией, содержат глубокий анализ истории развития и изменения форм правления буржуазного государства. Буржуазное го-

[2] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Собр. соч. Т. XVI, Ч. 1-я, стр. 189—190.

[3] В. И. Л е н и н «Марксизм о государстве», стр. 20.

сударство, как указывает Маркс, начало формироваться еще в средние века, когда абсолютная монархия уже «служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в борьбе его с феодализмом»[1]. Но абсолютная монархия не могла развиться в буржуазное государство, в государственный комитет по делам буржуазии: этому препятствовали «поместные и дворянские прерогативы, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам...»[2].

Задачу устранения препятствий для сооружения здания буржуазного государства могла выполнить только революция. «Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела весь отживший сор давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства»[3].

Роль и значение французской буржуазной революции в деле построения здания централизованного буржуазного государства очень велика. Она имела «своей задачей уничтожить все сепаратные, локальные, территориальные, городские и провинциальные власти, чтобы создать гражданское единство нации»[4].

Буржуазная французская революция выполнила эту свою задачу. Классики марксизма-ленинизма указывали, что и в этом вопросе, т. е. в вопросе проведения в жизнь необходимых буржуазии государственных преобразований, решающую роль играл размах революции, участие в ней широких народных масс, под напором которых была сметена монархия, провозглашена республика и выработана самая демократическая буржуазная конституция 1793 года — «...В эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков»[5].

Проведению в жизнь необходимых буржуазии государственных преобразований способствовал также и тот факт, что французская революция пережила полосу революции муниципальной, что она укрепилась в местных самоуправлениях, что Франция с 1792 по 1798 год управлялась местными выборными органами.

Но для того чтобы выполнить свои задачи, буржуазная революция не нуждалась в сломе старого государственного аппарата. Наоборот, для достижения своих целей она «должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией: централизацию, а вместе с тем об'ем, атрибуты и число прислужников правительственной власти»[6]. Само здание буржуазного государства, отмечает Маркс, еще не было построено в годы революции, оно было создано лишь в годы первой империи. «Наполеон довел до совершенства эту государственную машину»[7].

Все изменения, преобразования государственной машины, имевшие место до наполеоновской империи включительно, служили одной цели: они были «средством подготовления классового господства буржуазии» и усовершенствования формы правления, они помогали буржуазии бороться с феодализмом. Конституционная монархия лучше чем абсолютная; парламентская лучше чем конституционная. Лучше всего служила этой цели демократическая республика, установленная во Франции якобинцами в период наивысшего под'ема революции.

Ленин, высоко оценивавший опыт организации революционной власти в период диктатуры якобинцев, указывал, однако, что революционные якобинцы не шли до конца и в деле создания нового государственного аппарата. «Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, — писал Ленин в 1917 году. — Нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему... Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках»[8].

Все изменения форм правления буржуазного государства, происходившие уже в пореволюционный период, в ходе дальнейшей истории Франции служили другой цели. Они вели к тому, что усиливали угнетательский характер буржуазной государственной машины, этого органа господства буржуазии над трудящимися массами.

---

[1] Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 363. Госполитиздат. 1938.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 401.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 196.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 401.
[7] Там же.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 262—263.

Таким образом, блестящий анализ истории развития буржуазного государства, данный Марксом, включает два вывода:

Во-первых, вывод о том, что все буржуазные перевороты «совершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее» [1].

Во-вторых, вывод о том, что в процессе своего дальнейшего развития буржуазное государство перестало играть прогрессивную роль и превратилось в самую последнюю, самую проституированную форму «той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом как орудие его освобождения от феодализма и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталу» [2].

Анализ истории возникновения и развития буржуазной государственной машины, с одной стороны, и изучение практического опыта первой рабочей революции — Парижской коммуны, — с другой стороны, привели классиков марксизма-ленинизма к одному и тому же выводу о том, что «революция пролетариата не может «просто» взять в руки «готовую» государственную машину, революция должна разбить ее, эту готовую машину, и заменить новой» [3].

Товарищ Сталин рассматривает эту задачу пролетарской революции как одну из ее характернейших черт, принципиально отличающих ее от революции буржуазной.

«Буржуазная революция... не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция... не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой» [4].

* * *

При изучении истории французской буржуазной революции следует иметь постоянно в виду то положение, которое отмечено в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества» [5].

Этому вопросу, вопросу изучения и оценки исторической роли тех новых передовых идей, которые облегчали движение вперед французского общества, ускоряли приближение революционной развязки, классики марксизма-ленинизма придавали большое значение.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно, — говорил Энгельс. — Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государственный порядок — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности» [6].

«В течение всей новейшей истории Европы, — писал Ленин, — и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм» [7].

Ленин говорит, что просветители XVIII века своей борьбой с феодализмом и поповщиной обогащали общественную науку и двигали ее вперед.

Но наряду с высокой оценкой революционизирующей роли французских материалистов и французских просветителей в борьбе с феодализмом классики марксизма-ленинизма вскрывали историческую ограниченность их идей, их неспособность выйти за пределы буржуазной идеологии.

«Мы знаем теперь, — писал Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а самым существенным из прав человека об'явлено было право буржуазной собственности. Государство разума, «общественный договор» Руссо, оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые им ставила их собственная эпоха» [8].

Но если передовые идеологи, французские просветители, французские материа-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 404.

[2] Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 364.

[3] В. И. Ленин «Марксизм о государстве», стр. 16. Партиздат. 1932.

[4] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107.

[5] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 111.

[6] Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 9. Партиздат. 1934.

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 350.

[8] Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 10. Партиздат. 1934.

листы, критикуя феодальные учреждения и идеи, облегчали и ускоряли движение французского общества к полному утверждению капиталистического строя, то уже сама революция, отмечает Маркс, «вызвала к жизни идеи, которые выводят за пределы идей всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Cercle social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом Бабефа, Буонарроти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка»[1].

Почва для зарождения этих идей могла быть создана только теми особыми условиями французской революции, которые придали ей размах и силу, т. е. участием в ней широких масс трудящихся города и деревни. Участие в революции народных масс приводило к расширению и оформлению требований о демократизации государства и общественного строя. При этом народные массы вкладывали в эти «революционные требования буржуазии смысл, которого там не было, довели равенство и братство до крайних выводов, поставив буржуазный смысл этих лозунгов на голову»[2].

Энгельс отмечал, что в ходе самой революции и даже в период ее наивысшего развития эти требования масс носили крайне смутный, неоформленный характер «мечты» и что лишь позднее «... заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда»[3].

* * *

Энгельс писал об одной из годовщин французской буржуазной революции: «коммунисты всех стран имеют полное право участвовать в празднике французской республики, как бы там «превзойдена» она ни была»[4]. Эти слова Энгельса полностью оправдываются сейчас, в 150-летний юбилей французской буржуазной революции.

Народы СССР, победившие контрреволюционную интервенцию, осуществившие самую демократическую в мире сталинскую Конституцию, построившие социализм и самоотверженно борющиеся за выполнение Третьей Сталинской Пятилетки, высоко оценивают доблесть, героизм, революционную самоотверженность народных масс Франции и их революционных вождей в период буржуазной революции конца XVIII века.

В самой Франции только коммунистическая партия стремится превратить этот юбилей во всенародное празднество и использовать его как действенное средство борьбы за единство французских трудящихся масс для защиты демократии и свободы, для борьбы против фашизма и империалистической войны.

Правящие классы современного, загнивающего капиталистического мира, давно уже переставшего быть прогрессивным, бешено ненавидят французскую революцию именно за то, что она была народной революцией, что ее боевую армию составляли рабочие, крестьяне, городская беднота.

Фашисты и их пособники — реакционеры всех стран, в том числе и самой Франции, — не останавливаются перед фальсификацией исторических документов, чтобы оклеветать народные массы, очернить их революционный порыв и изобразить в ложном свете великих революционеров, тесно связанных с этими массами.

Фашистские мракобесы и их пособники, зачинщики захватнических войн, ненавидят исторический опыт французских революционеров, организаторов и вдохновителей побед революционной Франции в ее справедливых войнах против интервентов. Они боятся, что этот опыт явится источником вдохновения для порабощенных фашизмом народов в их борьбе против фашистских интервентов.

Советская общественность встречает юбилей французской буржуазной революции новыми достижениями в деле научной разработки вопросов истории этой революции, на основе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 147.

[2] Ф. Энгельс. Письмо к Каутскому от 20 февраля 1889 года. «Историк-марксист» № 2(30) за 1933 год, стр. 42.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 28.

[4] Там же, стр. 29.

И. Гохберг

ОБ АНТИЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО ПО ВОПРОСУ О ДЕКАБРИСТАХ

Историческое постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» указало, что «до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство в вопросах истории были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму, освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю». Задача настоящей статьи — показать антиленинскую сущность, антиисторичность трактовки Покровским и его «школой» одного из вопросов истории СССР, а именно: вопроса о восстании декабристов.

I

В ряде своих высказываний Ленин и Сталин дали цельную, стройную и глубоко диалектическую концепцию восстания декабристов, оценивая их как дворянских революционеров, как первенцев свободы, положивших начало революционному движению XIX века в России. «Чествуя Герцена, — писал Ленин, — мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах»[1].

Ленин и Сталин связывали борьбу декабристов с революционной борьбой народных масс против крепостничества и самодержавия. Они дали исчерпывающую характеристику революционности декабристов.

«В 1825 году Россия, — писал Ленин, — впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»[2].

Подчеркивая военный характер восстания декабристов, Ленин отмечал: «Интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году»[3].

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом в ответ на реплику Людвига: «Но ведь Романовы продержались 300 лет» — товарищ Сталин сказал: «Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция»[4].

Эти высказывания Ленина и Сталина показывают, что они оценивали декабристов как людей, «действовавших в русской революции». Ленин и Сталин с глубоким сочувствием отмечают протест декабристов против насилий царизма: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов»[5], — писал Ленин.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 468—469.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 348.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 351.
[4] Ленин — Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 526.
[5] В. И. Ленин Соч. Т. XVIII, стр. 81.

Стремление декабристов к политическим и экономическим преобразованиям России представляло собой об'ективно борьбу за переход от феодально-крепостнического строя к буржуазному.

К этому времени феодализм в Западной Европе был разбит, утверждалась и крепла новая, более прогрессивная по сравнению с феодализмом общественно-экономическая формация — капитализм. В капиталистическом же направлении шло и развитие России в первой четверти XIX века.

Рост числа рабочих на фабриках и заводах и особенно рост числа вольнонаемных подтверждает следующая таблица:

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих		
		Общее	Крепостных в %	Вольнонаемных в %
1804	2500	95 000	52	48
1825	5261	210 500	46	54

В промышленности шел процесс машинизации, происходило укрупнение производства. Промышленность все больше и больше втягивалась в рыночный оборот.

Одновременно с ростом промышленности росла торговля, как внешняя, так и внутренняя. Интересны основные цифры экспорта и импорта за первые десятилетия XIX века:

Экспорт хлеба:

(годы)

1806 — 1810 . . . . . 9,089 млн. пудов хлеба
1816 — 1820 . . . . . 29,655 » » » [1]

Импорт хлопка:

(годы)

1809 . . . . . было ввезено хлопка 558 000 фунтов
1810 . . . . . » » » 3 800 000 »
1811 . . . . . » » » 9 250 000 »

«Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима» [2].

В торговлю сельскохозяйственными продуктами втягивалась и верхушка крестьянства. Это послужило началом диференциации деревни и образования буржуазии из среды крепостных крестьян. Многие купцы из крестьян в России богатели, выкупались на волю и открывали капиталистические мануфактуры, сахарные и волочные заводы, хлопчатобумажные мануфактуры и т. п.

Вместе с новыми элементами капиталистических отношений появился и известный слой передовых людей общества, тяготившихся старыми порядками. «Общественная жизнь, — писал в 1906 году товарищ Сталин, — не является чем-то неизменным, застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне — она в вечном движении, в разрушении — созидании... Поэтому-то в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее, революция и реакция — в ней непременно что-нибудь умирает и в то же время непременно что-нибудь рождается» [3].

Тот новый общественно-передовой слой, который представляли декабристы, испытал в процессе своего общественно-политического формирования сильное влияние революционных идей Запада.

«Руководство политическим движением, — писал Ленин, — принадлежало почти исключительно офицерам, в особенности офицерам-дворянам; они были заражены соприкосновением с демократическими

[1] Кулишер «Очерки истории русской торговли», стр. 275.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 140.
[3] Цит. по Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 78. Изд. 1937 года.

идеями Европы во время наполеоновских войн»[1].

Пребывание во Франции частей русской армии во время войны с Наполеоном оказало на многих солдат и офицеров революционизирующее влияние; они были сильно поколеблены в своих старых взглядах на самодержавие и крепостнические порядки в России.

Молодые русские офицеры в Западной Европе знакомились с идеями французских просветителей, с идеями французской революции, с политическим устройством различных стран Западной Европы и Америки, сравнивали их социально-политические порядки с порядками крепостнической России. Они изучали различные конституции и опыт революционной борьбы за свободу в западноевропейских странах, изучали политическую экономию Адама Смита.

О революционном воздействии буржуазно-демократической мысли Западной Европы на декабристов очень ярко и красочно писали и говорили сами декабристы. Декабрист Тургенев писал: «Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну, либеральныя идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск большия массы народного ополчения также видели заграничныя страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам, и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда»[2].

Пестель также писал, что от Португалии до России «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»[3]. Пестель подчеркивал, что на его мировоззрение оказал влияние и ряд революционных событий, происходивших в Европе в начале XIX века.

«Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, — писал Пестель, — показали столько престолов низверженных, столько других поставленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных, и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить»[4].

Декабристы были передовыми людьми, у которых чувство чести и долга перед отечеством было сильно развито. Все они были пламенными патриотами. Любовь к родине толкала их на борьбу за ее преобразование.

Говоря о декабристе Н. И. Тургеневе, великий поэт Пушкин писал:

«Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И слово «рабство» ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян».

Сами декабристы не раз говорили о своем патриотизме, двигавшем их на борьбу с царизмом. «Когда с прочими членами, разделявшими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, — писал Пестель, — то представлял себе дивную картину сего счастья, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей»[5].

После возвращения из Франции декабристы с болью в душе сравнивали буржуазно-демократические порядки западных стран с крепостным режимом царской России. Они ненавидели господство Александра I, это царство «материальной животной жизни», покоящейся на власти кнута и виселицы, на ужасах крепостного права, на чинолюбии, деньголюбии, взяточничестве и разврате.

Декабристы боролись против царизма, за свободу родины, за республику. Любовь к родине сочеталась у них с глубокой и кипучей ненавистью к самодержавию.

Декабристы хотели видеть свою родину преобразованной на республиканский лад и готовы были отдать жизнь за ее свободу.

В поэме «Наливайко» К. Ф. Рылеев писал:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первым восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 351.
[2] Н. Тургенев «Россия и русские». Т. I, стр. 59. 1915.
[3] «Декабристы». Центроархив. Сборник отрывков из источников, стр. 128. Госиздат. 1926.
[4] Там же, стр. 127.
[5] М. Н. Покровский «Декабристы», стр. 64—65. Гиз. 1927.

Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...» [1].

Во время заключения в крепости Рылеев написал гвоздем на оловянной тарелке:

«Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за Отчизну» [2].

Декабристы были первой организованной, компактной дворянской революционной оппозицией против царизма в первой четверти XIX века. Они первые подняли знамя борьбы против крепостничества и самодержавия.

Декабристы создали ряд революционных обществ: в 1816—1817 годы — «Союз спасения», в 1818—1821 годы — «Союз благоденствия», в 1821—1825 годы — «Южное общество», «Северное общество», в 1823—1825 годы — «Общество соединенных славян». В программу более решительных декабристов входили: отказ от присяги, военные восстания, убийство императора и его рода, образование временного правительства, об'явление республики и т. п.

Даже более умеренные члены «Северного общества» выступали против царизма. Из документов мы узнаем, что в 1821 году агенты тайной полиции сообщают о недовольстве против царизма, замеченном даже в Гостином дворе и на бирже: «На что нужен государь, который совершенно не любит своего народа, который только путешествует и тратит огромные суммы. Когда же он дома, то постоянно тешит себя парадами. Все знают, что уже давно в судах совершаются вопиющие несправедливости, дела выигрывают те, кто больше заплатит, а государь не обращает на это внимания» [3].

Пестель — организатор и идеолог «Южного общества» декабристов — призывал уничтожить всех претендентов на царский престол. Муравьев на следствии рассказывал о плане действий Пестеля. Пестель для успеха революции и полной победы общества настаивал на выполнении следующего плана: «правление общества должно сперва убить членов императорской фамилии, заставить святейший синод и сенат об'явить оное временным правительством, которое должно быть облечено неограниченною властью...» [4]. Временному правительству должна присягнуть вся Россия.

План убийства царя и захват власти имел несколько вариантов. Еще летом 1823 года «Южное общество» намечало план захвата в плен Александра I и всей его главной квартиры в момент ожидавшегося посещения ими бобруйской крепости, гарнизонную службу в которой должны были нести члены тайного общества. После ареста императора С. И. Муравьев рассчитывал увлечь войска в поход на Москву, а петербургские и тульчинские заговорщики должны были тем временем захватить власть в столице и в ставке 2-й армии. В 1824 году С. И. Муравьев и М. П. Бестужев-Рюмин выдвинули аналогичный план действия на случай смотра под Белой церковью. Убийство Александра предполагалось произвести в Таганроге. Как представляли себе декабристы будущее правление и отношение граждан к царю, видно из следующей декабристской агитационной листовки, написанной в форме диалога:

«Вопрос: Стало быть, все люди должны быть свободными?

Ответ: Без сомнения.

Вопрос: А все ли люди свободны?

Ответ: Нет. Малое число людей поработило большее.

Вопрос: Не сам ли бог учредил самодержавие?

Ответ: Бог во власти своей никогда не учреждал зла.

Вопрос: Есть ли государи самодержавные в других землях?

Ответ: Нет. Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде поставлены непременные правила или законы» [5].

В проекте конституции Никиты Муравьева, в разделе III «О состоянии, личных правах и обязанностях русских», записаны такие требования:

«37. Подземелья и казематы крепостные, вообще все так называемые Государственные темницы уничтожаются; никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах».

«28. Военные поселения немедленно уничтожаются».

В «Катехизисе» Муравьева-Апостола на вопрос «Какое правление сходно с законом божьим?» следует ответ «Такое, где нет царей» и далее: «Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апо-

---

[1] К. Рылеев. Полное собрание стихотворений, стр. 248—251. Издательство писателей в Ленинграде. 1934.

[2] Там же, стр. 368.

[3] Сборник «Декабристы», стр. 233.

[4] Там же, стр. 130.

[5] Там же, стр. 249—250.

столов из простого народа, а не из знатных и царей». Вопрос: «Стало быть, бог не любит царей?» Ответ: «Нет. Они прокляты суть от него, яко притеснители народа»[1].

Все три общества («Северное», «Южное» и «Соединенных славян») были сторонниками уничтожения крепостничества. Те расхождения, которые были среди декабристов по вопросу о размерах и формах освобождения крестьян, не помешали им об'единиться по вопросу о ликвидации крепостного права.

В проекте конституции Никиты Муравьева в главе 3-й, § 13-й, очень ярко изложен взгляд декабристов на крепостное право: «Крепостное состояние и рабство отменяется. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается»[2].

Вождь «Южного общества» Пестель, человек большого ума, широкого образования, обладавший сильным и властным характером, выработал еще более решительную программу революционного преобразования России. Он назвал свою программу «Русская правда». В «Русской правде» Пестеля говорилось не только об уничтожении крепостного права, но и об уничтожении преимуществ, которыми пользовались дворяне, об уничтожении «сословия благородных». Все преимущества, «коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство не что иное, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено»[3].

Вся земля собирается в единый государственный фонд и делится пополам. Первая половина отдается для равного раздела между всеми, кто пожелал бы заняться земледельческим трудом. Вторая половина предназначается для «изобилия», т. е. для личного потребления.

Революционность декабристов характеризуется и их действиями. В истории революционного движения России XIX в. декабристы первые выступили с оружием в руках 14 декабря 1825 года и 3 января 1826 года. Впервые оружие было пущено в ход в открытом бою против царя и ставленников самодержавной власти, против всей системы крепостничества и самодержавия.

Заслуга революционеров-декабристов состоит прежде всего в том, что они привели в нерешительность самодержца и поколебали устои крепостнического самодержавия.

Восстание декабристов произвело огромное впечатление в правящих кругах, вызвав сильнейший испуг и ожесточение. Против восставших было двинуто свыше девяти тысяч разного рода войск и даже артиллерия.

Историк Карамзин пишет: «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «Для чего я женщина в эту минуту?» Добродетельная императрица Мария повторяла: «Что скажет Европа?»[4].

Актер Александрийского театра рисует следующую картину: «Ночью на Сенатской и Дворцовой площадях зажжены были костры, и некоторые части войска оставались там до утра; около дворца ночевала артиллерия с заряженными пушками; по другим улицам расставлены были пикеты»[5].

Николай свирепо и беспощадно расправился с декабристами. Они прошли большой и мучительный путь царского «правосудия»; допрос им учинял главный палач их — Николай Палкин.

Отдельные декабристы оказались малодушными людьми; были среди них и ренегаты и предатели. Примером ренегатства может служить поведение князя Трубецкого, который был избран диктатором восстания, а в момент восстания на площадь не явился.

Но в большинстве своем декабристы вели себя на следствии мужественно, держались стойко; Лунин, Якушкин, Пестель, Кюхельбекер, Борисов I и другие показали себя в царских застенках героями.

Декабрист Штейнгель так описывает казнь декабристов: «Пять жертв, о которыми не допустили и пред об'явлением сентенции никому видеться, провели по фронту войск с надписями на груди: «злодеи, цареубийцы»... Когда по наложении покрывал и петель отняли подмосток и страдальцы всею тяжестью своею повисли, трое — Муравьев, Бестужев и Каховский — оборвались... Муравьев успел сказать: «Боже мой! и повесить порядочно в России не умеют!»[6].

Вся история декабристов, от начала организации обществ до их ареста, ссылки

---

[1] Сборник «Декабристы», стр. 239, 240, 390.

[2] Там же, стр. 238.

[3] Там же, стр. 155.

[4] Там же, стр. 346—347.

[5] Там же, стр. 341.

[6] Там же, стр. 473—474.

и казни, ярко подтверждает указания Ленина—Сталина, что декабристы были революционерами, хотя и вышли они из дворянской среды.

2

Историк М. Н. Покровский к вопросу о характере движения декабристов подходил совершенно иначе. В оценке характера движения декабристов у него много противоречивых высказываний.

В некоторых случаях Покровский отрицает революционность декабристов. Так, он пишет: «Декабристское движение в своей первоначальной массовой форме вовсе не было революционным» (см. Покровский, сб. «Декабристы», стр. 19. Изд. 1927 года) или: «Движение (декабристов) само по себе нереволюционное» (там же, стр. 20); и далее: «Приписывать им (декабристам) настоящее революционное восстание, даже и в этот момент (14 декабря) было бы крайне неосторожно» (там же, стр. 29). «Северный заговор» (14 декабря) был создан не столько против Николая, сколько против Пестеля», читаем мы на стр. 31, и наконец: «Ни на Сенатской площади, ни под Трилесами боя не было» (там же, стр. 82).

В этом же сборнике Покровский выступает с диаметрально-противоположными утверждениями, называя выступление декабристов революцией, например: «В России в 1825 году начиналась революция» [1]. Покровский считает, что 14 декабря было «первой сознательной революцией против самодержавия» (Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков», стр. 20); далее: «Черниговское восстание—настоящая революция» (Покровский, сб. «Декабристы», стр. 92) или: «Все вожди декабристов, не только на юге, но и на севере, — республиканцы» (там же, стр. 77).

Но, называя движение декабристов революцией, Покровский, наряду с этим излагая требования декабристов по вопросу об освобождении крестьян, выхолащивал всю их революционность. Так, он писал: «Освобождение крестьян мыслилось декабристами (какими? — И. Г.) довольно эгоистически, а именно предполагалось, что крестьянин при освобождении получит только усадьбу, двор и огород, и по 2 десятины земли на двор...» (сб. «Декабристы», стр. 12). Но где Пестель? Где «Общество соединенных славян?» Где дифференциация декабристов по вопросу об освобождении крестьян? Всего этого нет у Покровского.

Покровский серьезно недоволен историками за то, что они «декабристов изображали как людей, стремившихся в 1825 году освободить крестьян» (там же, стр. 12). У него имеется утверждение, что крестьянам декабристы давали меньше чем реформа Александра II в 1861 году: «Надел меньше даже того, который предполагал (?) дать крестьянам Аракчеев» (там же, стр. 12). Покровский отрицал влияние революционного движения Западной Европы на развитие революционного движения в России, в частности и на движение декабристов. В предисловии к брошюре «14-е декабря 1825 года» Покровский критикует как «наивно-идеалистическое» следующее совершенно правильное утверждение Плеханова: «К чести нашей страны... стали появляться под влиянием освободительного движения западноевропейского — ...люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения русского народа» [2].

В 1922—1923 году Покровский в лекциях, читанных им в Коммунистическом университете имени Свердлова, пытался дать ответ на вопрос о мотивах выступления и социальных корнях движения декабристов.

«Ключ к пониманию этой перемены (отношения декабристов к политике Александра I) дают нам опять-таки хлебные цены», — заявлял Покровский. Этот ключ в руках Покровского стал «отмычкой» для разрешения многих проблем исторического процесса нашей родины. Изданные в 1924 году лекции Покровского «Очерки революционного движения XIX и XX веков в России» применяют этот «ключ» к об'яснению многих вопросов истории революционного движения, в том числе и вопроса о декабристах.

Но какие были об'ективные корни всей этой истории? — спрашивал Покровский о декабристах и давал ответ: «Тут нам приходится с этих высот — высот, как видите, весьма относительных, спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному. Этим тривиальным фактом, который лежит в основе сознательной революции против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз» [3].

---

[1] М. Н. Покровский «Декабристы», стр. 75. Гиз. 1927.

[2] М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Выпуск II, стр. 207—208.

[3] М. Н. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков», стр. 20, изд. 1924 года.

В 1926 году в статье «14 декабря 1825 года» на вопрос, что толкнуло дворян на борьбу, Покровский отвечал: «Русский помещик живейшим образом ощущал на своем кармане колебание хлебных цен».

Таким образом, «порывшись поглубже», по выражению самого Покровского, он «нашел классовый мотив движения декабристов». По мнению Покровского, в движении декабристов отразился целый «ряд жалоб только что народившейся в России промышленной буржуазии на иностранную конкуренцию» [1].

Для об'яснения движения декабристов на помощь Покровскому пришла его «спасительная» теория торгового капитала.

По этому вопросу Покровский много рассуждает о столкновении на русской исторической арене торгового и промышленного капитала, о том, что «промышленный капитал в известном смысле является противником торгового капитала» и т. д.

Ленин и Сталин считают движение декабристов революционно-прогрессивным, ибо оно шло под революционными лозунгами: уничтожения самодержавия, ликвидации крепостничества, освобождения крестьян, замены монархического строя республиканским (у Пестеля) и т. п. Движение декабристов в целом было направлено против феодализма, за установление в России более прогрессивного по сравнению с феодализмом общественного строя — капитализма.

Покровский же, наоборот, утверждал, что движение декабристов не было революционным, что оно было регрессивным движением и было близко дворцовым переворотам, что декабристы якобы стремились сохранить и укрепить старые устои и порядки.

Таким образом, в оценке места декабристов в истории революционного движения как первого революционного движения в ряду революционеров XIX века Покровский решительно расходился с Лениным и скатывался к вульгарному экономическому материализму.

3

Ленин называл декабристов дворянскими революционерами. В этом определении сказывается диалектичность формулировки Ленина, вскрывающая классово-ограниченный характер революционности декабристов. Это определение показывает, что Ленин был далек от идеализации революционности декабристов.

Известно, что декабристы были за уничтожение самодержавной власти. Но что они хотели создать взамен самодержавия? Какой формой политического управления декабристы хотели заменить самодержавие в России?

Единого мнения по данному вопросу у декабристов не было. Если «Южное общество» декабристов в лице Пестеля было за республику, то «Северное общество» в лице Муравьева-Апостола было за ограниченную конституционную монархию, а «Общество соединенных славян» — за федеративную республику.

Пестель в своей «Конституции» стоял за предоставление всем жителям России полного равноправия, за ликвидацию сословий, за отмену дворянских привилегий, за сохранение частной собственности в промышленности. Пестель наиболее полно отражал буржуазно-революционное направление в движении декабристов.

Но декабристы были «страшно далеки от народа». Эта ленинская оценка декабристов особенно наглядно подтверждается проектом конституции Муравьева, по которой народные массы совершенно устранялись от выборов в высшие органы государственной власти и уж, конечно, не могли быть избранными.

О власти императора и верховной власти Муравьев писал:

«Всякое предложение, получившее согласие Думы и палаты представителей, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает со своими замечаниями в ту палату, в которую оно сначала поступило...

Император есть: Верховный Чиновник Российского Правительства... Император получает на содержание свое и своего семейства ежегодно из общественного казначейства сумму, равную цене 102 000 фунтов чистого серебра (2 000 000 рублями серебряными), в которых он никому не обязан давать отчета» [2].

Каковы условия, необходимые, чтобы стать членом Верховной Думы? 30-летний возраст, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той державе, которая его избирает, обладание недвижимым имуществом ценою на 1500 фунтов чистого серебра или движимым на 3000 фунтов чистого серебра.

Таким образом, Муравьев устанавливал высокий имущественный избирательный ценз.

Что декабристы — дворянские революционеры, еще ярче подтверждается при раз-

[1] М. Н. Покровский «Об Украине», стр. 106.

[2] Сборник «Декабристы», стр. 244, 247 и 248.

боре их отношения к земельному и крестьянскому вопросу.

Если наиболее революционное крыло декабристов — «Южное общество» и «Общество соединенных славян» — стояло за конфискацию крупной помещичьей собственности (свыше пяти тысяч десятин, по Пестелю), то либеральное крыло выступило против пестелевской конфискации помещичьей земли и проповедывало освобождение крестьян без земли или было за мельчайшие наделы (1—2 десятины).

В рассуждениях об освобождении крестьян Якушкин рассказывает: «Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их дома, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принадлежностью тех же деревень. За все за это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же всю землю я оставлял за собой, предполагал половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать в наем своим крестьянам... Мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их. Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?» Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. — «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша!» [1].

Разрешение земельного вопроса у части декабристов носило явно дворянский характер: освободить крестьян, но помещиков как класс не обидеть. Дать крестьянам землю в пользование, но заставить их за нее платить. Декабристы не были в силах разрешить вопрос о земле, ибо они сами принадлежали к дворянам. Декабристы были защитниками частной собственности, в том числе и земельной собственности.

«Русская Правда» Пестеля писала: «Право собственности или обладания есть право священное, и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества» [2].

Ленинская формулировка «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» полностью подтверждается и отношением декабристов к массовой борьбе.

Накануне и в период восстания декабристов глухо и открыто роптало крестьянство, народ поднимался на борьбу против крепостничества. Восставали крестьяне, на крепостных мануфактурах боролись рабочие, выступали солдаты гвардии, солдаты Семеновского полка, Ростовский полк и другие военные части. Классовая борьба широких трудовых масс принимала революционный характер. Но именно она пугала декабристов. Боязнь революционной борьбы масс и крестьянских восстаний об'ясняется тем, что декабристы как дворяне помнили уроки крестьянской войны под руководством Пугачева, а многие из них испугались размаха классовой борьбы и в Западной Европе. Об этом говорил даже Пестель в своих показаниях на следствии: «Я начинал сильно опасаться междоусобий и внутренних раздоров, и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал... Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие то произвело во мне впоследствии мысль о Временном Правлении и его необходимости, и всеглашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия» [3].

Ленин постоянно подчеркивал разницу «между дворянской революционностью декабристов ...и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века» [4].

В этой боязни революционности масс и в стремлении уйти от крестьянской борьбы нужно видеть одну из главных причин поражения восстания декабристов 14 декабря 1825 года и 3 января 1826 года.

В статье «Роль сословий и классов в освободительном движении» Ленин приводит данные по сословиям о количестве привлеченных по обвинению в государственных преступлениях. Если взять количество привлеченных к суду по политическим делам в 1827—1846 годах за 100, то дворян было 76, мещан и крестьян — 23, а из духовенства и купечества — никого. Ленин пишет, что «эпоха крепостная (1827—1846 г.г.)—полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена... Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа» [5].

«Руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офи-

---

[1] Сборник «Декабристы», стр. 49.
[2] Там же, стр. 176.
[3] Там же, стр. 125—126.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. X. стр. 39.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 575.

церам, в особенности офицерам-дворянам»[1].

Список Николая I содержал в себе 579 имен декабристов, в том числе 456 офицеров; суду был предан 131 человек и 121 — был наказан в административном порядке.

Можем ли мы сбрасывать со счетов истории все движение декабристов — дворянских революционеров — за то, что декабристы в своей массе, искренно борясь против крепостничества и самодержавия, не опирались на народ? Нет, не можем и не должны. Потому-то Ленин и назвал их дворянскими революционерами, что многие из них даже не были способны понять, что в классовых битвах решает дело народ, революционная масса.

Следующие поколения революционеров в своей борьбе с самодержавием учли ошибки и уроки декабристов.

Покровский сводит всю сложность ленинско-сталинской диалектической формулировки «декабристы — дворянские революционеры» к эгоистическому, корыстному, классовому инстинкту отдельных слоев дворян, из которых вышли декабристы. В основе этой упрощенной, антиисторической оценки движения декабристов у Покровского лежит проповедь богдановского, вульгарного, антиисторического, антимарксистского, экономического материализма.

4

Оценивая значение борьбы декабристов для революционного движения России, Ленин писал: «Лучшие люди из дворян помогли р а з б у д и т ь народ»[2].

Говоря о Герцене, которого «разбудили декабристы», Ленин писал, что заслуга Герцена в том, что он создал «вольную русскую прессу... «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»[3].

Выступление декабристов сыграло огромную роль во всем освободительном движении нашего великого народа. Декабристы проложили путь борьбе русских просветителей (Герцен, Огарев, Белинский, Чаадаев и другие) за крестьянский демократизм. Революционные традиции декабристов, революционный крестьянский демократизм Чернышевского были подхвачены пролетариатом и его большевистской партией, которая возглавила крестьянскую борьбу за землю и, победив в общедемократическом движении, привела массы крестьянской бедноты к победе социалистической революции.

Великий поэт Пушкин писал в 1827 году в своем послании «В Сибирь»:

«Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут».

На это послание поэт-декабрист Одоевский ответил со всей силой творческого предвидения:

«Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя.
И просвещенный наш народ —
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей
И радостно вздохнут народы».

У Покровского мы не найдем ленинской постановки вопроса об историческом значении движения декабристов. Движение декабристов «было подавлено и никаких результатов дать не могло»[4],—писал Покровский.

Покровский видел в движении декабристов т о л ь к о дворянское движение. «Никакие фразы, — писал он, — взятые из буржуазных конституций, не могут замаскировать того факта, что движение декабристов было, в сущности, дворянским движением»[5].

«Моральный эффект восстания был ничтожен», «Николай был мало испуган», — таков вывод Покровского.

Антиленинская концепция Покровского о восстании декабристов нанесла большой вред исторической науке. Под влиянием этой концепции создавался ряд глубоко ошибочных работ по истории декабристов. После Покровского, в смысле количества работ, написанных по истории декабристов, на первом месте стоят работы профессора Нечкиной, которая была одной из активнейших учениц и последовательниц исторической «школы» Покровского. Поэтому все ее работы до 1935 года в основном построены по схеме Покровского и отражают все их недостатки[6].

---

[1] В. И. Л е н и н. Соч. Т. XIX, стр. 351.
[2] В. И. Л е н и н. Соч. Т. XVI, стр. 575.
[3] В. И. Л е н и н. Соч. Т. XV, стр. 466.

[4] М. Н. П о к р о в с к и й «Об Украине», стр. 101.
[5] К. Л е в и н и М. П о к р о в с к и й «Декабристы». «История России в XIX веке». Издание бр. Гранат. Т. I, стр. 108—109.
[6] В статье «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского» М. Нечкина серьезно пересмотрела свои позиции (см. сборник «Против исторической концепции Покровского». Изд. Академии наук. 1939).

В журнале «Фронт науки и техники», в № 5—6 за 1935 год, была напечатана работа профессора Нечкиной под названием «Ленин о декабристах». Эта работа была опубликована, когда уже были известны указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника истории СССР. Это обязывало профессора Нечкину пересмотреть свои взгляды на декабристов. Профессор Нечкина, действительно, пыталась там показать декабристов как отряд революционных борцов и участников революционного движения. Но вся статья о декабристах профессора Нечкиной построена сугубо-социологически, формально.

Ленин несколько раз говорит о республиканских идеях и традициях декабристов. У Ленина сказано, что «на нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров» [1].

А профессор Нечкина, «раз'ясняя» ленинскую работу, писала: «Столь ценные сами по себе республиканские идеи декабризма умерли для дальнейшего революционного движения». По Ленину, давно забытые республиканские идеи и традиции нужно воссоздавать, и это должна сделать социал-демократия. По Ленину, дело декабристов не пропало: декабристы «разбудили Герцена». По Нечкиной, дело декабристов пропало, умерло. Профессор Нечкина неправильно понимала вопрос о преемственности республиканских традиций для последующего революционного поколения.

Ошибочна также трактовка вопроса о военной диктатуре декабристов. Нечкина пишет, что у Ленина «декабризм связан с лозунгами установления военной диктатуры». Нечкина в своей статье несколько раз упоминает о «военной диктатуре декабристов». У Ленина есть ряд высказываний о вооруженном восстании, о выступлении декабристов, но при самом тщательном разборе ленинских текстов, посвященных декабристам, нельзя найти указания на их борьбу за «военную диктатуру». По существу, была ли у декабристов идея военной диктатуры? Нет. По «Русской правде» Пестеля, была предусмотрена диктатура Верховного Правления — своеобразное временное буржуазное правительство, рассчитанное на несколько лет, пока не будет проведена в жизнь программа декабристов. Военная диктатура — очень растяжимое понятие. Диктатура кого? Армии?

Отдельные представители так называемой исторической «школы» Покровского, ныне разоблаченные враги народа, извращали ленинско-сталинские взгляды на восстание декабристов. Они отрицали какое бы то ни было революционно-прогрессивное влияние движения декабристов на революционно-освободительное движение нашей страны. Они пытались всячески скомпрометировать движение блестящих передовых борцов, первых дворянских революционеров нашей родины начала XIX века.

Мы хорошо знаем, с каким большим сочувствием Ленин приводил слова Герцена о декабристах, который называл их фалангой героев-богатырей, воинами-сподвижниками, пошедшими «сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [2].

Враги характеризовали декабристов как грубых, эгоистических и корыстных помещиков - эксплоататоров, которые думали лишь о новых способах закабаления крестьян и об усовершенствовании методов эксплоатации.

Антиисторизм «школы» Покровского в оценке декабристов вытекал из отрицания ею прогрессивной роли буржуазных отношений и буржуазии на каком бы то ни было этапе истории. Ленин разоблачал такой антиисторический подход. «...У нас,— писал Ленин,—зачастую крайне неправильно, узко, анти-исторично понимают это слово (буржуа.—И. Г.), связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» [3].

Эта ленинская характеристика исчерпывающе разоблачает антиисторическую концепцию Покровского и его «школы» по вопросу о движении декабристов—этих дворянских революционеров, боровшихся за переход к буржуазному строю.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. V, стр. 98.

[2] См. В. И. Ленин. Т. XV, стр. 464.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 315.

Е. Коровин

ШПИОНАЖ И ДИВЕРСИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 года

1

В конце XVIII в., в годы Великой французской буржуазной революции, феодальное окружение Франции («коалиция тиранов») вело против вновь возникшей буржуазной республики несправедливую, жестокую и захватническую войну. Стремясь повернуть вспять колесо истории и возвратить французский революционный народ под гнет прогнившего феодально-абсолютистского режима, контрреволюционная коалиция не стеснялась в выборе средств для удушения ненавистной ей революционной «гидры о 1200 головах» (выражение Екатерины II).

Товарищ Сталин, говоря о Франции времен Наполеона I в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года, отметил, что «Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан», несмотря на то что наполеоновское правительство представляло собой «буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»[1].

Эта шпионско-диверсионная деятельность получила во времена Наполеона столь широкий размах потому, что значительная часть неприятельских агентов обосновалась во Франции еще с первых лет Французской буржуазной революции и вела там, по заданиям правительств контрреволюционной коалиции, свою подрывную работу.

Шпионско-вредительскую деятельность во Франции вели не только официальные представители иностранных государств, но и члены французского правительства, и генералы французской армии, и отдельные видные лидеры политических партий, и политические эмигранты, пользовавшиеся гостеприимством французского народа, — словом, предатели и авантюристы всех видов и наименований начиная с дезертиров неприятельских армий и кончая французскими «филантропическими» обществами.

Типичным образчиком работы резидента-дипломата являются донесения русского посла в Париже Симолина[2], подвизавшегося до 1792 года в Париже, а с 1792 по 1795 год действовавшего из Бельгии и Германии через оставленных им во Франции секретных агентов.

14 мая 1790 года в своем донесении петербургскому двору Симолин пишет: «Здесь все предполагают, что Англия имеет в Национальном собрании подкупленных ею и преданных ее интересам секретных агентов». 4 июня 1790 года Симолин доносит: «Неожиданная и крайняя нужда заставила одного чиновника департамента иностранных дел предложить мне... свои услуги и засвидетельствовать полную преданность нашему двору». Эта неожиданная «преданность» иностранному правительству выразилась в передаче Симолину секретного шифра французского министерства иностранных дел за 10 тысяч ливров, уплаченных Симолиным его французскому агенту единовременно, и ежемесячное вознаграждение в 1 тысячу ливров.

Окрыленный столь удачным началом, Симолин, по мере нарастания революционных событий во Франции, расширял масштаб своей деятельности; в 1791 году он завербовал на тайную службу русского правительства двух влиятельных членов Национального собрания: Талейрана (будущего министра иностранных дел) и Мирабо.

«Доброжелательность этого депутата (Мирабо. — Е. К.), — сообщает Симолин 1 апреля 1791 года,—мнение которого имеет большой вес в Дипломатическом комитете, душой которого он является, была бы действеннее, если бы ее подкрепить с нашей стороны теми же средствами, какие широко применяют в отношении депутатов-якобинцев английский посол и прусский еврей Эфраим (секретный агент прусского правительства.— Е. К.)... несомненно одно, что посредством денег можно полу-

[1] И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 10. Партиздат. 1937.

[2] «Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина». «Литературное наследство» № 29/30 за 1937 год.

чить все от патриотизма депутатов, управляющих Францией, что г. де Мирабо не недоступен для этой приманки, а его друг [1], человек очень умный и преданный мне, будет всецело на стороне нашего двора, если я смогу подать ему надежду на вознаграждение за его услуги и, особенно, если эта надежда получит свое осуществление в самом начале» [2].

На донесении Симолина имеется резолюция Екатерины II: «Проявить щедрость, если он не умер...»

Особо секретным письмом, адресованным лично Екатерине, Симолин доводит до ее сведения, что преемником Мирабо в Дипломатическом кабинете избран Талейран, что Симолин «имел с ним свидание», в результате которого Талейран обязался «оказывать свое содействие» планам российского правительства.

«Мне уже удалось расположить преемника г. де Мирабо в вышеупомянутом (Дипломатическом.— Е. К.) комитете к точке зрения и образу мыслей покойного, а также и к цели, которую мы должны себе поставить» [3], — доносил Симолин.

Мирабо, несомненно, сыгравший в первые месяцы революции 1789 года крупную роль, Мирабо, этот «трибун» буржуазной революции, был не только шпионом России, но также и платным тайным агентом французского королевского двора, получал содержание из секретных фондов французского королевского цивильного листа, что установлено по документам королевского казначея, найденным в Тюильрийском дворце после ареста Людовика XVI. Мирабо (с Талоном и Семонвиллем) был одним из руководителей агентства по распространению монархических изданий и организации подкупа политических деятелей. Он организовал несмотря на протесты Марата от'езд заграницу королевских родственниц, пытался устроить бегство короля в Нормандию и т. д. [4].

После смерти Мирабо, в результате ночной оргии (2 апреля 1791 года), его место тайного королевского агента среди революционеров заняли братья Ламетт и бывший отенский епископ Талейран, специализировавшийся затем на вопросах международной политики и последовательно предававший и продававший все те правительства Франции, которым он служил (короля, Конвент, Директорию, Наполеона, Бурбонов).

Деятельность Симолина не ограничивалась подкупом политических деятелей и чиновников министерства иностранных дел: в активе «дипломатической» работы Симолина значатся содействие неудавшейся попытке бегства короля (Людовика XVI) заграницу и выполнение секретных поручений королевы Марии-Антуанетты по подготовке военных операций против Франции.

После неудачного бегства короля в Варенн (20 июня 1791 года) обнаружилось, что переодетый в женское платье Людовик XVI был снабжен русским паспортом на имя госпожи Корф, каковая действительно проживала в Париже и получила от Симолина русский паспорт в двух экземплярах (оригинал и дубликат — взамен «утраченного»). Хотя Симолин официально отмежевался от этой истории, уверяя, что был введен госпожею Корф в заблуждение, однако из петербургской инструкции Симолину совершенно ясно вытекает, что он был уполномочен русским правительством активно содействовать французскому королю в его борьбе с народом, «во всем, что они (наиболее близкие к королю иностранные дипломаты.— Е. К.) сочтут необходимым задумать и предпринять в пользу его христианнейшего величества» [5].

Покидая пределы Франции, Симолин, по договоренности с Марией-Антуанеттой, взялся доставить заграницу, в надежное место, секретный портфель королевы, в котором находилась переписка королевского двора с его тайными агентами (портфель был открыт лишь в 1912 году). Симолин был также снабжен специальным полномочием королевы в форме личного от нее письма на имя германского императора. О характере поручения, данного Марией-Антуанеттой русскому послу, говорит донесение Симолина в Петербург о свидании его и переговорах с германским императором и его канцлером Кауницем от 19 февраля 1792 года. «Я сказал, — пишет Симолин, — что считаю Французскую революцию по природе своей не имеющей примера в мировой истории и что, следовательно, она должна прервать обычную политику держав, организующих коалицию, чтобы об'единить их на одном, а именно — на сохранении французской монархии... Я ему говорил об опасностях, угрожающих всем тронам, всем монархам, о том, что, если принципы французской конституции не будут вырваны с корнем, эта зараза

---

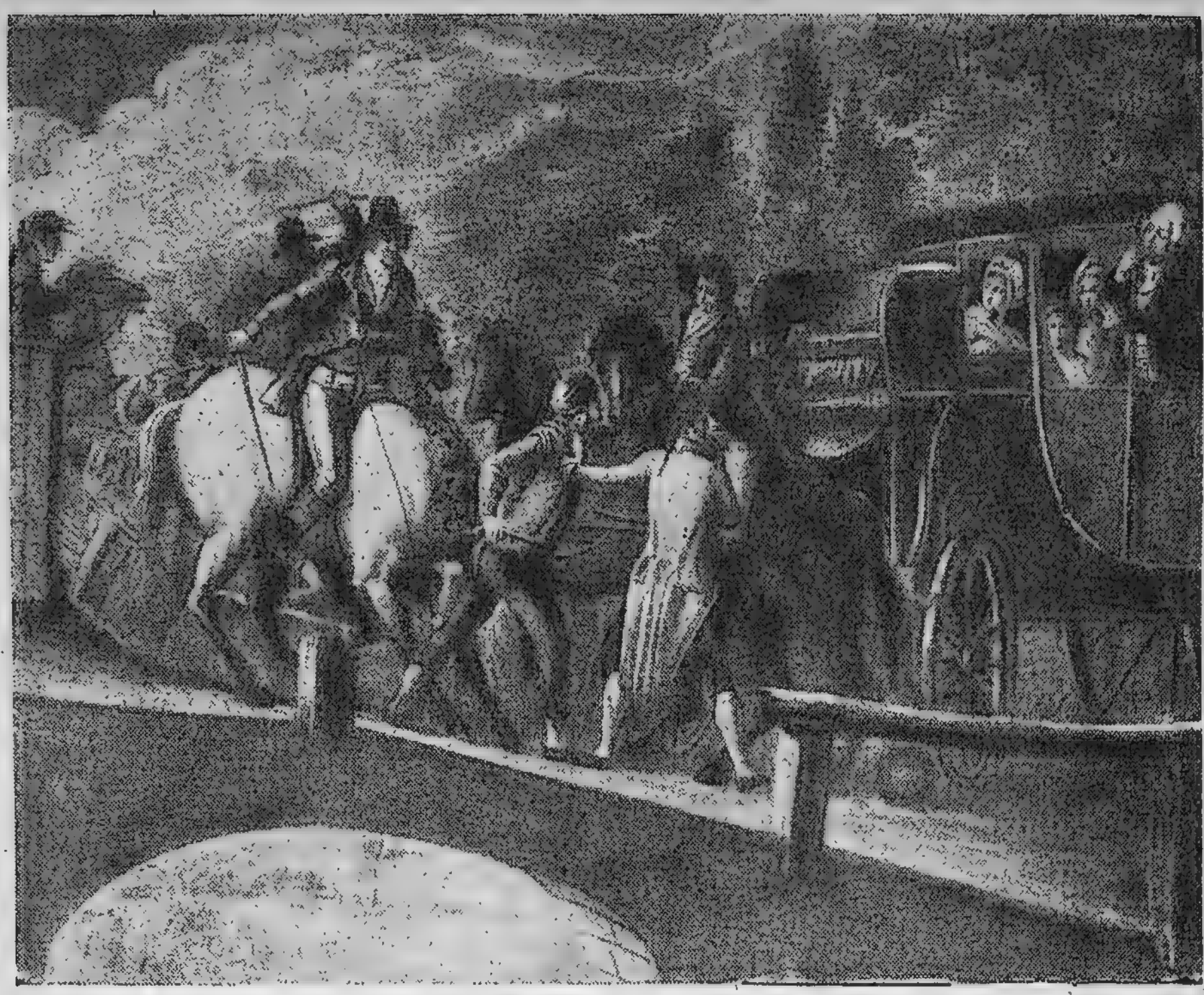
[1] Этим другом Мирабо, «преданным» Симолину и ожидавшим денежного поощрения от российского правительства, как видно из контекста позднейших донесений Симолина, был Талейран.

[2] «Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина». «Литературное наследство», стр. 449.

[3] Там же, стр. 456.

[4] См. Матьез «Французская революция». Т. I, стр. 174—177; там же, т. II, стр. 121. «Московский рабочий». 1929.

[5] «Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина». «Литературное наследство», стр. 364.



Арест Людовика XVI при попытке к бегству в Варенн. Июнь 1791 года.

Со старинной гравюры.

распространится на другие государства Европы»[1].

Не только дипломатические представительства воюющих с Францией государств, но и большинство нейтральных посольств превратилось в опорные пункты международной контрреволюции. Характерна в этом отношении деятельность жены шведского посланника в Париже мадам де Сталь. Дочь королевского министра Неккера и известная писательница мадам де Сталь, не довольствуясь литературной славой, пыталась играть активную политическую роль. Салон ее был центром противников Конвента и связующим звеном между шведским посольством и роялистской эмиграцией. Французское правительство приняло постановление об ее высылке из пределов Франции, но благодаря настойчивым хлопотам ее мужа — шведского посла — это постановление было отменено. Впоследствии мадам де Сталь была все же вынуждена покинуть Францию и поселилась в Швейцарии. Однако она и здесь продолжала свою контрреволюционную деятельность. Дом ее, по отзыву ее ближайшего друга, французского писателя и публициста Бенжамена Констана, «был магическим дворцом, откуда благодетельная фея отправляла добрых духов — для борьбы с духами зла...»[2].

Подобного же сорта «духи» были агентами и других врагов революционной Франции вроде Морриса, посла США в Париже, связанного с жирондистами, активно боровшегося с монтаньярами и оказывавшего прямое поощрение роялистским заговорщикам, или Жозефа де Местра, француза — по происхождению, министра сардинского короля — по должности, мистика-апологета феодальной реакции — по призванию и руководителя сардинских шпионов во Франции — по совместительству.

Ведущую роль в шпионско-диверсионной деятельности сохраняло за собой английское правительство, финансировавшее и вдохновлявшее контрреволюционную коалицию против Франции. Правящие классы Англии всецело заслужили данную им товарищем Сталиным характеристику наиболее злостных душителей народных революций[3].

После разрыва дипломатических отношений с Францией на территории нейтральной Швейцарии обосновался специальный агент английского премьер-министра Пит-

---

[1] «Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина». «Литературное наследство», стр. 531.

[2] «Revolution française». T. 53, p. 178—181. 1907.

[3] См. И. Сталин «Об оппозиции», стр. 610—611.

та — Викгэм. При помощи громадных средств, предоставленных в его распоряжение английским правительством, Викгэм опутал Францию сетью многочисленных высокооплачиваемых (до 2500 ливров в месяц) агентов.

По выражению Сореля, «Викгэм и его касса являлись настоящею обетованною землею для людей, желавших ловить рыбу в мутной воде. Не успел он явиться и открыть свой кошелек, как ему наперебой стали предлагать и выдать государственные тайны республики, и подкупить всех республиканцев, и произвести восстание во всех французских департаментах...» [1].

Монархическая, контрреволюционная эмиграция, жирондисты, поднявшие знамя гражданской войны против плебейской Франции, ренегаты якобинства и просто продажные предатели всех мастей были поставщиками кадров для английской разведки.

Когда при Директории (октябрь 1796 года) английский посол Мальмсбери прибыл в Париж для ведения переговоров о мире, то, по словам прусского посланника Сандоза, «столько народа предлагали ему (Мальмсбери) свои услуги образовать во Франции партию, благоприятную Англии, что он вынужден был пригрозить им, что донесет на них, лишь бы избавиться от них. Некоторые из них были даже членами Совета пятисот» [2].

Методы работы агентов английского правительства во Франции достаточно ярко иллюстрируют следующий факт, оглашенный на заседании Конвента 1 августа 1793 года. В конце июля 1793 года в Комитет общественного спасения был доставлен портфель, утерянный в Лилле одним из крупных английских шпионов. Из документов, найденных в портфеле, было установлено, что владелец портфеля имел своих платных субагентов в Лилле, Нанте, Дюнкирхене, Руане, Аррасе, Сент-Омере, Булони, Туаре, Туре, Кане, то есть как раз в тех самых городах, которые в 1793 году оказались ареной контрреволюционных выступлений. В инструкции местным агентам предписывалось производить заготовку фосфорных фитилей для поджога французских арсеналов и фуражных складов. Поджоги действительно имели место в Дуэ, Валансьене, в парусных мастерских Лорианского порта, на патронных заводах Байонны и в Шемильском артиллерийском парке. В той же инструкции агентам предлагалось вести систематическую кампанию по подрыву французской валюты и искусственному под'ему дороговизны во Франции: «Поднимите курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов... Надо понизить, насколько возможно, курс ассигнаций и не принимать ассигнаций без изображения короля. Поднимите цены на все с'естные продукты. Прикажите вашим торговцам скупить все продукты первой необходимости» [3].

[1] А. Сорель «Европа и французская революция». Т. IV, стр. 159. СПБ. 1892.

[2] Там же. Т. V, стр. 103—104. СПБ. 1906.

2

Грязные щупальца международной контрреволюции протягивались к самому центру государственного управления Франции. Оставляя в стороне такие общеизвестные факты, как предательство Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты и их тайный сговор с врагами Франции (миссии Ферзена, Бретейля, Симолина), ограничим наш обзор представителями французской республиканской власти. В архиве лорда Гренвилля (английского министра иностранных дел, современника Французской революции) в числе прочих документов имелось двадцать восемь донесений английского шпиона во Франции, сносившегося с английским правительством через Ф. Дрэка, английского резидента в Генуе. Эти документы охватывают период времени от 2 сентября 1793 года до 22 июня 1794 года [4]. Дрэк квалифицировал своего корреспондента, не называя его фамилии, как «секретаря комитета» (общественного спасения). В свете этих документов становятся понятными и две многозначительные пометки в записной книжке Робеспьера. Одна из этих записей гласит: «Гнусное разглашение секретов Комитета либо со стороны канцелярских служащих, либо со стороны других лиц... Изгоните, прежде всего, предателя, который заседает вместе с вами»; во второй записи значится: «Иметь два плана; один для канцелярских служащих» [5], — т. е. специально для наведения шпионов на ложный след.

Известные в настоящее время исторические материалы позволяют со всей определенностью утверждать, что неприятельские государства имели свою агентуру не только в аппарате Комитета общественного спасения, но и среди виднейших его руководителей. Агентом врагов французского народа оказался Дантон.

Личность лидера «дантонистов» — промежуточного течения между жирондистами и якобинцами, отражавшего интересы новой буржуазии и буржуазной интеллиген-

[3] А. Матьез «Французская революция». Т. III, стр. 94. «Московский рабочий». 1930; см. также «Moniteur» от 2—3 августа 1793 года.

[4] Aulard «Les bulletins d'un espion royaliste dans les papiers de lord Grenville». «Révolution française», p. 121—128. 1897.

[5] А. Матьез «Французская революция». Т. III, стр. 93 и 109.

Борьба народа с контрреволюцией.

Французский сатирический рисунок периода революции 1789—1793 годов.

ции в борьбе с якобинским плебсом, — до сих пор является предметом ожесточенных споров в буржуазной исторической науке. В самой Франции две научно-исследовательские ассоциации, разрабатывающие историю революции 1789 года, до сих пор ведут упорную борьбу, опираясь одна (Матьез и его школа) на авторитет Робеспьера (печатный орган «Annales historiques de la Révolution française»), а другая, круги, группирующиеся вокруг оларовского журнала («Révolution française»), подымая на щит Дантона и жирондистов. Для уяснения политической сущности этих исторических споров полезно вспомнить указание Ленина: «Жирондистов поддерживали и оправдывали от нападок якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д.»[1]. И на сегодняшний день запоздалая реабилитация Дантона и Жиронды — политический маневр реакции, оппортунистов всех видов и наименований, врагов и предателей социализма.

Но предоставим фактам говорить самим за себя.

Моральная неразборчивость и денежная нечистоплотность были издавна ахиллесовой пятой Дантона. Покидая министерский пост, он не мог отчитаться в израсходовании находившегося в его распоряжении секретного фонда. Покровительством Дантона неизменно пользовались различные аферисты, темные дельцы, поставщики-спекулянты вроде д'Эспаньяка, д'Эглантина и др. Сам Дантон, начав свою политическую карьеру бедняком, к концу ее владел землями в провинции (в департаменте Об), тремя домами в Париже и значительным капиталом, позволявшим ему вести весьма широкий образ жизни. Оставшееся после его смерти состояние исчислялось в 4 миллиона ливров[2].

Материальное благосостояние Дантона питалось не только спекулятивно-коммерческими аферами. В 1801 году Талон, бывший начальник тайной полиции, показал перед судом Консульства, что во время процесса Людовика XVI «Дантон обещал спасти всю королевскую семью путем декрета о высылке» и операция сорвалась только потому, что «иностранные державы, за исключением Испании, отказались пойти на материальные жертвы, которых требовал Дантон»[3]. По сведениям Морриса, посла США в Париже, Дантон при этом имел в виду подготовить воцарение дофина (Людови-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 152.

[2] О продажности Дантона см. Lefebvre. «Sur Danton». «Annales historiques de la Révolution française», p. 385—424, 488—500. 1932. См. также «Annales historiques de la Révolution française», p. 228—229. 1932.

[3] А. Матьез «Французская революция». Т. II, стр. 131.

ка XVII), обеспечив за собой место регента [1].

Показания Талона полностью подтверждаются и в мемуарах Ламетта, а также тем обстоятельством, что сам Талон был направлен Дантоном в Англию с секретным поручением к Питту. Несмотря на противодействие Робеспьера Дантон провел избрание в Конвент герцога Филиппа Орлеанского, что об'яснялось современниками как результат денежной сделки между герцогом, тесно связанным с английским правительством, и Дантоном. Из недавно обнаруженных рукописных заметок французского короля Людовика-Филиппа (1830—1848 годы), сына герцога Орлеанского, соучастника измены Дюмурье, известно, что Дантон предлагал ему свое покровительство, советовал завоевать популярность в армии и заверял Людовика-Филиппа, что у него «много шансов стать королем».

Тайные связи с роялистами Дантон поддерживал постоянно. Дантон был связан с маркизом Ларуари—организатором контрреволюционного восстания в Бретани; при помощи того же Талона Дантон заручился паспортом для выезда в Англию. Загадочные причины скрытого «влечения» Дантона к Англии стали ясны после его ареста. В бумагах его найдено было письмо, адресованное английским министерством иностранных дел в Париж своему агенту, банкиру Перрего. Английское правительство предлагало Перрего выплатить различным лицам, обозначенным в письме условными инициалами, 3, 10 и 12 тысяч ливров — в награду за «существенные услуги, которые они нам оказали, раздувая огонь возмущения и доводя якобинцев до пароксизмов ярости». По справедливому замечанию французского историка Матьеза, «это письмо могло фигурировать в бумагах Дантона только потому, что Перрего сообщил его Дантону как лицу непосредственно заинтересованному» [2].

Ближайшими сотрудниками Дантона в дипломатической области были министр иностранных дел Лебрен, оказавшийся впоследствии тайным агентом Австрии и Англии, а также бельгийский банкир, австрийский подданный Проли, тайный агент австрийского правительства в Бельгии, позже издатель парижской газеты «Космополит», защищавшей английскую ориентацию. Проли выполнял, с одной стороны, обязанности секретаря при члене Комитета общественного спасения Эро де Сешель, а с другой — различные секретные дипломатические задания по поручению Дантона и Лебрена. Одновременно через Дефье, возглавлявшего якобинский Комитет корреспонденций, Проли проник в руководящие круги Якобинского клуба.

Все эти финансовые и заграничные связи Дантона заставляют по-новому оценивать его политическую деятельность. Подготовляя план своей измены (поход на Париж, ликвидацию Конвента и якобинцев), генерал Дюмурье, по свидетельству генерала Мирандо, доверил свой проект Дантону. Когда Дюмурье уже вступил открыто на путь восстания и измены, Дантон защищал изменника перед Конвентом и настоял на своей поездке к Дюмурье. «Мы его излечим или свяжем по рукам и ногам», — заявил Дантон. Однако он не сделал ни того, ни другого и, вместо того чтобы немедленно информировать Конвент об измене командующего армией, около недели путешествовал между Брюсселем и Парижем, дав таким образом возможность Дюмурье окончательно сговориться с герцогом Кобургским и сдать врагу три крепости.

Из показаний Гара, бывшего министра и приверженца Дантона, известна та программа внутренней политики, к осуществлению которой стремился Дантон: отказ от якобинской конституции 1793 года, от революционного террора, возвращение жирондистов, отмена максимума, неограниченная свобода торговли и немедленный мир с монархической коалицией любой ценой [3].

Преследуя свою цель — взрыв революционного правительства (якобинской диктатуры) во Франции,—Дантон в вопросах международной политики применял две диаметрально различные тактики, в существе своем об'единенные единой пораженческой установкой. В одних случаях Дантон выступал с откровенной проповедью «экспорта революции» (речь 2 сентября 1792 года): «Даруя свободу соседним народам, мы имеем право сказать им: у вас не должно быть королей, так как, пока вы окружены тиранами, их коалиция может поставить в опасность нашу собственную свободу. В нашем лице французская нация создала великий комитет всеобщего восстания народов против королей всего мира» [4].

31 января 1793 года Дантон развертывает широчайшую программу завоеваний: «Границы Франции отмечены природой. Мы их расширим до четырех точек: у океана, берегов Рейна, Альп и Пиренеев. Никакая сила не остановит нас. Напрасно пугают нас гневом королей. Вы бросили им пер-

---

[1] «American state parers, foreign relations». T. I, p. 343.

[2] А. Матьез «Французская революция». Т. III, стр. 95.

[3] Mathiez «La politique étrangère. Le plan Robespierre». «Annales historiques de la Révolution française», p. 491—492. 1935.

[4] А. Матьез «Французская революция». Т. II, стр. 149; Сорель. Т. III, стр. 112.

чатку. Эта перчатка — голова короля. Это — сигнал их близкой смерти...»[1].

И тот же самый Дантон, поборник «великого комитета всеобщего восстания народов», 13 апреля 1793 года выступает с заявлением, в котором торжественно порицает прежние постановления Конвента как проявления «неудобного энтузиазма...»[2].

В апреле 1793 года лицом к лицу столкнулись две политики — одна, представляемая Робеспьером, подлинно патриотическая, горячо стремившаяся к окончанию войны, однако не путем капитуляции перед блоком контрреволюционных агрессоров, но путем скорейшего их разгрома, путем всемерного усиления оборонной мощи революционной Франции. «Необходимо вооружаться,—писал в своих записках Робеспьер,— но не для того, чтобы идти за Рейн—это значило бы воевать вечно,— а для того, чтобы добиться мира без завоеваний». Мир, обеспечивающий Франции сохранение неприкосновенными ее границы и завершение революции,— такова была цель Робеспьера. Этой программе противостояла другая — дантоновская — программа врагов революционной Франции и их платной и бесплатной агентуры, программа пораженческая, заключения мира любой ценой и удушения революции.

За спиной Конвента Дантон и его клика организовали переговоры австро-английского агента Лебрена и изменника генерала Кюстина с неприятельскими правительствами[3]. Ту же тактику двойного предательства дантонисты применяли и по отношению к нейтральным государствам. Так, агент их в США Женэ вооружал на территории США корсаров и готовил оттуда набег на испанскую Луизиану и Флориду, попутно поддерживая агитацию против американского президента Вашингтона. Комитет общественного спасения, после того как Дантон был выведен из его состава, 11 октября 1793 года вынес постановление об отправке в США четырех комиссаров для ареста Женэ[4], но последний избежал ареста, перейдя в иностранное подданство. Провоцируя США и рискуя разрывом с ними, дантонисты и их вождь одновременно предлагали уступить США принадлежавшую Франции часть Антильских островов и дать им неограниченную свободу торговли во французских колониях, то есть отказаться от «эксклюзивы» (монопольного права торговли с колониями). Это капитулянтское предложение фигурирует в числе прочих в пунктах обвинения против Дантона, переданных Сен-Жюсту Робеспьером.

2 жерминаля II года (31 марта 1794 года) на заседании Конвента Сен-Жюст сформулировал основные пункты обвинения против Дантона и его сообщников: тайные переговоры с двором и помощь королевскому семейству, соглашение с жирондистами, связь с Дюмурье, предательская кампания в пользу мира, тайное противодействие всем революционным мероприятиям, сообщничество с мошенниками, близкие связи с подозрительными иностранцами, вероломные нападения на революционное правительство и пр. История подтвердила обоснованность всех этих обвинений. Конвент единогласно одобрил доклад Сен-Жюста и издал обвинительный декрет против Дантона и его клики, уличенных в сообщничестве с врагами республики.

Историк французской революции Матьез приводит весьма любопытный факт, свидетельствующий об отношении современников к дантоновскому процессу. Когда после победы термидорианской реакции Конвент 11 вандемьера IV года торжественно реабилитировал «жертвы террора», то в длинный список реабилитированных «жертв» не было вставлено имя Дантона и «ни один из друзей Дантона в Собрании, насчитывавшем немалое их число, не осмелился протестовать хотя бы одним словом против этого нового позорного клейма...»[5].

3

Деятельность отдельных, наиболее видных представителей иностранной контрреволюционной агентуры во Франции дает представление о том, к каким утонченным методам, приемам и формам маскировки прибегали эти враги французского народа, предававшие и продававшие интересы родины.

25 июля 1792 года, то есть через неделю после вторжения неприятельских войск во Францию, в тот самый день, когда главнокомандующий австро-прусской армией герцог Брауншвейгский издал свое воззвание — программный документ феодально-абсолютистской контрреволюции, — видный жирондист Карра в своих «Политических анналах» открыто рекламировал неприятельского главнокомандующего: «Величайший полководец и величайший политик Европы... Если он явится в Париж, я готов спорить, что он прежде всего напра-

[1] А. Сорель, Т. III, стр. 212—213.
[2] «Moniteur», 16 avril. 1793.
[3] Herlaut «Les négociations du général Custine avec l'ennemi». «Annales historiques de la Révolution française», p. 517—533. 1932.
[4] «Recueil des actes du comité de Salut public». T. VII, p. 359.
[5] «Révolution française», p. 50. 1932.

вится в Якобинский клуб и наденет там красный колпак»[1]. Неожиданный восторг республиканского журналиста получает весьма простое об'яснение, если знать, что еще до революции Карра находился в дружественных сношениях с прусским правительством и за «особые услуги» был награжден последним золотой табакеркой с изображением прусского короля. Повидимому, «дружественные» связи Карра не ограничивались одной Пруссией, так как с января 1792 года он же агитировал за приглашение на французский престол английского принца.

Аналогичную кампанию в пользу герцога Брауншвейгского вел с мая 1792 года в своей газете «Парижская хроника» и Кондорсэ. Другой видный жирондист, Бриссо, автор архиреволюционного лозунга «Мы можем успокоиться только тогда, когда вся Европа будет в огне», 17 июля 1792 года выступил в Комиссии двенадцати с заявлением: «Я вам докажу сегодня вечером на основании нашей корреспонденции с Сен-Джемским кабинетом, что от нас самих зависит сблизить нашу конституцию с английской, сделав герцога Йоркского конституционным королем вместо Людовика XVI»[2]. Бриссо вместе с тем оказался замешанным в заговоре в пользу герцога Брауншвейгского и избегнул ареста только вследствие заступничества Дантона, обязанного своим министерским портфелем Бриссо и Кондорсэ. «Бриссо, — по деликатному выражению социал-реформистского историка Кунова, — не был человеком строгих принципов... он отдавал свое перо тому, кто в нем нуждался и мог платить»[3].

По постановлению Конвента от 3 октября 1793 года, Бриссо, Карра, Кондорсэ и 38 других членов Конвента были преданы суду революционного трибунала как виновные «в заговоре против единства и неразделности республики, против свободы и безопасности французского народа».

Следует также упомянуть о Демулене — типичном представителе так называемых модерантистов («умеренных», «снисходительных»),—боровшемся со страниц «Старого Кордельера» против якобинской диктатуры. Демулен призывал революционное правительство к отказу от террора, к саморазоружению и открыто восхвалял неприятельское английское правительство, его мнимую терпимость и «миролюбие».

[1] А. Матьез «Французская революция». Т. II, стр. 28.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Генрих Купов «Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг.», стр. 314. 1923.

«Маска аристократии сорвана. Не доверяйте ее ласкам. Тысячи ее вооруженных рук готовы Вас поразить».

Карикатура на двуличное поведение аристократии. Франция 1789—1793 годов.

Характерен в своем роде и Буасси д'Англа, один из вождей Конвента термидорианского периода, докладчик конституции III года, носившийся с мыслью «в целях достижения мира предложить корону какому-нибудь принцу из царствующих домов России, Англии или даже Австрии»[4].

Из той же плеяды термидорианских активистов интересен Талльен, близко связанный с Терезой Кабарюс, бывшей маркизой де Фонтене, дочерью главного банкира испанского короля, с которым Франция находилась в войне, что не помешало, однако, Талльену дать письменное поручительство за политическую благонадежность этой женщины. Женившись затем на Кабарюс, Талльен в том же году вынужден был после англо-эмигрантского десанта в Киберонне признаться публично (речь 19 фруктидора III года) в шпионских связях своей жены. «Они (враги Франции.— Е. К.),— сказал Талльен,— могут иметь шпионов даже у народных представителей, они могут желать разорвать самые свя-

[4] А. Матьез «Французская революция». Т. IV, стр. 194.

щенные узы, связывающие два существа, которые всегда были несчастны...»[1].

Реакционные историки современной Франции тщетно пытаются реабилитировать именно тех деятелей революционной эпохи, которые в глазах современников завоевали прочную репутацию тайных агентов воевавших с Францией держав.

Историк французской революции Ипполит Тэн использовал в этих целях в качестве источника монархическую газету «Французский Меркурий», редактором которой был профессор и публицист Маллэ дю Пан. Но Маллэ как раз сам был иностранным агентом во Франции. Этот Маллэ в самый разгар войны с контрреволюционной коалицией в 1792 году писал в своем «Меркурии» (№ 26): «Королевская власть и религиозность — достояние всех людей. Поэтому все они равно заинтересованы в том, чтобы покарать напалки и надругательства, уничтожающие королевскую власть... Эти преступления не только останутся безнаказанными, но еще и поощрят к более мерзостным преступлениям, если Европа настойчиво не потребует возмездия». В августе того же года Маллэ с удовлетворением отмечал продвижение неприятельских войск к Парижу и воспроизвел в своей газете пресловутый манифест герцога Брауншвейгского, суливший Парижу «месть, на вечные времена незабываемую». Перебравшись затем в Швейцарию, на нейтральную территорию, этот французский профессор и литератор отбросил ненужную стыдливость и превратился в простого агента иностранных государств и даже двух сразу (Австрии и Португалии)[2].

В 1935 году на страницах журнала «Révolution francaise» было напечатано исследование реакционного историка Годеля, посвященное бывшему члену Комитета общественного спасения и редактору конституции 1793 года Эро де Сешель, разделившему судьбу Дантона. Годель начинает с проклятия монтаньярам, характеризуя их как «безумную и преступную чернь, которая желала падения той благородной Жиронды, в рядах которой оказалось собранным столько славных имен и столько будущих светил...», и кончает утверждением, что все обвинения Эро в сношениях с врагами Франции лживы, а все изобличающие его документы фальсифицированы. Но факты свидетельствуют о том, что Эро, ежегодно менявший свои политические убеждения (фельян, жирондист, монтаньяр, гебертист), был послушным орудием в руках австрийского агента Проли, освобожденного из тюрьмы благодаря его вмешательству; что, руководя в Комитете общественного спасения иностранными сношениями, Эро направил в секретную командировку заграницу целую группу иностранных шпионов (Перейру, Дюбюиссона, Куендра, Лафайля — субагентов де Мона и Симона, бывших в свою очередь тайными агентами германского императора) и сам участвовал в иностранном заговоре. Совместно с Клоотсом Сешель выступал неизменным глашатаем войны во что бы то ни стало.

Робеспьер, Сен-Жюст и другие были убеждены, что в лице Сешеля они имеют дело с наемным агентом заграницы. К нему относится запись Робеспьера: «Изгоните, прежде всего, предателя, который заседает вместе с вами», — и письмо Сен-Жюста: «Доверие не имеет цены, если его приходится делить с подкупленными людьми». Постановлением Комитета Сешель был исключен из правительственных совещаний и закончил свою карьеру на эшафоте.

«Банальный ритор и космополитический террорист», по Сорелю, «свободный мыслитель и филантроп», по Олару, «эксцентричный философ», по Жоресу, прусский эмигрант барон Иоганн Баптист Клоотс (Анахарзис Клоотс) был прежде всего иностранным агентом. Член Конвента, председатель Якобинского клуба и миллионер, Клоотс играл видную роль на политической сцене. Его социальное кредо вылилось в афоризме: «Собственность вечна, как общество. Я скажу богачам — ешьте ваш миллион, но будьте гражданами...» Печатные и устные выступления Клоотса были главным образом посвящены вопросам международной политики. В 1786 году, накануне революции, он дебютировал произведением «Чаянья Галлофила», в котором предлагал «отодвинуть границы Франции к устью Рейна», рекомендуя одновременно полную перекройку европейской карты. При этом он отдавал Австрии Молдавию и Валахию, а Пруссии — Познань и Данциг. В 1790 году Клоотс выступил в Учредительном собрании во главе депутации иностранных эмигрантов, охарактеризованной в донесении русского посла Симолина как «смехотворное посольство, депутаты которого получили по 3 ливра на человека, чтобы разыграть этот фарс». 13 декабря 1791 года Клоотс выступил в Законодательном собрании в качестве «оратора человеческого рода», требуя от имени последнего аннексий и экспорта революции; народы Германии, Богемии, каталонцы, аллоброги, батавцы «потрясут своими цепями и разобьют их с бешенством», — говорил он. Мишон, один из новейших исследователей войн революционной Франции, с полным основанием усматривает в этой кампании Клоотса своеобразный вид про-

[1] А. Матьез «Французская революция». Т. IV, стр. 193.

[2] «Correspondance inédite de Maller du Pan avec la cour de Vienne, publiée par André Michet». Paris. 1884.

вокации, инспирированной враждебными Франции государствами[1]. Весьма показательно, что, призывая Германию, Бельгию и Голландию к немедленному восстанию против королей и аристократии, Клоотс ухитрился в то же самое время выступить апологетом монархической и аристократической польской конституции 1791 года.

Переметнувшись от жирондистов к якобинцам, Клоотс и здесь продолжал вести свою шпионско-провокационную политику. В августе 1792 года Клоотс действует в роли организатора «прусского легиона», оказавшегося, впрочем, не столько боевой, сколько бумажной единицей. На страницах своего «Батавца» (орган иностранных эмигрантов) и с трибуны Якобинского клуба Клоотс требует завоевать для Франции ее «естественные границы». «Шахматная доска Франции увеличится двенадцатью новыми клетками, краями их будут Рейн и вершины Альп», — заявляет он. 26 апреля 1793 года Клоотс излагает в Конвенте «Конституционные основы республики человеческого рода». С одной стороны, эти основы «архиреволюционны» («долой границы... республика должна быть всемирной») и как таковые призваны внушить величайшую тревогу всем правительствам Европы, изображая Францию грозным поджигателем мирового пожара, а с другой — весьма симптоматично, что новая всемирная республика должна, по Клоотсу, именоваться «Германией», по какому случаю сами французы подлежат переименованию в германцев[2].

Ко всему этому остается добавить, что лично Клоотс был близко связан с людьми не только сомнительными, но явными агентами заграницы, вроде Эро де Сешеля, Проли (кузен Клоотса), голландского банкира ван ден Ивера (бывший банкир Дюбарри), изменника Дюмурье и др.

Не приходится после этого удивляться, что люди самых различных политических направлений, от Марата и Лакруа до Демулена и Робеспьера, были единодушны в оценке Клоотса как «берлинского шпика» (выражение Марата)[3]. Этим же об'ясняется та последовательная борьба за разоблачение Клоотса, вплоть до изгнания его из Конвента и предания революционному суду, которую упорно проводил Робеспьер. В ходе судебного процесса обнаружился еще новый материал против Клоотса — его переписка с герцогом Брауншвейгским.

Неприятельские организации во Франции имели также свою агентуру и в рядах польской эмиграции. Шляхетские руководители польских повстанцев, оценивая Францию как возможного военного союзника, охотно вступали в блок с наиболее агрессивными кругами французской буржуазии и боролись с их противниками (якобинцами).

Так, видный польский эмигрант Мячинский был активным участником измены Дюмурье, вследствие чего Робеспьер в переговорах с польским уполномоченным Барсом открыто обвинял поляков, проживающих в Париже, в участии в контрреволюционных заговорах[4]. Тот же Барс после падения Робеспьера (9 термидора) появляется у решотки Конвента, чтобы поздравить французское правительство с «низвержением идолов».

Не останавливаясь на подрывной деятельности в период Французской революции других иностранных эмигрантов, следует упомянуть только еще о двух австрийских: Готлобе и Добруска, — поскольку их пример показывает, как легкомысленная доверчивость и беспечность французов облегчали работу неприятельской агентуры. Моравские купцы Готлоб и Добруска появились во Франции на следующий день после об'явления войны. Выдав себя за преследуемых патриотов и не стесняясь в расходах, они под фамилией Фрей (свободный) добились покровительства ряда влиятельных депутатов (Луи, Бактаболь, Симон, Ришар, Гастон, Шабо). Благодаря поручительству Шабо, члена Комитета общественной безопасности, они проникли в центральные якобинские организации. Установив тесный контакт с министром иностранных дел Лебреном, тоже австрийским агентом, они регулярно получали деньги из-за границы. Уже будучи обвиненными в шпионаже, они сумели при содействии другого австрийского агента — Проли — выдать свою сестру (Леопольдину Фрей) замуж за депутата Шабо, снабдив ее 200-тысячным приданым. Впоследствии было установлено, что Готлоб и Добруска были поставщиками самого императора Иосифа II, наградившего их баронским титулом и фамилией Шенфельд.

Враги революционной Франции находили неисчерпаемый источник для вербовки шпионов и предателей в среде контрреволюционных церковников. Первые же вспышки гражданской войны во Франции подчеркнули ту прочную связь, которая существовала между феодально-абсолютистским государством во Франции и католической церковью — крупнейшим феодалом и

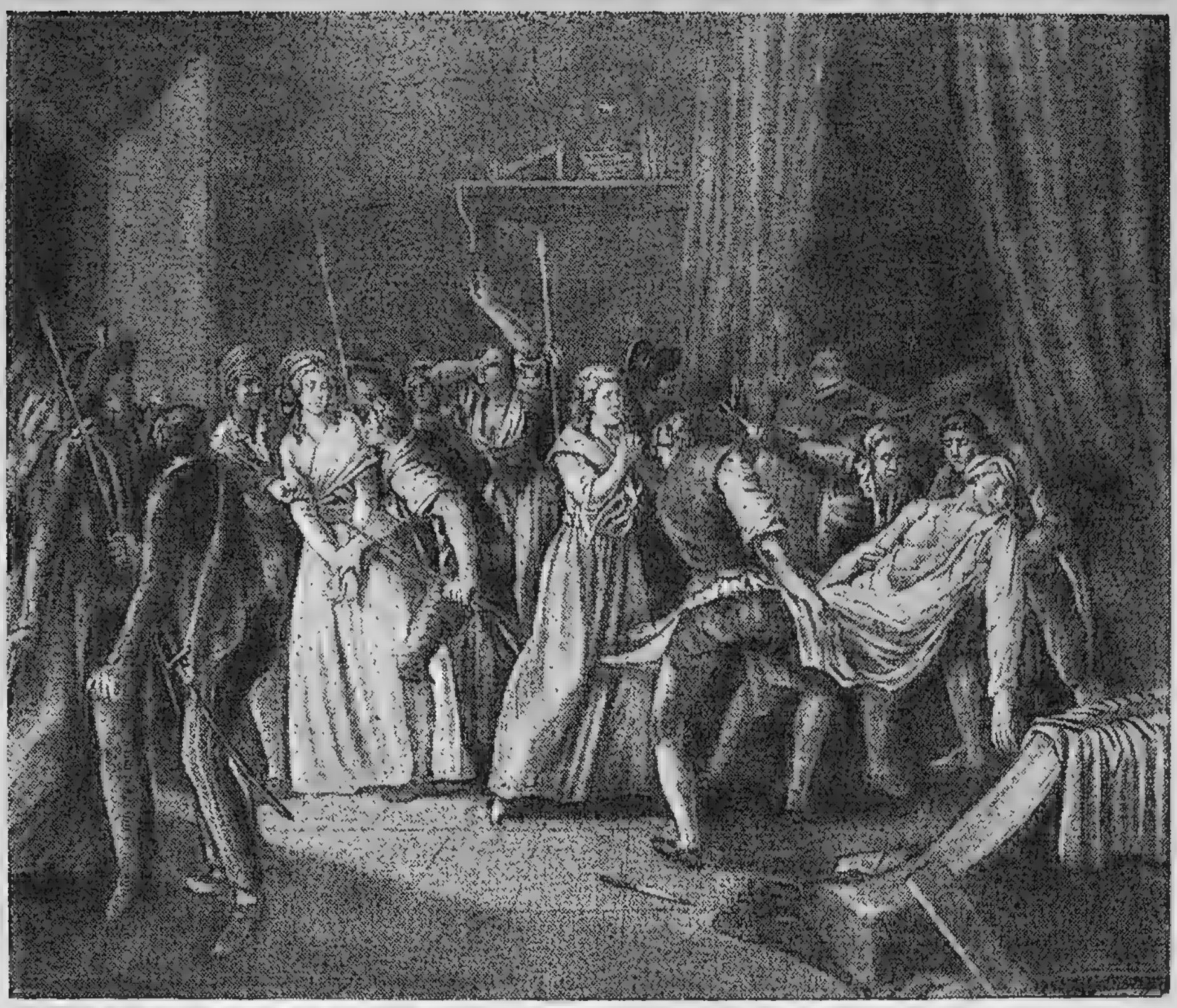
---

[1] Michon «Robespierre et la guerre révolutionnaire». Paris. 1937.

[2] «Moniteur». T. XVI, p. 253—254.

[3] Baulig «Anacharsis Clootz». «Révolution française», p. 409. 1900; p. 423. 1901.

[4] Monsuy «Robespierre vu de Pologne». «Annales historiques de la Révolution française», p. 225. 1933.



Смерть Марата.

Гравюра Виккельса по рисунку Бриона.

идеологом феодального строя. Тесный союз дворян-роялистов с иностранной контрреволюционной интервенцией имел своим следствием установление таких же связей и по церковной линии.

Вандейское клерикально-монархическое восстание 10 марта 1793 года является ярким подтверждением этой связи.

Комитет общественного спасения подчеркивал, что «тираны (то есть правительства антифранцузской коалиции) возобновляют свои происки. Они заключили союз со священниками...»[1].

Неприятельская агентура свивала себе гнездо и в таких французских учреждениях и организациях, которые, казалось бы, стояли далеко от политической борьбы: так например отделением английской разведки оказался «Филантропический институт» в Бордо, руководимый из Швейцарии агентом английского правительства Викгэмом.

Враги Франции не брезгали также актами индивидуального террора против виднейших государственных деятелей. Убийство Марата, покушение на Робеспьера — наглядные к тому иллюстрации.

[1] «Recueil des actes du Comité de S. P.». T. VIII, p. 58.

4

В борьбе против Франции неприятельские государства широко пользовались методом вербовки изменников среди командного состава революционных армий: не было почти ни одного видного французского военачальника, которого бы враги Франции не пытались склонить к измене, от Люкнера и Депре-Красье до Гоша, Моро и Бонапарта.

Ограничимся несколькими характерными иллюстрациями применения этого метода. Бывший тайный агент короля генерал Дюмурье, став командующим революционной армией, остался верен своему авантюристскому прошлому. В январе 1793 года, во время процесса короля, он при поддержке Дантона, Клоотса и вождей Жиронды вел активную политическую интригу. Интрига разрослась в план монархического переворота, который Дюмурье в своих мемуарах описывает как проект соединения в одно государство Бельгии и Голландии, похода на Париж, разгрома Конвента и уничтожения якобинцев. Эмигранты совместно с австрийцами разработали план подкупа Дюмурье и подыскивали для этого необходимые средства. 23 марта через Монжуа (ад'ютанта Дюмурье) начались переговоры

герцога Кобургского с Дюмурье, продолжавшиеся затем через австрийского полковника Макка. Дюмурье обязался эвакуировать Бельгию и сдать неприятелю три крепости: Антверпен, Бреду и Гертруденберг. Попутно Дюмурье запросил 20 тысяч луидоров на расходы в Париже. Во второе свидание с Макком (30 марта) Дюмурье принял на себя обязательство — выдать Австрии французского военного министра (Бермонвилля) и четырех комиссаров, направленных к нему Конвентом; вместе с тем он добился согласия Австрии принять на свое содержание в случае неудачи его замысла ту часть армии, которая за ним последует. 1 апреля Дюмурье выдал министра и комиссаров неприятелю. Спасаясь от возмущенных его предательством солдат своей армии, Дюмурье 5 апреля с отрядом в тысячу человек перешел к австрийцам. Измена командующего Северной армией привела к вступлению неприятельских сил на территорию Франции.

В июне 1793 года разразилось контрреволюционное восстание федералистов (жирондистов). В числе генералов Жиронды находился Феликс Вимпфен, еще с сентября 1792 года (осада Тионвилля) завербованный англичанами.

В 1795 году руководитель английской агентуры во Франции Викгэм организовал подкуп генерала Пишегрю, командующего Рейнской армией. Через Фош-Бореля, швейцарского книгопродавца, бывшего секретного агента Фридриха II, Пишегрю было обещано за измену звание маршала, губернаторство в Эльзасе, замок Шамбор, миллион ливров единовременно и 200 тысяч ежегодно. Сделка временно расстроилась вследствие требования Конде предварительной сдачи Страсбурга и Гунигена, тогда как Пишегрю уклонялся от этого, ссылаясь на печальный прецедент с Дюмурье. Запутавшись в сетях заговоров и измен, Пишегрю в 1804 году покончил жизнь самоубийством.

Следует упомянуть также измену генерала Вилло, одного из соратников Пишегрю. В своих письмах, датированных 1815 годом и 1821 годом, адресованных Людовику XVIII и его военному министру, Вилло ссылался на то, что, будучи генералом французской революционной армии, он одновременно был тайным агентом роялистской эмиграции, а также и английского правительства. «Вашему величеству известны,— пишет Вилло,— мои попытки, и ваши агенты, равно как и господа Викгэм, Джексон и другие дипломатические агенты Англии, были свидетелями моих усилий» [1].

[1] Chassin «La trahison du général Willot». «Révolution francaise», p. 403. 1897.

Впрочем, английские агенты могли засвидетельствовать и многое другое: так например, по договоренности французских адмиралов Трогофа, Пюиссара и Шоссгро с англичанами, последним была сдана в Тулоне (28 августа 1793 года) лучшая из французских военных эскадр.

В свете современной исторической документации мы знаем, что генерал Кюстин, казненный за измену по приговору Революционного трибунала, не только был виновником проигранных сражений, но и вступил в переговоры с неприятелем по заданию Дантона и Лебрена, то есть англо-австрийской агентуры во Франции.

5

Феодальному окружению не удалось сломить революционной Франции. На каждый новый удар врагов народные массы отвечали новым под'емом революционного энтузиазма, героизмом своих бойцов, самоотверженной преданностью революции. Ответом революционной Франции на шпионаж и диверсии, применявшиеся контрреволюционной коалицией, была беспощадная борьба с ее агентурой во Франции. Эту задачу выполнил грозный якобинский террор, поставленный «в порядок дня» якобинским Конвентом, который был орудием «диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии» [2]. «Якобинцы об'явили врагами народа тех, кто «способствует замыслам об'единенных тиранов, направленным против республики» [3]; последовательно и упорно выкорчевывали они предательство и измену.

Историческая заслуга Робеспьера и его ближайших соратников состоит в том, что именно они неуклонно и систематически разоблачали деятельность агентуры неприятельских правительств во Франции, срывали маски не только с отдельных людей, но и раскрывали самые приемы их вредительства. Так например в своих речах от 10 октября 1793 года и 5 февраля 1794 года Робеспьер, говоря об англо-прусских и австрийских агентах во Франции, так определил их подрывную тактику: «Одна из этих клик толкает нас к слабостям, другая — ко всяким крайностям; одна хочет превратить свободу в вакханку, другая — в проститутку... лжереволюционер может прикидываться то более умеренным, то более крайним. Смотря по обстоятельствам, он то проповедует умеренность, то одержим горячкой патриотизма. Он противится всем энергичным мероприятиям, но

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. IX, стр. 372.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 505.

когда они уже приняты, тогда он старается довести их до крайности...»[1].

Робеспьера дополняет Сен-Жюст, наглядно показывающий, к чему вела и ведет тактика «снисходительных»: «Снисходительность, проявленная к нескольким преступникам, стоила нам жизни 200 тысяч людей, погибших в Вандее; эта снисходительность заставила нас уничтожить до основания некоторые города; она подвергла страну полному разорению; и если теперь вы снова поддадитесь этой слабости, то она вам будет стоить 30-летней войны...»[2].

Французский Конвент не ограничился сокрушительным ударом по вражеской агентуре внутри страны. Заклеймив 1 августа 1793 года методы неприятеля как «поведение трусливое, вероломное и жестокое», как «подкуп убийств, отравлений, поджогов и всех преступлений — для торжества тирании и для уничтожения прав человека», Конвент и руководимые им французские революционные армии ответили врагам Франции применением на полях сражений новой военной тактики и новых методов революционной войны. Это обеспечило победу французской буржуазной революции, в результате которой «весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции»[3].

Реакционные буржуазные историки Французской революции утверждают, что все враги Французской революции в ее наивысшем проявлении — якобинской диктатуре — были будто бы лишь идейными противниками якобинцев. История шпионажа и диверсий в борьбе с революцией 1789 года полностью опровергает эти утверждения. Отнюдь не маневром политической стратегии, но подлинной, исторической истиной было грозное обвинение, брошенное якобинцами в лицо своим врагам,— обвинение в том, что в борьбе с ненавистной им революцией они стали презренными агентами иностранных правительств, наймитами «тиранов», то есть международной контрреволюции.

На советских историках, гражданах великой социалистической страны, испытавшей контрреволюционную интервенцию капиталистического окружения, заговоры и диверсии фашистских бандитов и их троцкистско-бухаринской агентуры, лежит научная обязанность — заново разработать факты и документы величайшей из буржуазных революций и произвести их переоценку.

Революционный опыт Франции в деле борьбы с шпионско-диверсионной деятельностью ее контрреволюционного окружения учит граждан СССР, счастливых строителей коммунистического общества, «не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей», будет засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц чем в тылы любого буржуазного государства, «помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа»[4].

---

[1] «Moniteur». T. XIX, p. 401—408; там же, p. 686—692; Aulard «La Société des Jacobins». T. II, p. 5—9; t. VI, p. 192—197, 237—239, 246—288.

[2] Речь от 8 вантоза II года. «Moniteur». T. XIX, p. 565—569.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 304.

[4] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 39. Госполитиздат. 1939.

В. Афанасьев

ВЕРОЯТНЫЙ ПУТЬ КНЯЗЯ ИГОРЯ СЕВЕРСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ В 1185 году

(Критическое исследование похода по летописям и „Слову о полку Игореве")

«Да позрим синего Дону».
(«Слово о полку Игореве»).
«К сожалению, до сих пор не определен путь Игоря».

(А. Н. Майков. Примечания к «Слову»).

1

Более 140 лет известно нам «Слово о полку Игореве». Велика и обширна литература о «Слове», но до сих пор трасса похода Игоря к реке Каяле разработана лишь приблизительно.

Н. М. Карамзин в III томе своей «Истории государства Российского» впервые указал путь полка игорева в 1185 году, сблизив его с походом Владимира Мономаха на половцев в 1111 году — «ф е а т р о м д е й с т в и й М о н о м а х о в ы х». Местом поражения Игоря он считает реку Каяльник (левый приток Дона перед Северским Донцом), принимая, таким образом, Каяльник за упоминаемую в «Слове» реку Каялу.

Последующие исследователи и комментаторы «Слова» заняты были лексикологией «Слова» и раз'яснением отдельных его мест, но они почти не занимались топографией самого похода. Отсутствие же в географических и энциклопедических словарях указаний на реку Каялу, произвольное отожествление Каялы с многочисленными реками Кагальниками, Кальмиусом и другими привели к тому, что многие серьезные исследователи, как например Е. В. Барсов — автор трехтомного исследования о «Слове» в восьмидесятых годах,— стали считать, что река Каяла — какая-то абстрактная, мифическая река, подобно древнему Стиксу.

Летописи и «Слово о полку Игореве» — эти памятники, независимые друг от друга, но взаимно дополняющие и подкрепляющие друг друга,— дают нам немало подробностей о трассе похода Игоря и месте гибели его войска на быстрой половецкой реке Каяле. Сохранившаяся датировка событий в летописях и «Слове» также помогает найти ведущую нить, чтобы, наконец, точно определить это место.

Ипатьевская летопись начинает свою запись о походе Игоря с указания, что «Игорь, внук Ольгов, поеха из Новгорода месяца Априля в 23 д е н ь, в о в т о р н и к, поимя с собой брата Всеволода». Но Всеволод вскоре временно отделился от Игоря, очевидно, для того, чтобы ускорить сбор своих курян, заверив, однако, при этом старшего брата, что «мои ти Куряне готовы, оседлани их кони у Курьска на переди», а сами они «под трубами повити, под шеломами взлелеяни, конець копья вскормлени, пути им ведоми, сабли изострены»,— словом, находятся в полной боевой готовности.

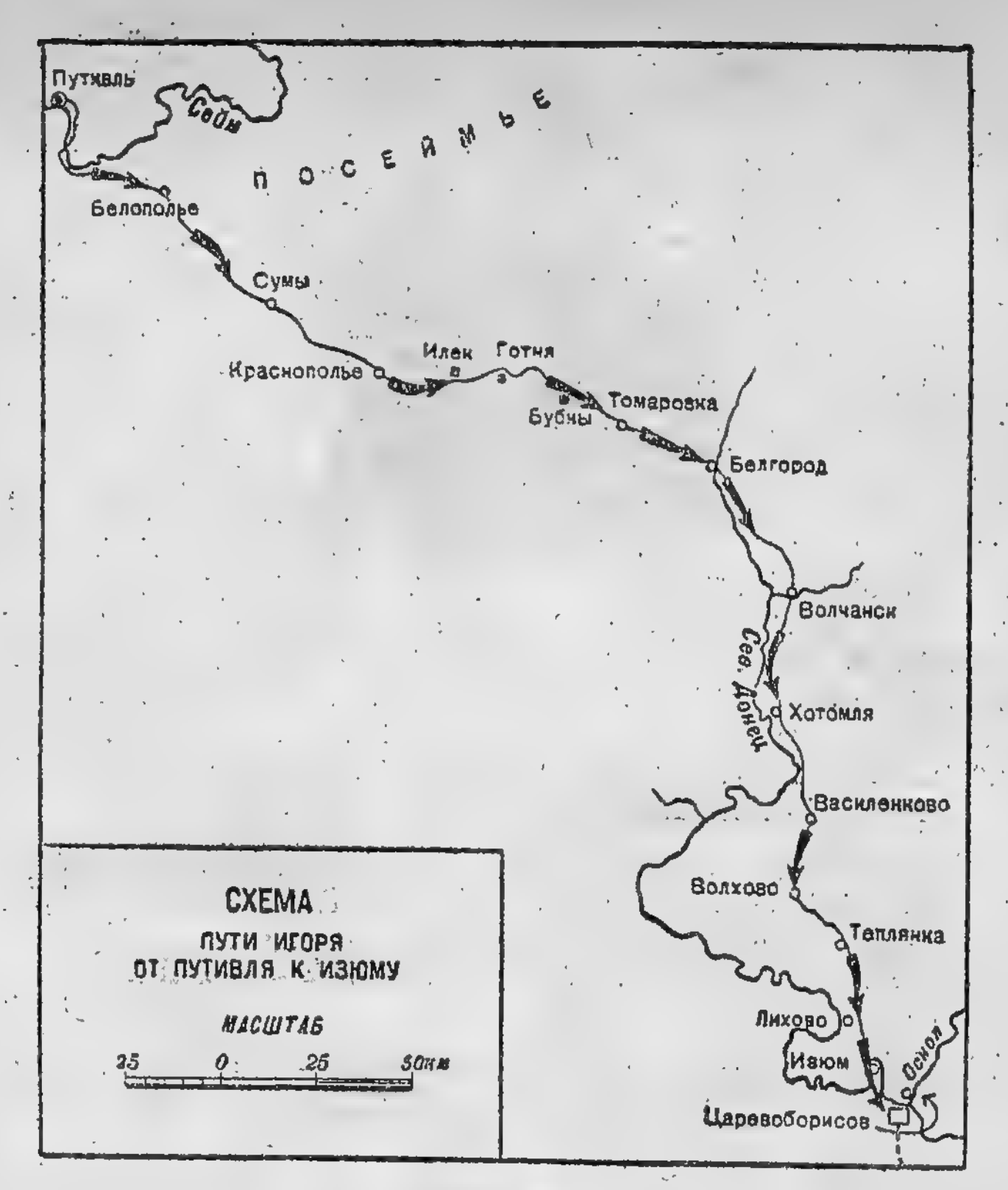


Схема № 1.

Указание «Слова», что «куряне готовы и стоят на переди», позволяет нам предположить, что вероятный путь дружины Игоря в начале похода пролегал несколько южнее самого Посеймья, примерно в направлении Белгорода (тогда еще не существующего), в целях скорейшего сближения с курянами Всеволода. Затем, не дожидаясь, однако, всеволодова войска, двинулись они вниз по левому берегу Северского Донца, примерно на современные Волчанск, Хотомлю, Волхово, Лихово, Изюм (см. схему № 1).

Наступившее во время похода «знамение на небе» — солнечное затмение — дает нам полную возможность точно определить пропущенную почему-то в Ипатьевской летописи дату похода. Астрономически точно определено, что это затмение произошло в среду 1 мая, приблизительно между 4 и 5 часами дня, на широте и меридиане Изюма. Запись об этом мы находим в другой, Лаврентьевской летописи, где сказано: «м е с я ц а м а я в 1-й д е н ь, на память св. пророка Еремия, в с р е д у н а в е ч е р н и, бысть знамение на солнце, темно бысть вельми и сие бысть больше часа, яко и звезды видети... и бе видети зело страшно и ужаса исполнено знамение».

Дружина Игоря, увидев на берегу Донца это затмение, которое, может быть, в районе Изюма и не было даже полным, но все-таки выглядело достаточно устрашающим, «поникоша главами и рекоша не на добро знамение се». Игорь нашел необходимым ослабить неблагоприятное впечатление, произведенное затмением на воинов, и произнес известную речь о том, что «таин Божиих никто не знает, что Бог есть творец миру и знамений, а нам что сотворит на добро или зло, то нам вилити». «И то рек,— продолжает летопись,— п е р е б р е д е Д о н е ц и т а к о п р и и д е к о О с к о л у», т. е. переправился с левого берега на правый берег Донца, у Изюмской переправы. Так как в Ипатьевской летописи нет последующих указаний на вторичную переправу через Донец, по соединении со Всеволодом, то можно сделать вывод, что все дальнейшие события и вторая часть похода происходили именно на правом берегу Донца, за исключением поражения и гибели полка игорева на реке Каяле, которые произошли на левом берегу.

Против устья Оскола Игорь «жда два дни брата своего Всеволода, тот бя шел иным путем из Курска». Это ожидание происходило на правом берегу Северского Донца, немного южнее Изюма, 2 и 3 мая, т. е. в четверг и пятницу. Путивльский

отряд самого Игоря выполнял при этом, несомненно, обязанности авангарда.

Итак, чтобы подойти к Изюму, потребовалось, по летописи, девять дней — с 23 апреля по 1 мая. Примерная длина всего пути составляет около 360 верст, т. е. в среднем на дневной переход приходится по 40 верст. Отсюда следует, что полк Игоря был весь конным и имел небольшой обоз, везущий часть вооружения и, вероятно, котлы для варки пищи. Только великий князь Святослав Игоревич (969—972) в своих далеких походах не имел, по летописям, обоза.

В период вынужденной стоянки Игоря, в ожидании курян брата Всеволода, выслана была, очевидно, разведка, донесения которой прибыли, вероятно, не ранее субботы 4 мая. Таким образом, в субботу начался второй этап похода — наступление в пределах половецкой земли степью к реке Сольнице.

Указание на это мы находим в «Слове о полку Игореве», где говорится: «тогда вступи Игорь князь в злат стремень и поеха по чисту полю».

На современных нам военно-дорожных картах до сих пор встречается на дороге от Изюма к Славянску селение под названием «Голая долина» (см. карту похода князя Игоря на половцев), показывающим, что местность правого берега Донца за Изюмом была открытой — чистым полем, в отличие, вероятно, от прилегающей непосредственно к Донцу и его притокам закрытой, лесистой местности.

Когда под командой Игоря собрался весь его полк, Игорь обратился к воинам со следующими словами: «А всядем братие на свои борзые комони, да позрим синего Дону». Операционное направление к нижнему Дону и заключало, очевидно, идею похода — его план.

«Хощу бо, рече (Игорь. — **В. А.**) копие преломити конець поля половецкого, с вами русичи, а любо испити шеломомь Дону». А в конце поля половецкого, в луке моря, находилась далеко и давно манящая Тмуторокань, давняя колония Черниговского и Новгород-Северского княжеств. О дальнейшем развитии плана Игоря мы узнаем из того места в «Слове», где говорится про Олега Святославича, прозванного Гориславичем, и из ответа бояр Святославу, великому князю Киевскому, после рассказа о его мутном сне: «се бо два сокола слетоста с отня стола злата, поискати града Тмутороканя».

Итак, в субботу 4 мая началось наступление всего полка игорева по правому берегу Северского Донца, к югу от Изюмского кургана.

«И оттуда поидоша к Салнице», — говорит Ипатьевская летопись. Река Салница, правильнее Сольница, — бывшее название реки Тор, куда полк игорев прибыл вечером той же субботы 4 мая.

«Ту же к ним и сторожеви приехаше», т. е. высланная ранее Игорем разведка, которая донесла, что видела вооруженных половцев, которые «со доспехом ездять», почему необходимо или более быстро («борзо») наступать или возвращаться назад, «яко не наше есть время». Это донесение разведки означало, очевидно, что наступление полка игорева было уже открыто половцами, что неожиданное нападение было теперь невозможно и что лучшее время похода — ранняя весна — упущено Игорем. Припомним, что наиболее удачный поход Владимира Мономаха на половцев в 1111 году начат был в конце февраля, еще на санях, которые потом, конечно, были оставлены.

Ипатьевская летопись, вообще наиболее полная в описании подробностей похода 1185 года, отмечает решительный протест Игоря против доклада разведки. «Як же нам будеть не бившися возворотитися, то сором нам будеть пущей смерти. Но како ны Бог даст, — заявляет Игорь. — И тако угадавше и ехаша через ночь», т. е. решили продолжать наступление предстоящей ночью на 5 мая, в воскресенье.

Этот первый ночной переход художественно передан автором «Слова»: «Долго ночь меркнет, заря свет запала; мгла поля покрыла; шекот соловьиный успе, говор галичь убуди. Русичи великия поля червленными щиты прегородиша, ищучи себе чести, а князю славы... О русская земле! Уже за шеломянемь еси», т. е. за Изюмским курганом. Этот памятник и спустя 750 лет продолжает указывать начало похода Игоря.

«Заутра же пятку наставшу, — сообщает Ипатьевская летопись, — в обеднее время», по «Слову» же, «с зарания в пяток, — устретоша полки половецкие». Мы считаем более правильным время, указанное автором «Слова», который как очевидец, долго готовившийся к ожидаемой встрече с половцами, конечно, более точно определил время первого боевого столкновения с половцами чем далекий от поля битв летописец.

Где же, однако, произошла эта первая встреча с половцами в пятницу 10 мая? «Слово», не указывая прямо места столкновения с половцами, говорит о нем как о месте сосредоточения значительных запасов и торговых богатств половецких. По Ипатьевской и другим летописям (Лаврентьевской, Никоновской и летописи, не дошедшей, к сожалению, до нас, по известной автору нашей первой «Истории Российской» В. Н. Татищеву в середине XVIII

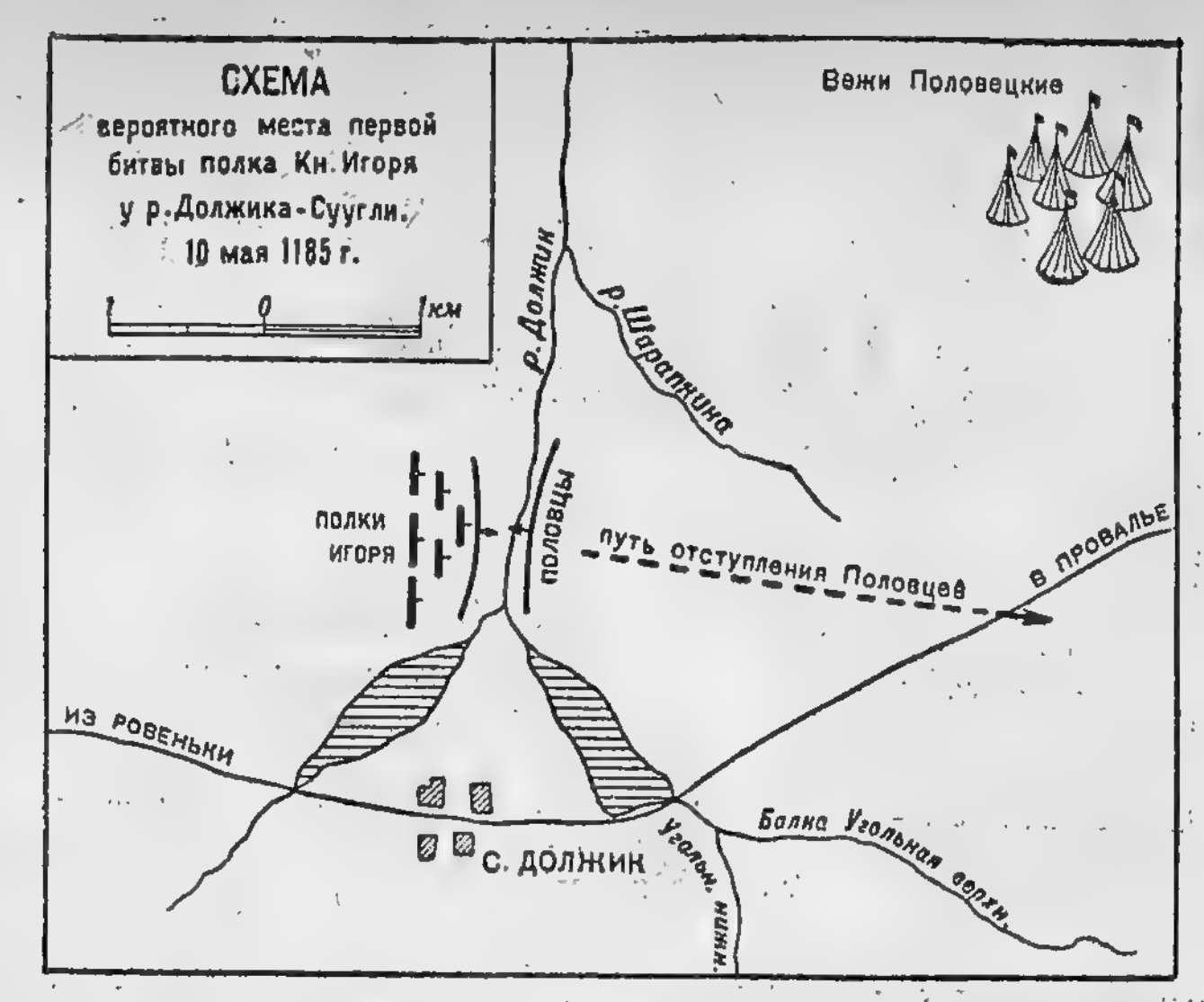


Схема № 2.

века), можно предположить, что это место находилось в районе реки Суугли-Сюурли, за которой находились половецкие вежи, т. е. подвижные шатры кочевников, образующие нечто вроде передвижных населенных пунктов. Ипатьевская летопись поясняет, что половцы к этому времени приготовили «доспеле вежи своя, пустили за ся, а сами, собравшеся от мала до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюурлия».

Река Сюурли-Суугли (по Татищеву), так же, как и Каяла, не указана в географических словарях, что создавало много недоразумений. Некоторые исследователи искали это место прямо в противоположной стороне от Дона — у Днепра (см. прилагаемую карту, в одном из вариантов семидесятых годов XIX столетия, Н. Аристова, А. Лонгинова и др.). Основанием для такого варианта была известная в летописях местность под названием Угла (иначе Суугли), где сливались реки Орель и Орелька, притоки Днепра. Другие, как например сделавший в 1936 году доклад в Географическом институте К. Кудряшов, видят эту Суугли-Сюурли в слиянии рек Тора и Сухого Торца где-то вблизи Славянска, так как Суугли означает вообще слияние или разлив воды, от татарского слова «су» — «вода» (например Учансу — в Крыму, Карасу — в Малой Азии, Суэнга — в Сибири и др.).

Наши изыскания местонахождения реки Суугли-Сюурли производились по расчетам времени похода и месторасположения вероятных веж. Так как первое столкновение с половцами происходило в пятницу, очевидно, 10 мая, согласно утверждению «Слова» и летописей, то в течение 6 дней, прошедших с начала похода 4 мая, в субботу, был совершен путь примерно в 240 верст, так как дружина игорева делала, как мы установили, около 40 верст в сутки.

Этот путь пролегал примерно на Славянск (Сланянск — по древнему произношению), Артемовск (Бахмут), Дебальцево, Колпаково (Кульбеки половецкие, что значит военный пост), Ровеньки и далее на юг, к Дону. Возможны, конечно, некоторые отклонения в сторону, но общее направление пути, указанного по современным урочищам, мы полагаем правильным. Длина указанного, таким образом, пути до Юскина—Ровеньков—начала водораздела между реками Каменкой и Лихой с севера и реками Миусом с Нагольной и Кундрючьей с юга—составляет около 220—230 верст, что и будет соответствовать шести дням похода Игоря, с однодневной остановкой для отдыха коней.

Исследование верховьев реки Должика, расположенной верстах в 20 к востоку от Ровеньков, навело нас на мысль, что здесь именно и находилась река Суугли-Сюурли (см. схему № 2). Современное сел. Должик находится в углу, при слиянии двух притоков, из которых и составляется река Должик. Восточная балка, в которую втекают небольшие в настоящее время другие ручьи, до сих пор носит название Угольной верхней и Угольной нижней. При слиянии своем они образуют второй угол. Это место и могло называться по значительному количеству воды Суугли-Сюурли.

За Суугли, на территории современного государственного конного завода, именуемой с незапамятных времен Провальем, находится множество провалов и пещер, образованных некогда подземными течениями. Эти провалы и пещеры могли

Схема построения по Ипатьевской летописи.

Схема построения по недошедшей до нас, но известной В. Н. Татищеву, летописи.

Схемы №№ 3-а и 3-б.

служить в древности отличными естественными складочными местами, столь необходимыми при торговых и других операциях кочевников.

Соединение в одном районе реки Суугли и расположенных за ней веж, на расстоянии около 230 верст от начального пункта похода, дает основание считать, что местом первой встречи игорева полка с половцами и явилась река Должик-Суугли, на разных берегах которой и расположились в боевом порядке русские и половцы.

2

Войско Игоря насчитывало примерно 4 тысячи воинов. Главный полк игорев состоял, вероятно, из тысячи дружинников.

Ипатьевская летопись свидетельствует, что половцы собрались «от мала до велика на оной стороне Сюурлия», что являлось, возможно, своего рода военной хитростью, вызванной желанием половцев внушить противнику представление о больших силах. «И яко быша к реце ко Сюурлию и выехаша из половецких полков стрельцы и пустиша по стреле по Русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переехаша еще реце Сюурлия, поскочиша же и ти половцы силы половецкии, которые далече от реки стояхуть». Так началась, по описанию летописи, первая битва, 10 мая, на реке Суугли-Сюурли нарочитым заманиванием русских в восточном направлении (см. схему № 2).

Отдельные передовые части полка игорева и черниговские ковуи «поткоша за половцами», причем в истории В. Н. Татищева с укоризной указывается, что младшие князья, поддавшись на преднамеренную уловку половцев, поскакали за половцами, «не испросив повеления старших». «Игорь же и Всеволод по малу идяста, не роспустяста полку своего. Переднии же ти Русь биша и имаша (половцев.— В. А.)».

Притворным отступлением, признанием якобы своей слабости, половцы хотели прежде всего отвлечь русских от места расположения своих веж, приготовленных, как надо полагать, к эвакуации (ведь они «доспеле вежи своя»), и тем самым сохранить от разорения хотя бы часть их, так как здесь, в Провалье, половцы, несомненно, успели сосредоточить вежи и из других мест, находившихся вблизи оперативного направления пути полка игорева. К этому предположению нас приводит последующая запись Ипатьевской летописи, гласящая, что «половцы же пробегаша вежи». Но, полагаем, нехитрый в общем план половцев был своевременно разгадан как русской разведкой, так, вероятно, и полукочевническим чутьем черниговских ковуев, стоявших в боевом порядке левее, т. е. севернее, русских полков первой линии Владимира Игоревича (см. схему № 3-а).

Ипатьевская летопись отмечает, что «Русь же, дошедше вежь, и ополонишася». Это более подробно и красочно рассказано автором «Слова»: «С зарания в пяток потопташа полки половецкие и, рассушася стрелами по полю, помчаша красные девки половецкие, а с ними злато и паволоки и драгие оксамиты». Таким образом, помимо живого полону — женщин и детей,— сулившего в будущем богатый выкуп, были найдены и, по праву победителей, захвачены огромные богатства — золото и разные драгоценные узорчатые ткани. «Слово», в дальнейшем фигурально описывая громадность этой добычи, говорит, что захваченными в вежах «япончами, плащами, кожухами и расписными тканями половецкими победители стали мосты мостить по болотам и

грязевым местам». О расхищении всего половецкого стана на современном Провалье как бы свидетельствует сохранившееся название правого притока реки Должика-Суугли (севернее балок Угольных — верхней и нижней) — реки Шарапкина (см. схему № 2). Слово «шарап», по Далю, значит расхват по рукам.

В общем эта первая победа была достигнута, несомненно, легкой ценой.

Из Ипатьевской летописи явствует, что Игорь, вполне довольный достигнутым успехом и богатой добычей, предлагал князьям тогда же, закончив преследование, начать обратный поход, учитывая возможность появления новых половецких сил на помощь родичам, разбитым на реке Должик-Суугли. «Се же видихом полки половецкие, иже многи суть, ныне же поедем через ночь, а заутра по нас вси поедуть, лучшие же коньницы переберуться»,— пишет Ипатьевская летопись.

Но это разумное предложение успеха не имело, так как младшие князья, опьяненные успехом, повидимому, решительно воспротивились, и Игорю пришлось уступить им.

Вечером 10 мая дружина Игоря остановилась на ночлег где-то в районе половецких веж на Провалье под прикрытием высланного вперед авангарда. Этот отдых был, вероятно, последним для большинства игоревой дружины, которой назавтра предстояло близко ознакомиться «с неготовыми дорогами половецкими».

«Другого дне вельми рано кровавые зори свет поведают»,— повествует автор «Слова» о наступающем утре субботы 11 мая. И здесь нельзя удержаться, чтобы не привести картинного описания участи, ожидающей игореву дружину: «Черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (Игоря, Всеволода, Владимира Игоревича, Святослава Ольговича); а в них трепещут синии молнии: быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Ту ся копием приломити, ту ся саблям потручати о шеломы половецкие, на реце на Каяле, у Дону великого».

В этих поэтических строках содержится также указание на дальнейший путь полка игорева.

События богатого происшествиями дня 11 мая необходимо расчленить на три периода: дополуденный, послеполуденный и вечерний.

Дополуденный период

Утро субботы Игорю пришлось посвятить снаряжению отряда, который должен был доставить на место взятых у половцев пленных и всякого рода добычу. Отряд этот не мог быть очень мал, так как предстояло оберегать пленных и добычу на протяжении свыше 500 верст и дать в случае надобности серьезный отпор попыткам половцев отбить полон. Уход отряда, несомненно, ослаблял и без того не особенно значительные силы игорева полка. По отправлении отряда предстояла организация самого похода по следам находившегося в авангарде войска Святослава Ольговича и, наконец, выступление.

Следуя записям Ипатьевской летописи, подтверждаемым «Словом», мы решительно отвергаем указания других летописей на непроизводительность стоянки в Провалье, на месте победы, в течение целых трех дней. Игорь и большинство князей отлично понимали необходимость скорейшего преследования и дальнейшего уничтожения не разгромленных еще сил половецких, к которым, несомненно, шли подкрепления сородичей. Не время было пиршествовать и предаваться отдыху на Провалье—боевая обстановка этого совершенно не позволяла. И Игорь без промедления двинулся за авангардом, по пути следования половцев.

Собственно говоря, пути-то настоящего не было, была только вытоптанная полосой трава от многих сотен половецких и русских коней. Половцы, уходя по водоразделу между реками Лихой и Кундрючьей к известным им, без сомнения, переправам через Северский Донец и совершенно недоступному для русских, лежащему за Донцом междуречью рек Белой Калитвы и Быстрой, имели, конечно, определенную цель — соединиться с идущей от Дона помощью и завлечь полк игорев в это междуречье. Здесь пролегали их внутренние торговые пути далее к востоку, на Чир, в знаменитую Белую Вежу — важный торговый путь между Доном и Волгой. Недоступное по экономическим и военным соображениям Задонецкое междуречье являлось подобием мешка, завязки от которого были в руках у половцев.

Утром произошла смена авангардов, так как кони полка Святослава, находившегося впереди, вероятно, с полудня пятницы, естественно, утомились. Ипатьевская летопись приводит обращение Святослава к Игорю: «далече есть гонил по половцех, а кони мои не могуть... и поможе ему Всеволод, якоже облечи ту». Таким образом, к полудню оставался свежим только собственный (из тысячи человек) полк Игоря. Теперь в авангарде уже шел Буй-Тур Всеволод, который скоро заметил видимое далеко в степи, особенно с возвышенного водораздела, скопление в различных местах значительных половецких сил.

Послеполуденный период

Полуденный краткий роздых дружины и коней был еще вполне возможен, во всяком случае, для собственного полка Игоря и обоза, идущих под прикрытием авангарда Всеволода. Но после полудня дело стало

принимать другой оборот, так как по сторонам пути отряда стали появляться половцы. «Начаши выступати полки половецкие, аки борове (как леса.— В. А.). Изумишася князи русские кому их которому поехати, бы бо их безсчисленное множество»,— отмечает Ипатьевская летопись; в русском переводе Древних летописей (1936 г.) это место переведено с добавлением, возможно, случайно пропущенного слова «пути», которое как-то невольно напрашивается на язык.

Однако к толкованию этого темного места надо подходить более осторожно. Вряд ли было бы правильно на основании этой фразы делать вывод о намерении Игоря и князей разделиться на отдельные отряды. Ведь и без того полк Игоря был уже ослаблен как самой битвой, так и необходимостью выделения конвоя для сопровождения пленных; поэтому дальнейшее разделение еще более ослабляло бы силу отдельных отрядов, которые тем легче могли быть окружены и разбиты соединенными половецкими силами. Мы полагаем, что летопись скорей имеет в виду предложение Игоря об обратном походе, высказанное им после одержанной победы, т. е. вопрос о том, кому из них начать движение в обратную сторону, а кому временно удерживать половцев, не давая им догадаться об этом отходе.

Но и на этот раз полк Игоря с авангардом Буй-Тура Всеволода продолжал наступать по водоразделу в восточном направлении к Донцу, окружаемый мало-помалу половцами. Послеполуденная жара, о которой говорят летописи и «Слово» в плаче Ярославны, все больше томила дружину и коней игоревых.

Но едва только надумывали ослабленные зноем воины напоить своих коней в верховьях расходящихся по обе стороны балок, как из глубин их вырастали половцы и осыпали тучею стрел всадников и коней.

«Изнемогли бяхуть безводием сами и кони их от зноя»,— пишет Лаврентьевская летопись. Единственным выходом было скорейшее достижение реки Северского Донца, которая дала бы возможность сразу напоить всю дружину Игоря.

Вечерний период

Мудрено ли, что в этих тяжелых условиях, томимая жаждой, осыпаемая стрелами в продолжение почти целого дня, часть воинов Игоря начала терять свою моральную устойчивость. «И многие почали на Игоря нарекать, что завел их в пустыню погубить»,— говорит, со слов не дошедшей до нас летописи, В. Н. Татищев. На что Игорь им ответил: «У нас нет иной надежды, кроме Бога и своих рук. Нарекание же на меня есть безумно, которым никому не поможете, но вред и погибель учинити, но того ради нужно стать всем единодушно».

В «Слове» также приведено обращение Игоря к дружине еще перед первой битвой:

«Братие и дружино! Лучше потяту (убиту) быти, нежели полонену быти». Это обращение храброго русского князя перекликается с памятными словами великого Святослава Игоревича, который говорил своей дружине, что «мертвые сраму не имуть».

Надо, однако, полагать, что разложение еще не коснулось пока авангарда курян Буй-Тура Всеволода.

К вечеру субботы, пройдя около 60 верст по водоразделу, Игорь принужден был отдать приказ о спешивании дружины, чтобы дать отдых измученным коням. «И тако угадавше, вси соседоша с коний, хотяхуть бьющеся дойти реки Донця» (Ипатьевская летопись). Если, по современным нам военным уставам, коновод при спешивании должен держать в поводу пять коней, то, если даже допустить для того времени двойную норму — в 10 коней,— все же на трехтысячную дружину нужно было не менее 300 коноводов, которые, конечно, становятся совершенно небоеспособными и требуют специального прикрытия. Это снова уменьшало игореву дружину и ослабляло ее силы.

Половцы, учитывая явную утомленность дружины и пользуясь превосходством конных войск над спешенными воинами, обремененными своими щитами и оружием, стали еще более вызывающе дерзкими. Подскакивая на более короткие расстояния, они наносили русским меткие ранения и безнаказанно ускакивали.

Спешенная дружина еще медленнее чем раньше продолжала наступать. При описании событий субботы 11 мая Ипатьевская летопись три раза повторяет, что игоревы воины, сойдя с коней, «хотяхуть бы бьющеся (бьючеся, бьючися) доити реки Донця». Такое повторение неоспоримо доказывает следование полка игорева от веж именно в восточном направлении, к Донцу, что лишает всякого правдоподобия варианты Н. Аристова, А. Лонгинова и К. Кудряшова (см. общую карту похода), утверждавших, что полк игорев пошел в обратном, западном направлении, к Днепру, или в каком-то неопределенном южном направлении.

Именно междуречье рек Белая Калитва — Быстрая за рекой Северским Донцом было местом гибели доблестного игорева полка.

Интересно отметить, что это междуречье через несколько сот лет снова сыграло большую роль в жизни русского народа. Здесь в мае 1918 года героически сражались за советскую власть красноармейские отряды под водительством тов. Ворошилова

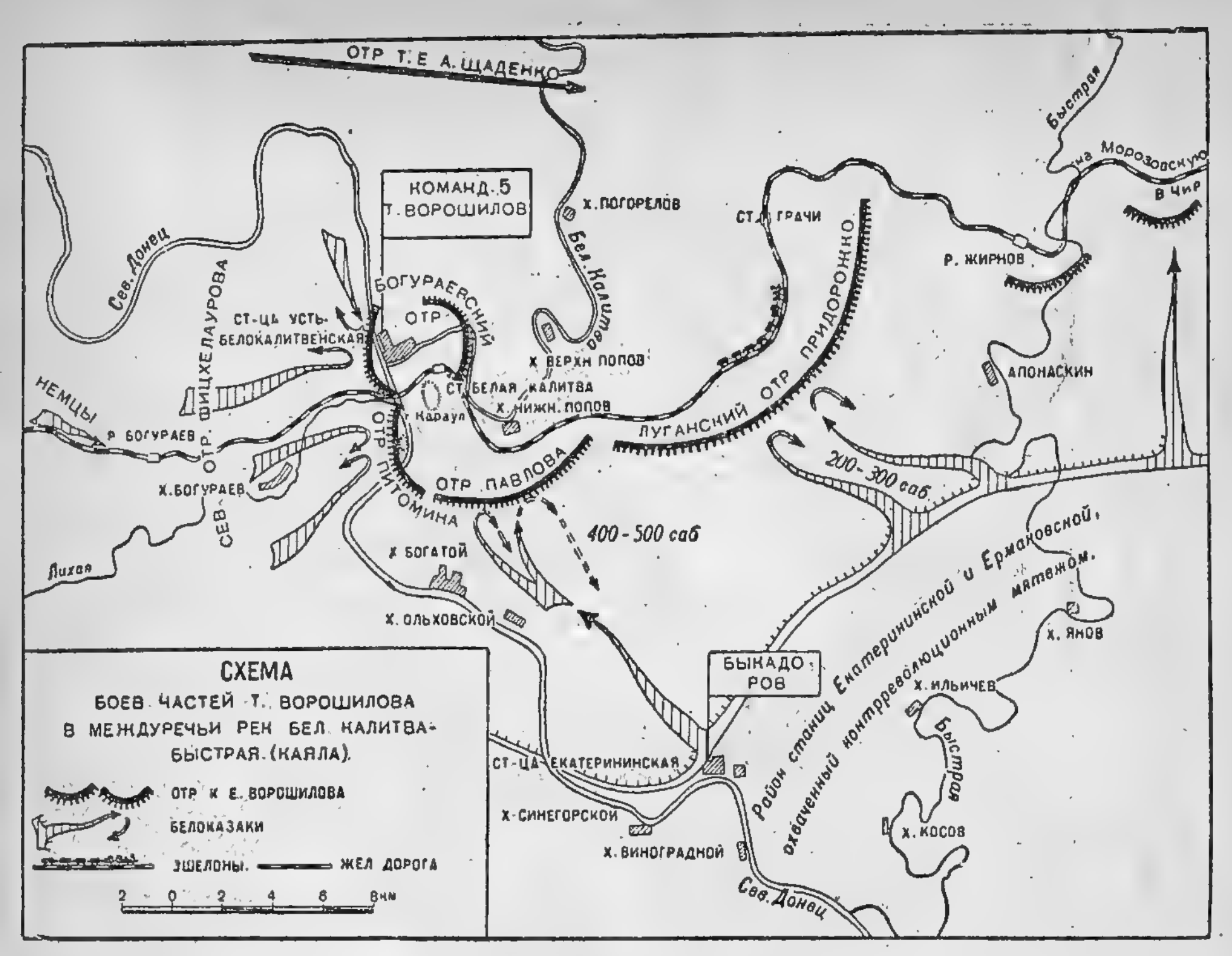


Схема № 4.

против немецких интервентов и белоказаков. Речь идет о героических днях в районе станции Лихой во время невиданного в истории похода армии тов. Ворошилова от Луганска к Царицыну, похода, ярко описанного А. Толстым в его романе «Хлеб». В результате этого похода были выведены из огня отряды Красной Армии, которым угрожала гибель, и спасены тысячи вагонов с семьями луганских рабочих и их имуществом. Закончился этот незабываемый поход соединением с царицынскими рабочими и Красной Армией, руководимыми великим Сталиным.

На схеме № 4, заимствованной из книги «Великий поход армии т. Ворошилова от Луганска к Царицыну», ясно показано напряженное положение отрядов тов. Ворошилова, окруженных со всех сторон немцами и белоказаками, особенно со стороны реки Быстрой, откуда семь веков назад выступали «аки борове половцы на Игоря».

Спустя 730 лет водораздел между реками Лихой и Кундрючьей, в районе Зверево — Лихая — Белая Калитва, вновь сделался ареной боевых испытаний русских. Только теперь луганчан и донецких шахтеров крыли не тучи половецких стрел и копий, а немецкие тяжелые снаряды и разрывные бомбы аэропланов.

От Белой Калитвы чешуйчатая лента красных эшелонов двинулась к междуречью реки Белой Калитвы и реки Быстрой—Каялы половецкой—и далее, к Морозовской и Чиру, имея вдали красный Царицын. Однако победа германской армии под станцией Лихой была для них «лихой — «пирровой победой». Не даром в красноармейской песне 1918 года поется: «Вспоминает враг с мольбою бой под Белою Калитвою».

3

Заметив почти полное изнеможение спешенной дружины Игоря, половцы стали теснить ее все более и более, «наскакивая, не только стрелы пущали, а не мало саблями и копиями, в'езжая убивали», — пишет В. Н. Татищев. «И крепко бились ту днину (субботу 11 мая) до вечера и многии ранинии мертви быши в полках русских», — отмечает Ипатьевская летопись.

Но вскоре половцы должны были временно оторваться от русских, так как водораздел кончался и им грозила опасность быть притиснутыми к реке. Это вынудило половцев разделиться в направлении к известным им бродам, ближе к устью реки Быстрой, где мощный антрацитовый грунт с давних времен давал возможность в не-

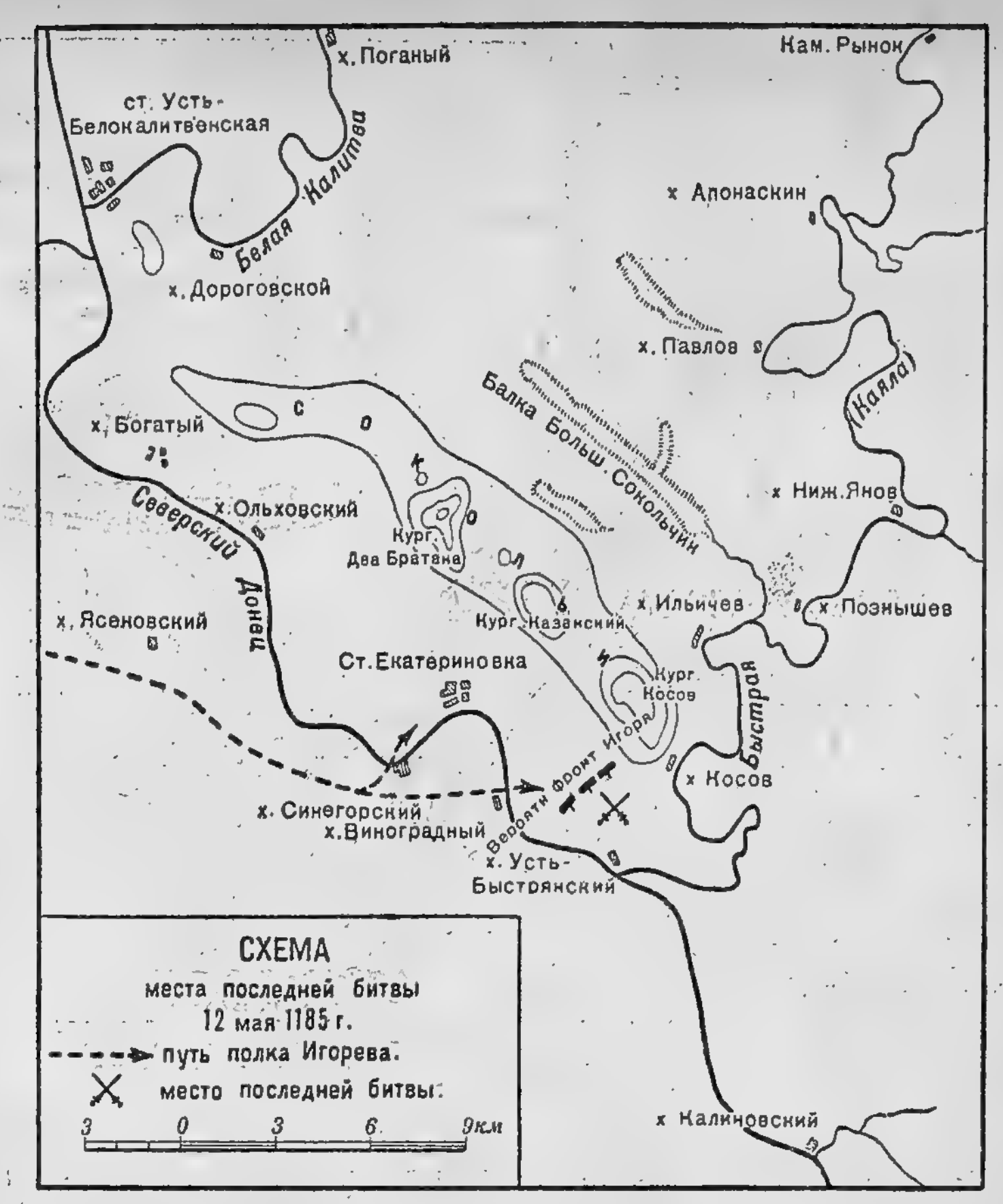


Схема № 5.

скольких местах свободно переходить с одного берега на другой[1] (схема № 5).

Следом за ними подошли к Донцу и русские. Они прежде всего, конечно, утолили жажду и напоили коней.

Временно наступила небольшая передышка для обеих сторон.

Вскоре после краткого отдыха черниговские ковуи, своим чутьем полукочевников ранее других понявшие безнадежное положение полка игорева, побуждаемые к тому же желанием пограбить богатые станы половецкие по Донцу, оставшиеся почти без охраны, самовольно потянулись вверх по Донцу. Это очень обеспокоило Игоря, так как значительно ослабляло его дружину. Он поскакал в погоню за ними. «Игорь же ...поиде к полку их, хотя возворотити».

Перед оставшейся частью игорева полка начали вырисовываться отдельные высоты так называемых Сокольих гор, высотою до 65 саженей над уровнем реки.

[1] Материалы для описания русских рек. Выпуск 6-й 1904 года указывает на ничтожную глубину воды на Синегорском и Виноградном перекатах, вблизи устья реки Быстрой, всего до 2—8 вершков. См. схему № 5.

«О русская земля н е [за] шеломянемь еси»,— пишет, надо полагать, именно об этом месте «Слово о полку Игореве». Это отрицание «н е» так и значится в первой редакции и, очевидно, стояло в подлинной, сгоревшей в 1812 году рукописи, что является антитезой первому упоминанию «Слова» в том месте, где говорится о переходе дружиной Игоря Донца у Изюмского кургана — шеломяня,— когда они были «за шеломянемь». Добавление во втором описании предлога «з а» могло быть случайно опущено, но самое отрицание осталось.

Обращение Игоря к ковуям, видимо, не имело успеха, и они продолжали уходить далее. Тогда, говорит Ипатьевская летопись, «уразумев, яко далече шел есть, погнаша опять к полком, сомя шлем (сняв шлем, закрывавший обыкновенно в бою лицо. — **В. А.**), того для что быша познаша князя и возворотишися». Но и последующее обращение не произвело, видимо, на иноплеменных ковуев должного воздействия, и они предпочли предоставить северские, черниговские и курские полки их собственной участи. «И тако не возвратися никто же, но токмо один Михалко

Гюргович (Юрьевич)», — командовавший, вероятно, одним из подразделений ковуев,— «познав князя, возворотися».

«И яко приближился Игорь к полком своим и переехаша поперек и ту яша (взяли в плен.— **В. А.**) един перестрел от полку своего». Так был захвачен в плен главный начальник русского полка. Пешая дружина осталась под командой доблестного Буй-Тура Всеволода. Все это происходило на левом берегу Донца, вблизи быстро текущей в скалистых берегах реки Каялы (что в переводе с татарского и означает реку быструю; это русское название реки Быстрой сохраняет до нашего времени последний большой левый приток Донца).

На трех- и одноверстных картах этой части Донбасса видны извилистые крутые берега реки Быстрой, которые порой совершенно почти замыкаются в отдельные старицы и озера. Эти озера сохранились до настоящего времени в среднем ее течении. Весьма вероятно, в более давние времена, они образовывали большие озера, называемые в XVII и XVIII столетиях, как значится на первых картах того времени, затонами или прямо-таки «морями» [1].

Далеко уйти от реки Донца пешая дружина Игоря, совершившая в течение 11 и 12 мая около 80 верст в конном строю и пешком, конечно, не могла. А из-за Сокольих гор и реки Быстрой (Каялы) продолжали наступать «аки борове» (леса) все новые и новые половецкие полчища, подошедшие на выручку своих сородичей.

Если раньше, когда половцы только ожидали подкрепления, они держались тактики «заманивания», то теперь они оставили эту лицемерную тактику. Наступала решительная, последняя битва с половцами. Пешая русская дружина, лишенная своего руководителя, попала в окружение конных половцев.

«С зарания до вечера, с вечера до света летять стрелы каленые, гремлют сабли о шеломы, трещат копия харалужные в поле незнаеме, среди земли половецкие,— пишет автор «Слова».— Черна земля под копыты костьми посеяна, а кровию польяна...»

Остатки полков игоревых, находившиеся в юговосточном направлении лицом к Каяле, не ожидая теперь уже ниоткуда помощи, решили дорого продать свою жизнь.

Ипатьевская летопись пишет: «Не мало от простых, или кто от отрок боярьских, добры бы вси бяхуть, идуще пеши и посреди их Всеволод, не мало мужества показа».

И дальше, после упоминания о состоянии плененного Игоря, видевшего с великой грустью постепенное окружение половцами остатков своего полка, летопись продолжает: «виде брата своего Всеволода, крепко борющася. Всеволод же так бившася, яко и оружья в руку его не доста и бьяху бо ся, идуще в круг при езере». Это озеро могло быть расположено на одном из последних крутых поворотов реки Быстрой (Каялы), недалеко от впадения ее в Донец, о чем можно судить при рассмотрении подробных карт..

«Бишася день (пятница 10 мая), бишася другой — (суббота), третьего дне к полудню (воскресенье) падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кровавого вины не доста; ту пир докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земле преклонилось... А Игорева храброго полка не кресити (не воскресить)», — заканчивает «Слово» описание похода полка игорева.

Ипатьевская же летопись так заключает свое повествование: «И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю на реце Каяле».

Всего с поля битвы ушло, по летописи, 15 мужей, а ковуев еще менее. Видимо, не помогла им измена. В общем же «не бяшеть бо лзе, ни бегаючи утечи, зане яко стенами сильными огорожени бяхуть полки половецкие».

По летописи, кающийся Игорь вспоминает затем свои грехи и кровопролитие при взятии Переяславля и других городов, когда он не жалел никого. Исходя из этого покаяния, комментаторы и исследователи «Слова», не найдя на картах реки Каялы, решили, что это была «река покаяния», нечто вроде берегов вавилонских.

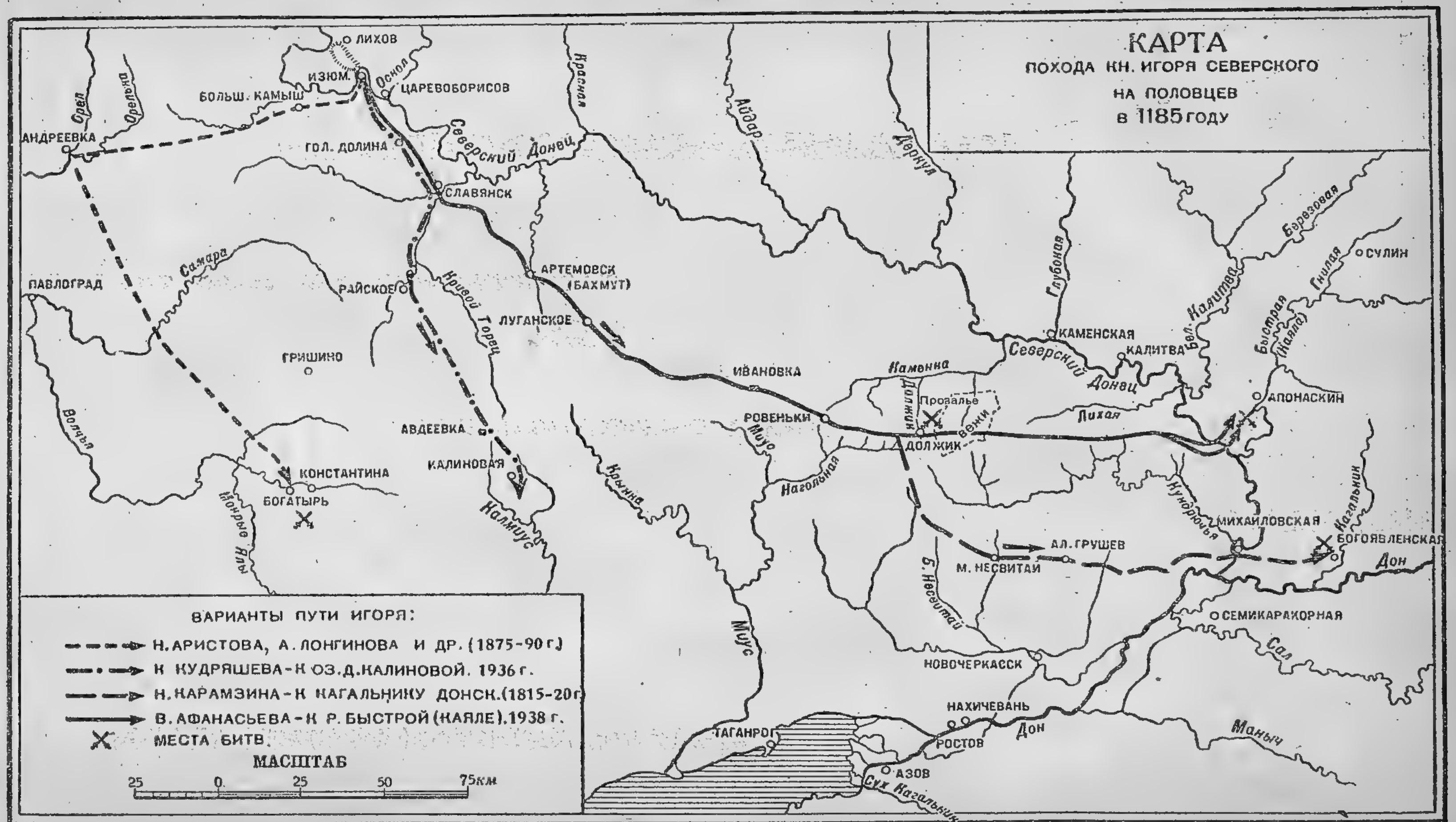
* * *

Таким образом, мы показали весь путь полка игорева от Донца у Изюма, через Сольницу — Тор, к Суутли-Должику и вежам на Провалье, к полю безводному — водоразделу южнее реки Лихой, и через Донец—к реке Быстрой—Каяле половецкой. Иначе этот путь никак не может уложиться в рамки времени и особенно в указанные летописями и «Словом о полку Игореве» дни — пятницу, субботу и воскресенье,— которые приходятся, по нашему мнению, на 10, 11 и 12 мая 1185 года.

Утверждение, что игорев полк пришел к рекам Кальмиусу, Мокрым Ялам, Кагальнику Донскому, которые должны представ-

---

[1] В первом русском атласе бассейна реки Дона, изданном в 1699 году в Амстердаме по указанию Петра I адмиралом Крюйсом, имеется в среднем его течении несколько таких «внутренних морей». (Выставка древней книги в Исторической библиотеке. 1939 г.)


КАРТА
ПОХОДА КН. ИГОРЯ СЕВЕРСКОГО
НА ПОЛОВЦЕВ
в 1185 году
ЛИХОВ
ИЗЮМ.
Оскол
ЦАРЕВОБОРИСОВ
БОЛЬШ. КАМЫШ
Орел
Орелька
АНДРЕЕВКА
ГОЛ. ДОЛИНА
Северский Донец
СЛАВЯНСК
Красная
Айдар
Деркул
Самара
ПАВЛОГРАД
РАЙСКОЕ
Кривой Торец
АРТЕМОВСК
(БАХМУТ)
ЛУГАНСКОЕ
ГРИШИНО
ИВАНОВКА
Каменка
Глубокая
КАМЕНСКАЯ
Северский Донец
КАЛИТВА
Кал. Калитва
Березовая
Гнилая
СУЛИН
Быстрая (Каяла)
АПОНАСКИН
Лихая
Волчья
АВДЕЕВКА
РОВЕНЬКИ
Миус
Прозалье
Должик
Верхний
КОНСТАНТИНА
КАЛИНОВАЯ
БОГАТЫРЬ
Конрые Ялы
Калмиус
Крынка
Нагольная
Нижний
Нижорочья
МИХАЙЛОВСКАЯ
Нагольник
БОГОЯВЛЕНСКАЯ
Дон
АЛ. ГРУШЕВ
М. НЕСВИТАЙ
Б. Несвитай
Миус
СЕМИКАРАКОРНАЯ
Сал
НОВОЧЕРКАСК
НАХИЧЕВАНЬ
Дон
Маныч
ТАГАНРОГ
РОСТОВ
АЗОВ
Сух. Нагольник
ВАРИАНТЫ ПУТИ ИГОРЯ:
Н. АРИСТОВА, А. ЛОНГИНОВА И ДР. (1875-90 г.)
К. КУДРЯШЕВА - К ОЗ. Д. КАЛИНОВОЙ. 1936 г.
Н. КАРАМЗИНА - К НАГАЛЬНИКУ ДОНСК. (1815-20 г.)
В. АФАНАСЬЕВА - К Р. БЫСТРОЙ (КАЯЛЕ). 1938 г.
МЕСТА БИТВ.
МАСШТАБ
25 0 25 50 75км

лять реку Каялу вместо предлагаемой нами реки Быстрой, не выдерживает критики. Оно опровергается нахождением половецких веж за рекой Должик-Суугли на Провалье и тем, что полк игорев двинулся затем по водоразделу на восток, в погоню за увлекающими их половцами. Троекратное указание Ипатьевской летописи, что «хотяхуть бо бьючеся дойти до реки Донца», никак не может быть оправдано при вариантах Н. Аристова, А. Лонгинова и К. Кудряшова. С конечных пунктов их вариантов Донца, пожалуй, не увидишь и с аэроплана.

Карамзинский вариант, с уклонением от предложенной трассы к югу, не может соответствовать действительности по времени, так как примерное расстояние от места первой битвы на реке Суугли-Должик до нижнего Донца и реки Кагальника Донского вместо 75—80 верст, по моему варианту, увеличивается примерно до 120 верст. Преодолеть это в один день — субботу 11 мая и утро следующего дня,— находясь в половецком окружении, при вынужденном спешивании игорева полка, было, конечно, невозможно. Тем более отпадают варианты его последователей, как, например П. Семенова-Тяньшанского [1], протянувшего поход Игоря через Дон, где-то в нижнем течении к реке Кагальнику Сухому, впадающему уже в Азовское море, там, где позднейшие железнодорожные строители устроили даже и станцию Каялу.

Шестикратное упоминание Каялы в «Слове о полку Игореве», указание Ипатьевской летописи, что последнее поражение и гибель полка игорева произошли именно на реке Каяле, обязывали, казалось бы, исследователей приложить известные усилия к выяснению ее местонахождения.

Посмотрим, как последовательно приводится упоминание о Каяле в «Слове о полку Игореве»: 1) Еще утром в субботу, когда «кровавые зори свет поведают», автор предупреждает, что будущий гром великий, туча стрел и треск сабель произойдут на реке Каяле; 2) «На брезе быстрой Каялы» после поражения всего полка разлучаются надолго Игорь со Всеволодом; 3) в плаче певца, сравнивающего подвиги Святослава Киевского, укоризненно говорится, «что Игорь погрузил жир на дне Каялы»; 4) при об'яснении боярам смутного сна Святослава — великого князя Киевского — говорится, что «тьма свет покрыла на реце на Каяле»; 5) в непревзойденном изображении плача Ярославны опять-таки точно указывается, что «омочу бебрян рукав в Каяле-реце и утру князю кровавые его раны»; 6) фраза «с тоя же Каялы Святополк полелея отца своего между угорьскими иноходцами ко святей Софии к Киеву» расшифровывается нами как упоминание о реке Каяле — Кагальнике Днепровском [2],—около Кременчуга, недалеко от реки Псела, где, вероятно, и погиб Тугорткан половецкий, тесть Святополков, при походе 1096 года [3].

Непосредственный участник похода полка игорева автор «Слова» не мог бы, конечно, пять раз упоминать реку Каялу как место гибели игоревой дружины, если бы она действительно не существовала. Ведь тем-то и отличается «Слово о полку Игореве» от «Песни о Роланде» или «Витязя в тигровой шкуре», произведений почти современных друг другу и равновеликих, что «Слово о полку Игореве» повествует о действительных лицах и событиях, в точно указанных местах.

Перейдем теперь к краткому рассмотрению рокового для русских междуречья рек Белая Калитва—Быстрая, куда была умышленно завлечена половцами дружина Игоря. Междуречье это, вообще недоступное тогда для русских, своего рода запрещенная зона, по всей вероятности, включало в себя внутренние соединительные пути между так называемой Изюмской сакмой и Ногайской дорогой. Преграждаемое невдалеке от Донца невысокой цепью Сокольих гор, оно давало возможность под двойным прикрытием: реки Донца и указанного ряда вершин—сосредоточить незаметно значительные силы половцев, которые затем и обрушились на втянутого туда противника.

Некоторые из расположенных здесь хуторов до сих пор носят названия, сохранившиеся, вероятно, от далеких времен кочевников, а может быть, и половцев. Таковы, например, хутор Поганый на реке Белой Калитве или хутор Кашеев на реке Быстрой и др. Слово «кащей» означает в переводе пленник; здесь, должно быть, половцы и другие кочевники собирали и выводили затем на продажу пленников. «В «Слове о полку Игореве» говорится, как после «сидевой рати, о которой ранее не слышано», Игорь Северский

«Из седла раззолоченого
пересел в седло Кашеево».

Поход игоревой дружины, увековеченный в гениальном творении неизвестного певца, навсегда останется в памяти народов СССР.

---

[1] «Живописная Россия». Т. XIV, стр. 881—896. 1910 год.

[2] Это название Кагальник сохранялось еще в середине XVIII века, как то показано на рукописных картах Днепра, хранящихся в Ленинградской публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[3] Древнерусские летописи, стр. 93. М. 1936 (Начальная летопись).

А. Могилевич

НА ПУТЯХ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Полвека потребовалось капитализму для подготовки первой мировой империалистской войны.

Однако было бы неправильным думать, что это пятидесятилетие представляло длительную «мирную эпоху» капиталистического развития. «В течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения» [1].

Период перед войной 1914 года представляет собой картину самой разнузданной, самой ожесточенной, непрерывной империалистической борьбы. Эта борьба с каждым годом углублялась, расширялась и вела человечество к мировой катастрофе.

В вышедших недавно ленинских «Тетрадях по империализму» помещена исключительная по своей выразительности таблица «Главнейших кризисов в международной политике великих держав после 1870—1871 годов» [2], в которой Ленин наглядно, шаг за шагом показывает этапы раздела мира между империалистическими хищниками, «вехи» подготовки войны 1914—1918 годов.

В этой небольшой сводке, построенной на основе огромнейшего фактического материала, тщательно изученного и критически переработанного, Ленин вскрывает узлы империалистических противоречий, срывает маски с буржуазной дипломатии, подвергает убийственной критике хитроумные сплетения договоров «перестраховки», «гарантий», «независимости», показывая во всей отвратительной наготе грабительскую, захватническую политику империализма. Приведем важнейшие даты этой таблицы:

«1877—1878 гг. **Россия**, Англия и Австрия грабят («делят») **Турцию.**

1885 г. Россия на волосок от войны с Англией.

Грабят («делят») **Среднюю Азию** (**Россия** и Англия).

1889 г. Грабеж островов Самоа (совместно с Англией, Германией и Соединенными Штатами).

10 января 1891 г. Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делят») Африку.

1895 г. Китайско-японская война. Грабят («делят») **Китай** (Япония + **Россия** + Англия + Германия + Франция).

1898 г. Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») **Африку».**

Испано-американская война. (Грабят Кубу и Филиппины).

Англия ведет переговоры с Германией о союзе против России (не сторговались).

Договор Англии и Германии: делят колонии Португалии («на случай» ее финансовой несостоятельности)...

1900 г. Душат Китай все вместе: Германия + Россия + Соединенные Штаты + Япония + Англия + Франция.

1903 г. Выколачивают долги из Венецуэлы (бомбардировкой): Германия + Англия + Италия.

1904 г. Договор Англии с Францией (8 апреля) — делят Африку (готовятся к войне с Германией).

1904—1905 гг. Русско-японская война. Грабят («делят») **Китай** и **Корею** (**Россия** и Япония).

1905 г. Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») **Марокко.**

1907 г. Договор России с Англией (31 августа): делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией).

1910 г. (июль) Россия и Япония заключают договор: «обмен» Кореи на Монголию!

1911 г. Договор России с Германией (19 августа): «Перестраховка» тоже своего рода (Багдад за Персию).

Договор Англии с Японией (Англия нейтральна в случае войны Японии с Соединенными Штатами)...

Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») **Марокко. Обменивают** Марокко на Конго».

Ленинская таблица прерывается 1911 годом. Но, как известно, за трехлетие, с 1911 по 1914 год, происходили острые конфликты и велись «малые» войны (итало-турецкая, первая балканская, вторая балканская), которые явились прологом большой мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Так выглядела в действительности «мирная политика» перед войной 1914 года.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 197.

[2] В. И. Ленин «Тетради по империализму», стр. 619. Госполитиздат. 1939.

«В Европе господствовал мир, но он держался потому, что господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которых мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов» [1].

Первая мировая империалистическая война неуклонно и неизбежно вытекала из всей системы экономики и политики империализма. К началу XX века монополия, сменившая свободную конкуренцию, достигла гигантских размеров. Весь земной шар оказался поделенным крупнейшими капиталистическими группами не только в отношении различных источников сырья, но и в отношении колоний. «Из этого раздела всей земли, из этого господства капиталистической монополии, из этого всевластия ничтожного числа крупнейших банков, — двух, трех, четырех, пяти на государство, не более, — выросла с неизбежностью первая империалистская война 1914—18 годов» [2], — писал Ленин.

Возникновение войны 1914—1918 годов было предопределено законом неравномерного развития капитализма и усиления этой неравномерности в эпоху империализма, законом, открытым и обоснованным Лениным и развитым дальше товарищем Сталиным. В силу этого закона экономическое и политическое развитие капиталистических стран в эпоху империализма происходит скачкообразно. «При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью» [3], — отмечает товарищ Сталин.

Появление на мировой арене такой крупной капиталистической державы, как Германия, внесло сильное изменение в международную обстановку. Уже в 80-х годах устремления Германии были направлены к захвату колоний, но всюду ее империалистическая экспансия наталкивалась на Англию. Противоречия между двумя хищниками, впервые столкнувшимися лицом к лицу на арене борьбы за передел мира, усиливались и обострялись. Одним из важнейших проявлений англо-германских противоречий было соперничество в борьбе за преобладание на море. Об этом свидетельствует сделанное в 1908 году, во время ревельского свидания Николая II с Эдуардом VII, заявление английского министра иностранных дел Гардинга русскому министру иностранных дел Извольскому. «Нельзя, — сказал Гардинг, — закрывать глаза на то, что если Германия будет продолжать увеличивать свои морские вооружения тем же напряженным, ускоренным темпом, то через 6—7 лет в Европе может создаться чрезвычайно тревожное и напряженное положение» [4].

Германские империалисты устами морского министра Тирпица заявляли: «К мировому могуществу, кроме постройки флота, для нас иного пути не существовало... Морская сила была естественной и необходимой функцией нашего народного хозяйства, которое в смысле мирового влияния спорило из-за первенства с Англией и Америкой, а все остальные народы уже опередило. Подобное положение таит в себе опасность; оно становится невыносимым, если налицо не имеется внушительной морской силы, которая делает для конкурента рискованной всякую попытку поразить насмерть своего преуспевающего соперника» [5].

Планы германского империализма вызвали тревогу в правящих кругах Англии, которая не желала уступать Германии уже ранее занятое ею место «под солнцем».

Империалистические государства планомерно готовились к схватке.

Важнейшей составной частью в подготовке империалистических войн являются так называемые «войны в потемках», или «тайные войны», которые ведутся империалистами уже в мирное время путем шпионажа, диверсий, вредительства и террора. Капиталистические правительства расходуют огромные средства военного бюджета для насаждения шпионских и диверсионных агентур в странах, против которых они подготовляют войну. «Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь» [6], — указывает товарищ Сталин.

Приемы и методы, применяемые империалистическими государствами, необходи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 334.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 332.
[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 82.
[4] British documents 1898—1914. Т. V, стр. 245.
[5] Тирпиц «Из воспоминаний», стр. 77. 1925.
[6] И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 10. Партиздат, 1937.

мо знать и помнить, ибо без этого нельзя будет понять, как возникла первая мировая империалистическая война.

«Действительная политика обеих групп величайших капиталистических гигантов— Англии и Германии, которые со своими союзниками двинулись друг против друга,—эта политика за целый ряд десятилетий до войны должна быть изучена и понята в ее целом, — писал Ленин.— Если бы мы этого не сделали, мы не только бы забыли основное требование научного социализма и всякой общественной науки вообще,— мы лишили бы себя возможности понять что бы то ни было в современной войне» [1].

Всего четверть века отделяет нас от этой чудовищной катастрофы, обнажившей все противоречия капитализма, его жадность и преступность, а также лакейство и предательство оппортунистов всех стран и всех мастей из лагеря II интернационала, прикрывавших империалистический грабеж и называвших империалистскую войну «освободительной», «гуманной» и «последней».

Во время кровавой бойни 1914—1918 годов было истреблено больше чем за все предыдущие войны начиная с 1790 года, т. е. за 125 лет. Эта война унесла 10 миллионов человеческих жизней, миллионы людей были искалечены и выброшены из жизни, истрачены были сотни миллиардов рублей, разорены села, деревни, города, созданные десятилетиями огромного человеческого труда.

Победительницей в мировой войне 1914—1918 годов оказалась Антанта. Германский империализм со своими союзниками был разгромлен. Однако противоречия в лагере империалистов после мировой империалистской бойни не были ликвидированы. Наоборот, к старым противоречиям прибавилось множество новых, еще более острых, еще более непримиримых. Волчьим законом жизни империалистов попрежнему является война. В войне буржуазия видит «нормальное состояние человечества».

* * *

Учение марксизма-ленинизма состоит в том, чтобы при подходе к анализу общественных явлений «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь... Чтобы правильно подойти... ко всякому вопросу... можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом» [2].

Это указание Ленина, разумеется, относится и к вопросу об изучении первой мировой империалистической войны.

Мы знаем, что первая империалистская война не была простой случайностью и неожиданностью: «Война есть продолжение политики иными (именно насильственными) средствами».

Партия большевиков и ее вожди Ленин и Сталин с гениальной прозорливостью вскрыли империалистический, грабительский характер войны 1914—1918 годов и ее основное историческое значение, заключающееся в том, что война и ее последствия положили начало общему кризису капитализма.

«Война,— писал Ленин,— не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [3].

Указывая на войну 1914—1918 годов как на войну грабительскую, разбойничью, захватническую, войну за передел мира, Ленин и Сталин подчеркивали, что она является «неизбежной ступенью капитализма», впротивовес социал-предательской болтовне о войне и мире «вообще».

Ленин говорил, что «империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка...» [4].

Ленин и Сталин предвидели обострение противоречий в лагере империалистов. Ленин указывал на то, как будут в дальнейшем складываться отношения между Англией и Францией: «С одной стороны, Англия с Францией находятся в Лиге наций и обязаны действовать вместе, с другой стороны, при всяком обострении, они вместе не действуют» [5].

И действительно, разногласия между Англией и Францией начались сразу же после Версаля. В то время как Франция требовала от Германии уплаты 6 миллиардов 600 миллионов фунтов стерлингов репараций, Англия, боясь усиления Франции, выдвинула свой старый, испытанный политический лозунг «равновесия сил» («balance of power»), требуя скорейшего восстановления прежней хозяйственной мощи Германии.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 335.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 364, 365.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 70.

[4] Там же, стр. 71.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 13.

На протяжении всего послевоенного периода противоречия в лагере империалистов неуклонно обострялись и достигли особой остроты в период мирового экономического кризиса в капиталистических странах (1929—1933 годы).

С приходом фашизма к власти в Германии в 1933 году противоречия между империалистическими державами еще больше обострились и усилились. Капиталистический мир стал вползать во вторую империалистическую войну, разжигаемую фашистскими странами: Германией, Италией и Японией.

На XVII партийном с'езде товарищ Сталин говорил: «Выход Германии из Лиги наций и призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе... Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне» [1].

Современная международная обстановка с каждым новым днем приобретает все более тревожный и зловещий характер.

«Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима» [2].

Вторая империалистическая война подготовлялась на протяжении многих лет борьбой империалистических стран за новый передел мира. Со времени мировой империалистической войны вооруженные конфликты не прекращались. Уже в середине 1918 года, накануне версальского мира, начались контрреволюционные войны капиталистических держав против Страны советов (оккупация Германией Советской Украины, три похода Антанты). В 1929 году произошло нападение китайских милитаристов на КВЖД, а в 1938 году — провокация японской военщины в районе озера Хасан.

Не прекратились также и так называемые малые войны между капиталистическими государствами. Отметим наиболее важные и крупные из них: интервенцию Антанты, Чехо-Словакии и Румынии против Венгерской советской республики в 1919 году, греко-турецкую войну в 1918—1922 годах, войну Испании против риффов в Северной Африке, длившуюся 8 лет, с 1919 по 1926 год, войну французского империализма в Марокко с 1929 по 1932 год, войну итальянского фашизма против абиссинского народа в 1935—1936 годах, войну между Боливией и Парагваем в 1928 году, интервенцию США в Никарагуа с 1928 по 1932 год, войну между Перу и Колумбией в 1932—1933 годах, вторую войну между Боливией и Парагваем в 1932—1934 годах, английскую колониальную войну в Бирме и Северозападной Индии в 1930—1931 годах, непрекращающиеся генеральские войны в Китае, вдохновляемые империалистическими странами, интервенцию империалистических держав в Китае в 1925—1927 годах, войну Японии против Китая в 1931 году, закончившуюся захватом Манчжурии, захват Японией Жэхэ и Чахара в 1933 году, и т. д., и т. п.

В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании. В 1937 году Япония вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, осенью 1938 года — Судетскую область Чехо-Словакии, весною 1939 года оккупировала всю Чехо-Словакию и присоединила ее к Германии, затем захватила Клайпеду, а Италия оккупировала Албанию.

Каждый день приносит все новые и новые факты империалистической агрессии фашистского блока Рим—Берлин—Токио.

В своем всемирноисторическом докладе на XVIII партийном с'езде ВКП(б) товарищ Сталин, дав непревзойденный по глубине марксистско-ленинский анализ современного международного положения в период нового экономического кризиса в капиталистических странах, крушения послевоенной системы мирных договоров и начала новой империалистической войны, указал, что «новый экономический кризис должен привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияний, колоний путем военных действий» [3].

* * *

В создавшейся международной обстановке особо актуальный интерес приобретает советская публикация документов «Между-

[1] И. Сталин «Отчетный доклад на XVII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б)», стр. 10.

[2] И. Сталин «Отчетный доклад на XVIII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б)», стр. 5.

[3] Там же, стр. 9.

народные отношения в эпоху империализма»[1], которые вскрывают закулисные махинации буржуазных правительств в период подготовки первой мировой империалистической войны и помогают трудящимся массам уяснить обстановку уже начавшейся второй империалистической войны и разоблачить ее зачинщиков. Нынешние буржуазные правительства широко применяют испытанные средства тайной дипломатии довоенного империализма, воскрешают его агрессивные планы в чудовищных размерах. Особенную активность в этой области проявляют фашистские государства. Широкие агрессивные планы Гитлера, Муссолини и японской военщины не являются чем-то новым. Они вынашивались десятилетиями и являются дальнейшим развитием тех империалистических замыслов, с которыми вступили в первую мировую империалистическую бойню воинственные хищники Германии, Италии и Японии.

Пресловутая программа экспансии германского фашизма на восток является воспроизведением довоенной германской империалистической программы «Drang nach Osten» («Движения на Восток») и Mittel-Europa (Срединной Европы). Нынешние притязания итальянского фашизма на установление своего господства на всем Средиземном море представляют собой попытку осуществить давнишние замыслы итальянских империалистов.

Идейным предшественником германского фашизма являлся «Пангерманский союз» («Allgemeiner Deutscher Verband»), созданный в 80-х годах XIX века, который являлся выражением национал-шовинистских стремлений германской буржуазии. Этот союз ставил перед собой задачи огромного увеличения вооружений, главным образом морских, захвата Австрии и других соседних с Германией малых стран.

«Этой цели, — писал в своей записке в 1900 году секретарь русского посольства в Берлине Фан-дер-Флит, — должны были служить... новые рельсовые пути, идущие через Альпы на Триест, и соединение рек Рейна, Майна, Эльбы, Одера и Дуная в одну обширную водяную систему с привлечением к таможенному союзу соседних государств: Голландии, Бельгии, Швейцарии... Румынии... главной же заботой остается польский вопрос...»[2].

Таковы планы, которые были разработаны германским империализмом уже задолго до начала первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов. С этими планами германские империалисты начали новую мировую бойню. Но, как известно, эти планы не были осуществлены, так как Германия в первой мировой войне была разбита. Сегодня эти планы германского империализма воскрешаются германским фашизмом и осуществляются «осью Берлин—Рим—Токио».

Буржуазные пацифисты, так же как и буржуазная дипломатия всех империалистических держав, оправдывают политику грабежа и удушения народов, прикрашивая империалистскую скверну флером добреньких и сладеньких фраз, скрывая от широких народных масс правду о том, «что империалистская война 1914—17 годов есть продолжение империалистской политики 1898—1914 годов, если не еще более раннего периода...»[3].

* * *

С первых же дней своего существования советское правительство и партия большевиков приступили к разоблачению тайной дипломатии, которая привела человечество к мировой империалистической войне 1914 года.

Ленин в своих исторических «Письмах из далека», намечая программу советской власти в области внешней политики, писал: «Чтобы добиться мира... надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам...». Ленин считал необходимым, чтобы: «1) Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов... заявил бы тотчас, что никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств он не связан.

2) Он опубликовал бы тотчас все эти договоры, чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и всех без исключения буржуазных правительств»[4].

Тотчас после победы Великой Октябрьской социалистической революции советское правительство приступило к опубликованию тайных договоров. Советская публикация тайных договоров была первой правдивой и точной, документальной публикацией, которую когда-либо видел мир.

---

[1] «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия 2-я. 1900—1913. Т. XVIII. Части 1 и 2-я. Госполитиздат. 1938.

[2] «Gross Deutschland in Mittel-Europa um das Jahr 1950».

[3] Ленинский сборник II, стр. 312.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 44.

«Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается,— писал Ленин,—...надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе»[1].

Советские публикации документов из архивов царского и Временного правительств вызвали бурю негодования в правящих кругах Европы и США и огромный интерес среди широких народных масс и передовой интеллигенции. Каждый опубликованный документ разоблачал империалистическую политику не только царской России, но и всех других буржуазных правительств.

«Эти разоблачения,— говорил Ленин,— еще не кончились. Мы их начали тем, что напечатали тайные договоры, и весь мир увидел, из-за чего погибли миллионы жизней, миллионы жертв... Эти разоблачения идут теперь глубже, и им не будет конца. Благодаря этому, рабочие и крестьяне каждой страны все больше и больше чувствуют правду и уже разбираются, из-за чего была империалистская война»[2].

Публикация документов «Международные отношения в эпоху империализма» вскрывает подлинных виновников войны и с предельной ясностью подтверждает глубокое сталинское положение о том, что «Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма». «Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат,— указал товарищ Сталин.— ...Царская Россия была величайшим резервом западного империализма... царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе... царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»[3].

Публикация дипломатических документов — дело не новое: буржуазные правительства в своих интересах широко прибегали еще до войны 1914 — 1918 годов и в ее начале к изданию всевозможных «цветных» («белых», «синих», «оранжевых» и т. п.) книг. Однако все эти публикации искажали и искажают до неузнаваемости истинные замыслы империалистических заправил, сознательно подтасовывая факты, фальсифицируя документы, причем каждая из сторон всячески пыталась выгородить себя и свалить всю вину на другую. Так например царские «оранжевые книги» по балканским делам и другие публикации составлялись таким образом, что на подлинных документах рукой российского министра иностранных дел Сазонова и его помощника Нератова тщательно вычеркивалось все то, что могло бы пролить хотя бы малейший свет на империалистическую политику России. К подобного же рода приемам прибегали и заграницей. Достаточно указать, что из 159 документов, опубликованных в английской «синей книге» в начале августа 1914 года, более 100 было приведено со значительными искажениями. А известная германская «белая книга» вошла в историю под метким названием «книги лжи».

Перед лицом единственно научно-об'ективных советских публикаций, проливающих яркий свет на тайну, в которой рождались империалистические войны, буржуазные правительства вынуждены были частично приоткрыть свои архивы и издать публикации, посвященные подготовке войны. На первый взгляд эти многотомные и хорошо оформленные публикации: германские[4], австрийские[5], британские[6], французские[7] и т. п. — производят солидное впечатление. Однако при внимательном анализе нетрудно убедиться во всей их неполноте и тенденциозности.

Германские и британские публикации, например, изложены не в хронологическом подборе, а в тематическом разрезе, и это создает благоприятную почву для тщательного просеивания документов и предвзятой их обработки. Многие важнейшие документы, которые изобличают империалистов, совершенно не публикуются. Ряд вопросов выпущен и искажен. И это вполне естественно. Не в интересах буржуазии и ее дипломатии показывать массам истинных виновников войны и ту реальную обстановку, ту «дипломатическую кухню», в которой война рождается.

Одним из наиболее ярких примеров того, как империалисты фальсифицируют в своих интересах историю и вводят в заблуждение народные массы, может служить освещение в германских публикациях «Die Grosse Politik» факта посылки в ноябре

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 372.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 52.
[3] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 4—5.

[4] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914».
[5] «Osterreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegs ausbruch 1914».
[6] «British Documents on the Origins of the War 1898—1914».
[7] «Documents Diplomatiques Français (1871—1914)».

1913 года германской военной миссии в Константинополь во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. По версии германских публикаторов, инициатива отправки военной миссии в Константинополь исходила не от Германии, а от турецкого правительства, которое якобы настойчиво домогалось военной помощи от Германии. Любопытно, что все документы подобраны германскими империалистами таким образом, чтобы оправдать эту точку зрения.

На самом же деле положение вещей выглядело совершенно по-другому. Документы по этому вопросу, извлеченные из секретного архива царского правительства, с неопровержимой ясностью свидетельствуют о том, что не Турция, а Германия добивалась отправки миссии Лимана с целью укрепления своих позиций в проливах на случай будущей войны и что командировка Лимана была обсуждена и лично утверждена еще в апреле 1913 года Вильгельмом, давшим германскому послу в Турции Вангенгейму директиву склонить всеми способами турецкое правительство.

Не менее интересен факт искажения германскими и австрийскими публикациями исторических событий, связанных со второй балканской войной 1913 года.

В этих публикациях факты подтасованы таким образом, чтобы свалить вину на Россию за развязывание войны Болгарии против Сербии и Греции.

Документы по второй балканской войне, имеющиеся в распоряжении Комиссии, неопровержимо свидетельствуют о том, что вторую балканскую войну развязала именно Австро-Венгрия при поддержке Германии, а Россия в той конкретной обстановке не желала войны между союзниками. Происходило это вовсе не потому, что Россия была миролюбивой державой, а потому, что, с одной стороны, распад созданного ею Балканского союза и отход Болгарии в лоно австро-германской ориентации не отвечал интересам русских империалистов, стремившихся ко всемерному укреплению балканского блока, направленного своим острием против Германии и Австро-Венгрии; с другой — Россия не была подготовлена к мировой войне, которая, как это прекрасно понимали руководители российской политики, могла вспыхнуть из-за драки балканских союзников.

* * *

Советская публикация «Международные отношения в эпоху империализма» подразделяется на три серии:

первая серия (1878 — 1899 годы) — «Окончание территориального раздела мира»;

вторая серия (1900 — 1913 годы) — «Подготовка мировой войны за передел поделенного мира»;

третья серия (1914 — 1917 годы) — «Первая мировая империалистская война».

Каждая серия имеет свое самостоятельное исчисление томов.

Комиссия по изданию документов эпохи империализма начала свою работу с опубликования материалов, освещающих период первой мировой империалистической войны. Уже подготовлены и выпущены в свет 10 томов в 13 книгах, охватывающих период с 14 января 1914 года по 13 апреля 1916 года (нового стиля).

Продолжая изучение материалов (с апреля 1916 года по 7 ноября 1917 года), Комиссия в 1938 году одновременно приступила к изучению и опубликованию материалов, включенных во в т о р у ю (предвоенную) серию издания «Международные отношения в эпоху империализма». Вторая серия открывается XVIII томом, охватывающим период с 14 мая по 13 ноября 1911 года.

Одной из центральных проблем, освещенных в XVIII томе, являются франко-германские противоречия.

Как известно, между Англией, Францией и Германией в течение ряда лет шла ожесточенная борьба из-за Марокко. Соперничество этих держав за влияние в Африке являлось причиной острой англо-французской вражды (1882—1901 гг.) и непримиримой борьбы Англии и Франции против германского проникновения в Африку (1903—1914 гг.). Вот почему уже с конца XIX века время от времени возникает так называемый марокканский вопрос. В 1911 году марокканский кризис грозил вылиться в общеевропейскую войну в связи с появлением у берегов Марокко германской канонерки «Panther».

В результате заключения тайных и открытых договоров между Англией, Францией, Испанией и Италией Германия оказалась устраненной от участия в дележе Южной и Северной Африки. Англия получила Египет, Франция и отчасти Испания — Марокко.

Германский империализм настаивал на своих притязаниях в Марокко, в этой важной части африканского материка, богатой не только ископаемыми—железными и медными рудами,—но и расположенной близ скрещения двух великих стратегических и торговых путей: средиземноморского—от Гибралтара к Суэцу—и атлантического — от Гамбурга, Антверпена, Лондона и т. д. к Капштадту.

Германия стремилась захватить новые колонии, но этого решительно не желали допустить ни Франция, стремившаяся овладеть всем Марокко, за исключением той ее части, которая была уступлена Испа-

нии, ни Англия, боявшаяся проникновения своего конкурента на северное побережье Африки. Неоднократные попытки германского империализма (в 1905, 1908, 1909 и, наконец, в 1911 годах) захватить колонии в Северозападной Африке наталкивались на об'единенное сопротивление англо-французского империализма.

В 1909 году было заключено франко-германское соглашение о Марокко, но уже в конце этого года возникли новые разногласия, которые к 1911 году достигли своего кульминационного пункта и вызвали международный кризис 1911 года, послуживший толчком к развязыванию первой мировой империалистической войны 1914 года.

Военно-политические и экономические мероприятия французского правительства в Марокко вызвали волнения среди местного населения. Брожение в Марокко дало повод французам к дальнейшему расширению своей власти в стране. Полученный марокканским султаном Мулай-Гафидом заем поставил его почти в полную зависимость от французов. Расширение политического и военного контроля в Марокко вызвало массовое недовольство французским режимом. Публичная казнь в марте 1911 года двух марокканских солдат, обвиненных в дезертирстве, послужила сигналом к восстанию в Феце (главный город северной части французской зоны Марокко, политический и экономический центр страны). Убийство капитана Маршана дало повод французам к оккупации Раббата, отправлению карательной экспедиции в округ Шауна и, под предлогом освобождения европейцев, посылке воинских частей в Фец.

Мероприятия французского правительства в Марокко породили недовольство со стороны Германии.

Германия была крайне заинтересована в выяснении позиции, которую займет Англия в вопросе о Марокко. С этой целью германский посол граф Меттерних спросил Эдуарда Грея: «Какова нынешняя позиция Англии в вопросе о Марокко, и что думает лондонский кабинет о продвижении французов на Фец?» На этот вопрос Грей ответил послу вполне откровенно, что «соглашения, заключенные между Англией и Францией, налагают на Англию обязательства поддерживать Францию, что английское правительство считает к тому же, что Франция, в силу своих соглашений, не только имеет право, но и обязана охранять французские и английские интересы в Марокко, что, по мнению английского правительства, вмешательство Франции считается вполне уместным и полезным для всех».

Граф Меттерних, не решаясь оспаривать высказанную Греем точку зрения, спросил, какова будет позиция Англии на тот случай, если оккупация затянется. Грей еще раз подтвердил, что «даже и в этом случае позиция Англии не могла бы измениться». В третий раз Грей еще тверже заявил Меттерниху, что «Англия при всех обстоятельствах останется верной своим соглашениям с Францией».

Однако Германия продолжала строить свои расчеты на нейтралитете Англии и выжидала удобного момента, чтобы утвердиться на марокканском побережье.

1 июля 1911 года Германия выслала к марокканским берегам канонерку «Пантера». Германский посол фон Шен уже после ухода канонерки уведомил французское министерство иностранных дел о решении германского правительства «отправить в марокканский порт Агадир канонерку». Отправка «Пантеры» была якобы вызвана, согласно излюбленной мотивировке агрессоров, «необходимостью» охраны интересов германских торговцев.

Было ясно, что причины все более настойчивых выступлений германского империализма лежат гораздо глубже чем официальное заявление «о защите» интересов каких-то немецких торговцев.

Спустя два дня, 3 июля, Германия официально заявила, что «судно уйдет (из Агадира), как только будут отозваны французские и испанские войска». Одновременно германское правительство из'явило готовность вступить в новые переговоры с Францией, Испанией и английским правительством по вопросу о Марокко.

Так германские империалисты нашли новый предлог для захвата марокканской гавани ввиде залога для дальнейшего империалистского торга.

5 июля российский посол в Берлине Остен-Сакен сообщал, что германскому послу в Петербурге Пурталесу даны инструкции, из которых видно, что «главной целью неожиданного шага Германии является желание, чтобы дальнейшая судьба марокканского вопроса была решена непосредственными переговорами между наиболее заинтересованными державами, т. е. Францией, Испанией и Германией» (т. XVIII, ч. 1-я, стр. 170, примечание 1-е).

Одновременно Германия предпринимала шаги к тому, чтобы заручиться поддержкой со стороны России. 5 июля германский посол в Петербурге Пурталес заявил, что германское правительство рассчитывает на содействие России для благополучного разрешения переговоров, на что Нератов ему ответил, что Россия «как участник алжесирасского акта и союзник Франции принимает к сведению заявление Пурталеса об отсутствии политического харак-

тера у принятой меры, вызванной только временными обстоятельствами» (стр. 181).

Англия в это время пристально следила за развитием событий. Она боялась, как бы Франция не договорилась с Германией за ее спиной. Грей также не хотел, чтобы вопрос решался на международной конференции, а стремился к тому, чтобы возникший конфликт был решен только между Германией, Францией, Испанией и Англией как наиболее заинтересованными державами в Марокко.

Когда в Германии убедились, что в марокканском вопросе Англия отстаивает интересы Франции, стало ясно, что игра проиграна. Германский империализм вынужден был на сей раз отступить и начал «торговаться» о компенсации в другом месте.

Решение Германии отступить в марокканском вопросе вызвало удовлетворение в Лондоне. Английский премьер-министр Асквит заявил в парламенте, что «лондонский кабинет считает себя заинтересованным во всяком соглашении между Францией и Германией по поводу самого Марокко, но что он не будет возражать против соглашения относительно полосы на западном побережье Африки за пределами Марокко» (стр. 270).

В связи с этим франко-германские переговоры, принявшие характер циничного торгашества, затянулись. Это обстоятельство снова вызвало в английских кругах тревогу.

Известно, что германские империалисты еще в 1911 году ставили своей задачей создание обширной африканской империи, от Атлантического до Индийского океана. В осуществление этих планов представитель Германии Кидерлен потребовал от французов уступки Германии всего Конго. В беседе с царским послом в Лондоне Бенкендорфом Грей заявил, что он «не вполне доволен берлинскими переговорами. Они затягиваются, и эта странная задержка мне не нравится». В Лондоне беспокоились о том, что думают в Берлине об эвентуальной позиции России. Не скрывая своих мыслей, Грей прямо спросил у Бенкендорфа: «Что вы будете делать в случае осложнений?» На это Бенкендорф ему ответил, что «франко-русский договор о союзе полностью сохраняет свою силу, что война была бы, конечно, ужасным несчастьем для России», но лично он не сомневается в том, что условия договора будут точно соблюдены. Тогда Грей открыл карты, заявив Бенкендорфу: «Я вам скажу, почему я считаю, что это важно знать. В случае войны между Германией и Францией Англия никак не может остаться в стороне. Если эта война повлечет за собой войну с Россией, она вызовет также и выступление Австрии, которая не имеет ни малейшего желания вмешиваться, но которая будет к этому вынуждена обстоятельствами. Нет никаких сомнений в том, что в таком случае положение в Албании обострится. Это — не борьба между Францией и Германией, это—всеобщая война» (стр. 325).

В кризисные дни 1911 года Франция была обеспокоена вопросом о том, окажет ли Англия и в какой степени вооруженное содействие в случае столкновения с Германией. Как известно, между Францией и Англией в 1911 году не существовало военной конвенции, но связь между французским и английским штабами поддерживалась. Между морскими штабами Франции и Англии заранее были распределены роли английских и французских морских сил на случай совместной борьбы с державами Тройственного союза. Что же касается совместного действия сухопутных сил, то в 1911 году было установлено, что в случае войны Франция может рассчитывать на высадку либо в Дании, либо в Голландии, либо в самой Франции вспомогательной английской армии в размере не менее 6 дивизий.

Под непосредственным руководством начальника оперативного отдела английского генерального штаба Вильсона были учтены все подробности действий английской армии, как то: графики поездов, порядок снабжения, намечены французские офицеры, которые будут состоять при английских войсках, и английские офицеры—при французской армии. Во Франции, в Тулоне, 22 августа 1911 года были сосредоточены 3 эскадры, сухопутная армия также была наготове. Атмосфера была напряжена до крайности. В правящих кругах считали, что единственным выходом из создавшегося положения является война. Но Германия, бряцавшая оружием, понимала, что она еще не готова к большой войне, и продолжала вести торг. Главным ее желанием было получить доступ к морю и к реке Конго и захватить огромную территорию Камеруна.

Позиция России во время марокканского кризиса была двойственной. С одной стороны, Бенкендорф заверял англичан, что Россия выполнит свои военные обязательства, с другой—она не была расположена воевать из-за Марокко.

Но формальные обязательства были ширмой, за которой царское правительство скрывало свои настоящие планы. А эти планы базировались на том, чтобы извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для своих империалистских интересов. Как известно, заветной мечтой царской России был вопрос о Босфоре и Дарданеллах.

Царское правительство, связанное с Францией определенным договором и в то же время мало заинтересованное в северо-западной Африке, было заранее согласно на те франко-германские условия, к которым придут оба партнера. В то же время оно решило не упустить удобного момента и сочло необходимым и своевременным заручиться согласием своей союзницы Франции и, как заявил Нератов, «не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении этих вопросов (о проливах и Манчжурии) к определенным переговорам и, может быть, даже действиям» (т. XVIII, ч. 2-я, стр. 76). С этой целью Нератов препроводил проект заготовленного им письма французскому министру иностранных дел, в котором говорилось: «Г. министр, ввиду того что российское императорское правительство согласилось присоединиться к соглашению, подписанному Францией и Германией ... октября 1911 г. касательно Марокко... Франция обязуется относиться благосклонно к русским интересам в вопросе о проливах Босфор и Дарданеллы и не противодействовать осуществлению проектов, которые Россия могла бы иметь в виду касательно указанных проливов и прилегающих территорий» (там же).

То же самое произошло во время итало-турецкой войны. Накануне этой войны российский посол в Париже Извольский в своем письме от 26 сентября 1911 года счел необходимым напомнить Нератову о том, что в силу заключенного в Ракониджи секретного соглашения Россия обязалась не препятствовать Италии в деле захвата Триполи, взамен чего Италия обещала России оказать ей поддержку в вопросе о проливах (см. т. XVIII, ч. 2-я, стр. 27).

На вопрос Кайо, тогдашнего председателя совета министров Франции, об эвентуальной роли России в агадирском кризисе Извольский ответил, что сущность лежащих на России обязательств известна. Эти обязательства имеют «чисто оборонительный характер русско-французской военной конвенции, в силу которой Россия должна выступить на помощь Франции в случае нападения на нее со стороны Германии». Но, добавил Извольский, Россия не может «отнестись к настоящему конфликту иначе, как к колониальному спору» (т. XVIII, ч. 1-я, стр. 359).

Агадирский кризис был ликвидирован подписанием 4 ноября (нового стиля) 1911 года франко-германского соглашения о Марокко и Конго (см. т. XVIII, ч. 2-я, стр. 298). По этому соглашению, Франция уступила Германии 230 тысяч квадратных километров территории в Конго с населением в 600 тысяч человек. Так закончился агадирский кризис 1911 года.

Однако это соглашение не только не смягчило противоречий между Тройственным союзом и Антантой, но привело к еще большему обострению борьбы между империалистами на мировой арене.

В этой напряженной международной атмосфере итальянский империализм решил, что и для него настало время покончить с вопросом о Триполи путем его захвата, дабы в случае новых успехов Австро-Венгрии на Балканском полуострове не получить тот же Триполи из рук союзников ввиде компенсации за их новые приобретения. Захват Триполи теперь давал Италии возможность при дальнейшем движении Австрии к Эгейскому морю требовать себе вознаграждение в Албании или вообще на Адриатическом море.

Итальянский империализм стремился к захвату Триполи и для того, чтобы иметь свободными руки на Балканах. Использовав как предлог «защиту» итальянских подданных в Триполи, Италия 28 сентября 1911 года пред'явила Турции ультиматум, а 29-го об'явила ей войну. Триполи был захвачен Италией. Итало-турецкая война положила начало целому ряду вооруженных столкновений на Балканском полуострове, длившихся на протяжении 1912—1913 годов и известных под названием первой и второй балканских войн. В свою очередь балканские войны еще более обострили противоречия в лагере империалистов и явились прологом к первой мировой империалистической войне [1].

* * *

Публикация документов из архивов царского и Временного правительств «Международные отношения в эпоху империализма» приобретает особое значение сейчас, в период крайне напряженной международной обстановки в Европе и Азии. Эти документы помогут широким трудящимся массам всего мира разобраться в сложной международной обстановке. Народные массы Советского Союза, изучая эти материалы, будут всегда помнить о капиталистическом окружении и о том, что нужно всегда быть «в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...» (Сталин).

---

[1] См. томы XX, XXI, XXII и XXIII публикации «Международные отношения в эпоху империализма», которые будут посвящены балканским войнам.

Ф. Нотович

ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Прошло двадцать пять лет с начала первой мировой империалистической войны. Обе империалистические группы держав мобилизовали для этой чудовищной по своим масштабам истребительной войны около 75 миллионов солдат. Все остальное трудоспособное мужское и женское население как воевавших, так и «нейтральных» стран обслуживало потребности войны. Первая мировая империалистическая война стоила трудящимся массам 10 миллионов убитыми, около 20 миллионов ранеными, калеками и инвалидами. За четыре с лишним года войны было расстреляно в воздухе 210 миллиардов долларов.

Государственный, военный и полицейский аппараты, партийные организации, университетские кафедры, церковь, наука, техника, печать, искусство — все было мобилизовано в обоих враждебных лагерях для обслуживания и усиления интенсивности мировой бойни, для укрепления «победного духа» и усиления шовинистического угара в массах, для противодействия распространению революционных идей и пораженческих настроений, для организации победы одной империалистической группы хищников над другой с целью передела мира.

В первой империалистической войне участвовали все великие капиталистические державы, «политика которых в течение целого ряда десятилетий состояла в непрерывном экономическом соперничестве из-за того, как господствовать над всем миром, как душить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятерные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния» [1].

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 335.

Идеологи буржуазии и социал-патриоты в обоих лагерях называли войну 1914—1918 годов «последней» войной, за которой должен был якобы наступить «постоянный мир и благоденствие народов». Однако годы после версальского мира были очень мало похожи на обещанные мирные времена. А с приходом Гитлера к власти вторая империалистическая война поставлена на очередь дня и стала фактом. Япония ведет уже с 1937 года настоящую войну в Китае, фашистская Италия захватила беззащитную Абиссинию, фашистские Германия и Италия приступили к переделу Европы и захвату слабых европейских государств.

Характеризуя современное международное положение, товарищ Сталин сказал в отчетном докладе на XVIII с'езде ВКП(б): «Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима» [2]. Международный разбой, направленный против слабых народов, угроза независимости малым народам и государствам, уничтожение послевоенной договорной системы, которая давала хотя и призрачную, но все же гарантию безопасности вновь возникшим и старым государствам,— такова теперь международная обстановка.

1

«В наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам это известно достаточно хорошо» (Сталин).

Еще раньше, чем началась война 1914—1918 годов, империалисты каждого лагеря приступили к систематическому обману общественного мнения, пытаясь ввести его в заблуждение и свалить ответственность за войну на противную сторону.

31 июля 1914 года Вильгельм II заявил с балкона королевского дворца берлинским демонстрантам: «Тяжелая пора внезапно нагрянула на Германию. Завистники всюду принуждают нас к справедливой обороне. Нам насильно вкладывают меч в руку... но мы покажем противникам, что означает нападение на Германию» [3].

[2] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 5.

[3] Schulthess «Europäischer Geschichtskalender», S. 370. 1914.

В тот же день и в то же время Бетман-Гольвег говорил с балкона канцлерского дворца: «Последняя деятельность нашего императора была посвящена сохранению мира... но если все его хлопоты будут напрасны, но если нам насильно вложат меч в руку, то мы выступим в поход с чистой совестью, что не мы хотели войны» [1].

Еще война не начиналась, а ее поджигатели спешили наперебой выбросить пропагандистские лозунги: враги-завистники навязывают Германии войну, и она обязана обороняться.

Эта лживая версия причин развязывания мировой войны имеет хождение в Германии еще и в наши дни. Она нужна была тогда для оправдания грабительских целей войны, ради которых она и была начата. Она нужна и сейчас, для оправдания агрессивных планов Гитлера путем исторических аналогий: так, мол, было в прошлом, так есть и в настоящем: на фашистскую Германию «нападают», как «напали» в 1914 году на Германию вильгельмовскую.

Вслед за об'явлением Германией войны России и Франции и вторжением Германии в гарантированные ею же нейтральные страны — Люксембург и Бельгию, германское правительство увидело себя вынужденным оправдываться перед мировым общественным мнением. Бетман-Гольвег поспешил заявить 4 августа 1914 года с трибуны рейхстага, что Германия «сейчас находится в вынужденной обороне, а нужда не знает никаких законов». Это была наглая ложь. Никто не «вынуждал» Германию нападать на Бельгию, как и на другие страны, которые не угрожали ее национальным интересам. Однако канцлер все же признал, что образ действий германского правительства «противоречит законам международного права», но тут же раз'яснил, что вина за это падает на Францию. Германия не обратила внимания на бельгийский и люксембургский протесты, так как, видите ли, «Франция может ждать, мы же не можем».

Питая еще обманчивую надежду на нейтралитет Англии, Бетман-Гольвег торжественно заявил по поводу Бельгии: «Несправедливость—говорю открыто—несправедливость, которую мы этим совершили, мы попытаемся исправить, как только мы достигнем нашей военной цели» [2]. Таким образом, уже в самом начале войны, которую германское правительство об'явило «оборонительной», были выдвинуты «военные цели», которые не имели ничего общего с обороной и выявляли сущность и политическое содержание задач германского империализма в войне.

«Наши военные цели» не только предопределили характер войны: они предопределили и ее продолжительность, так как ни одна капиталистическая держава не могла согласиться, не будучи окончательно побежденной, на те условия «мира», которые выставлял германский империализм.

«Наши военные цели» и торжественное обязательство восстановить после войны Бельгию исключали друг друга. Однако Бетман-Гольвега очень мало занимало в тот момент обязательство «восстановить Бельгию». Ему нужно было успокоить Англию, которая тогда еще не об'явила войны Германии. Это было самое важное. Как и все германские империалисты, он надеялся на полную победу Германии, а победителей не судят. Государственный деятель, назвавший перед тем международный договор «клочком бумаги», не мог думать серьезно о выполнении собственного обещания. Однако бельгийскую «ошибку», заключавшуюся в том, что Бетман-Гольвег признал «несправедливость» оккупации Бельгии, германские реакционеры никогда не могли простить канцлеру. Прочтя заявление канцлера о Бельгии, председатель пангерманского союза Генрих Класс воскликнул: «Теперь война также и с внешне-политической стороны проиграна» [3].

Таким образом, еще до того, как была развязана империалистическая война 1914—1918 годов, германский империализм пустил в ход лживую легенду о том, что на него «напали» и он, «обороняясь», был «вынужден» вторгнуться в Бельгию. Эту ложь распространяют фашистские историки и по сей день. Она имеет последователей и в кругу нефашистских историков и принята на веру даже и некоторыми советскими историками, еще не освободившимися от ошибок «школы» Покровского.

Задолго до возникновения войны к ней совершенно открыто готовились все империалистические государства, а Германии в этом отношении принадлежало среди империалистов одно из первых мест.

«Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго подготовлялась всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран.

В особенности же эта война подготовлялась Германией и Австрией, с одной сторо-

---

[1] Schulthess «Europäischer Geschichtskalender», стр. 371. Агрессивная роль германского империализма в развязывании первой мировой войны уже освещена нами в июльском номере «Исторического журнала» за 1938 год, поэтому возвращаться к этому вопросу теперь излишне.

[2] Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Bd. 306, S. 4.

[3] Heinrich Class «Wider den Strom», S. 307—308. Leipzig. 1932.

ны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой»[1].

Агрессивный характер германского империализма и его активнейшая подготовка к войне особенно ярко иллюстрируются теми «программами мира», конкретная разработка которых была закончена уже в первые месяцы войны и широко пропагандировалась вплоть до октября 1918 года. Изучение этих «программ мира» имеет тем более актуальное значение, что эти «программы» целиком и полностью воспроизводятся Гитлером.

Как только германские войска вступили в Бельгию, в правительственных и буржуазно-юнкерских кругах началась оживленная агитация и обсуждение аннексионистских «программ мира». Все газеты сразу были заполнены проектами ограбления других стран. Аннексия Бельгии и большей части Франции была предрешена. 19 августа 1914 года Вильгельм II заявил статс-секретарю по морским делам адмиралу фон Тирпицу: «Франция должна быть раздавлена»[2]. Еще до вступления германских войск во Францию председатель Немецкого банка Гвиннер заявил адмиралу Каппеле об условиях мира с Францией: «Три миллиарда долларов и французские колонии»[3].

Весть о высадке англичан во Франции была встречена в шовинистических кругах с радостью. Они говорили: «Тем лучше, тогда и они (англичане) будут тотчас уничтожены». Бетман-Гольвег, забыв о торжественном обязательстве восстановить Бельгию, сказал Тирпицу 28 августа, что он намерен аннексировать Намюр, Льеж, Антверпен и территорию севернее его, а из Южной Бельгии сделать буферное государство.

Безбрежны были планы и относительно территориальных захватов на Востоке.

Аннексионистским движением руководили пангерманский союз, об'единявший ряд военных и шовинистических союзов (военный, морской, колониальный союзы, союз борьбы с социал-демократией и др.), юнкерские об'единения, буржуазные политические партии (национал-либеральная партия, консервативная и независимая консервативная партия, католический центр) и реакционная профессура. Аннексионистское движение поддерживали и субсидировали банки, всевозможные промышленные организации и юнкерство: фирмы Круппа, Тиссена, Стиннеса, рейнские и вестфальские заводчики железа и рурские бароны угля, центральное об'единение германских промышленников, союз германских промышленников, германский имперский союз средних классов, союз сельских хозяев (помещики) и др.

В самом начале войны, в августе 1914 года, магнаты промышленности, Всеобщая компания электричества, Юлиус Вольф и Густав Штреземан от имени Комитета промышленных об'единений и за ними «цвет» буржуазно-консервативной мысли: профессора Шиман, Шумахер и много других деятелей науки и искусства — подали канцлеру записки с требованием присоединить к Германии Бельгию и железорудные бассейны Лонгви и Бриэ во французской Лотарингии. Они требовали обширных аннексий на востоке и западе, приобретения угольных станций и морских баз за морем.

И правительство не желало плестись в хвосте движения. Оно попыталось его возглавить.

26 августа Бетман-Гольвег обратился к министру внутренних дел Клемансу Дельбрюку с предложением определить, сколь далеко простираются залежи руды во французской Лотарингии и сумму желательной контрибуции[4]. Через два дня, 28 августа, министр по делам колоний Зольф представил план передела колоний. 3 сентября наместник Эльзас-Лотарингии Дальвиц подал канцлеру план «исправления» границы с Францией; к плану была приложена записка крупных промышленников братьев Рехлинг с требованием аннексировать бассейны Лонгви и Бриэ, Западные Вогезы, Бельфор и т. д. Бетман-Гольвег одобрил обе записки. Таковы были первоначальные официальные и неофициальные «военные цели». О них знали лишь близкие к правительству круги, и они тщательно скрывались от общественности.

Таким образом, одновременно с распространением лживой легенды о «нападении» на Германию германские поджигатели войны начали формулировать захватнические цели войны, которые должны были явиться «компенсацией» за «нападение». Действуя за кулисами, юнкерство и финансовый капитал развили бешеную агитацию через свои «независимые» общественные организации. 28 августа президиум пангерманского союза постановил взять руководство аннексионистским движением в свои руки и выставил следующие «военные цели»: 1) приобретение за счет России обширных территорий для поселения

---

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 155.

[2] A. von Tirpitz «Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkriege», S. 62. Berlin. 1926.

[3] Там же, стр. 67.

[4] Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Das Werk des Untersuchungsausschusses der verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung und des deutschen Reichstages. 1919 — 1928, 4 Reihe, Bd. 12, 1. S. 35 («Die Ursachen»).

немецких крестьян, а именно: Польши, Литвы, Белоруссии, прибалтийских губерний и Украины; 2) аннексия Бельгии; 3) аннексия французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ и перенесение германской границы западнее Бельфора, Туля, Вердена и реки Соммы; 4) уничтожение морского владычества Англии, приобретение новых колоний и, наконец, 5) все захваченные Германией территории должны быть «очищены от людей» [1].

Эти грабительские и варварские требования были выработаны при ближайшем и активном участии Гугенберга. Их одобрил также Крупп фон Болен [2]. Лидеры национально-либеральной партии Бассерман и Штреземан, а также Гуго Стиннес были недовольны их «умеренностью». Стиннес требовал перенесения западной границы далеко на запад от устья реки Соммы и включения в Германскую империю всей Нормандии, мотивируя свое требование стратегическими соображениями в отношении Англии и наличием в Нормандии крупных залежей железной руды [3].

Еще дальше всех этих ультра-аннексионистских планов пошел лидер католического центра Матиас Эрцбергер. 2 сентября 1914 года Эрцбергер разослал во все высшие военные и правительственные учреждения меморандум, в котором он требовал, «чтобы Германия обеспечила себе военное господство на континенте на все времена». Эрцбергер не довольствовался территориальным ограблением всего мира. Он требовал также контрибуции: 1) для возмещения непосредственно военных расходов; 2) для возмещения всех прочих убытков, связанных с войной; 3) для покрытия всех имперских долгов; 4) для создания колоссального инвалидного фонда; 5) для создания фонда на постройку морских кабелей и радиостанций и 6) для создания фонда на социальные нужды [4].

В начале сентября Тиссен лично докладывал в ставке верховного главнокомандующего о необходимости аннексировать французские железорудные богатства.

2

Шовинистическое и аннексионистское настроение господствовало в те дни во всей германской буржуазной печати. Максимилиан Гарден писал 28 августа 1914 года в своем журнале «Die Zukunft»: «Германия имеет право расширить свою сферу господства, и она имеет силу претворить это в жизнь». Превознося воинственность древних германских варваров, Гарден уверял, что и современные ему немцы «не изнежены в длительном мире» и что «война всегда была их главным занятием». В силу этого «Германия хочет увеличиваться, конкретизировать подвиги своих солдат... Право Германии основано на силе. Для этого она начала войну». Гарден требовал захвата Танжера, Антверпена, Калэ, Тулузы и Тулона. До их присоединения он не рекомендовал «болтать о мире».

Депутат рейхстага Фридрих Науман написал во время битвы на Марне брошюру «Германия и Франция», которую следовало бы чаще перечитывать современным французским капитулянтам. Этот «умеренный» аннексионист, поклонник французской культуры и Жана Жореса, писал буквально следующее: «Самое ужасное случилось: республика так же побеждена, как и цезаризм... С Францией как с великой державой уже покончено!» Говоря о возможном для Франции мире, он писал: «Vae victis!» («Горе побежденным!»). Теперь Бисмарк окончательно победил!» Облекая свои рассуждения в форму элегического сочувствия к французам, Науман резонерствовал и укорял Францию в том, что она не изменила союзу с Россией, подобно тому как Италия изменила союзу с Германией и Австро-Венгрией. Судьба Франции была, мол, в ее собственных руках. Она этого не сделала. «И тогда во Францию хлынуло море бойцов в великолепном порядке». Самым лучшим исходом для Франции, отвечал за нее Науман, будет сепаратный мир с Германией. Однако она должна поспешить, «пока этот мир имеет для нас ценность». Германская любовь к миру, признавался Науман, означает обеспечение «разгрома русских и англичан». Что же касается Франции, то проба сил уже закончена. «Продолжение войны ничего не изменит, ибо государство, которое само не может защитить себя против соседа, всегда будет зависеть от других государств, все равно, как бы они ни назывались: Россия, Англия или Германия».

Науман предлагал поэтому Франции признать неумолимый факт, удовлетвориться положением второстепенной державы, сделаться нейтральной страной, прийти с Германией к соглашению о своих колониях, а также о Бельгийском Конго, попросту передать все это Германии, а затем вместе с нею выступить против Англии [5].

---

[1] Heinrich Class «Wider den Strom», S. 320—323.

[2] Там же, стр. 326.

[3] Там же, стр. 327—328.

[4] A. von Tirpitz. Op. cit., S. 69—72.

[5] Такие планы и намерения относительно Франции господствовали в те дни и в головах Вильгельма II и Бетман-Гольвега. Предполагалось после разгрома Франции предложить ей «мир» и оборонительно-наступательный союз. С Россией Германия разделается сама, а затем вместе с французским флотом покончит с Англией. (См. A. von Tirpitz. Op. cit., S. 62.)

Заботы Наумана простирались и на Бельгию. Он и ее «не давал в обиду». Германия лишь «обеспечит за собой то, что необходимо в военном отношении, все равно, будет ли это мало или много»[1].

В то время как Науман дописывал последние строки своей брошюры, которая сделалась на короткое время платформой «умеренных» аннексионистов, французские армии разбили германские полчища и дали другое направление истории. Однако мысли Наумана примечательны во многих отношениях; они приобретают особое значение теперь, в послемюнхенские дни, когда капитулянтская политика правительственной клики во Франции помогла Гитлеру низвести Францию при совершенно иных условиях чем в 1914 году почти на положение второстепенной державы. Они убедительно показывают, какая участь ожидает великий французский народ после того, как правительство Даладье — Боннэ предало Испанию, Австрию, Чехо-Словакию и других союзников Франции.

Ганс Дельбрюк, консервативный историк и также «умеренный» аннексионист, сформулировал в сентябре 1914 года в очень осторожных выражениях «военные цели» Германии следующим образом: «Нашей целью должны быть сохранение нынешнего политического равновесия на суше и завоевание равновесия на море»[2].

За такой «непатриотичный» образ мыслей Ганс Дельбрюк был взят под жестокий обстрел правой печати. «Умеренно»-консервативная «Пост» писала, что «европейское равновесие является словесным выражением по прикрытию перевеса наших врагов» и что «только профессора истории и предвоенная дипломатия верили в этот призрак и приносили ему жертвы». «Теглихе рундшау» назвала выступление Дельбрюка «водянистой песней о благодати политической умеренности» и «преступлением перед германским делом». Она ему противопоставляла его предшественника Трейчке, который в 1870 году в тех же «Прусских ежегодниках» требовал «укрепления наших границ» и т. д. «Дейче тагесцейтунг» прямо писала: «Господин профессор Дельбрюк служит вообще непозволительным, а в настоящее время просто недостойным образом интересам вражеской заграницы, так как его выступление подает повод думать, «что шовинизм у нас справляет оргии»[3].

После этого нагоняя Дельбрюк в следующем номере (октябрь) редактируемых им «Прусских ежегодников» конкретизировал свои требования и, к удовольствию своих критиков, написал, что Россия должна потерять не только Польшу, но и все «чужеродные» области на западной границе. Повторяя мысли Наумана, Дельбрюк писал: «Ни императорская, ни демократическая Франция не смогла удержаться на ступени великой державы. Это была последняя проба сил». Благодаря слабому увеличению населения «Франция будет постоянно спускаться все ниже», и ей ничего не остается сделать, если она вообще хочет существовать, «как выработать себе совершенно новую, народную душу».

Для Дельбрюка уже тогда было ясно, что и «Англия ни при каких обстоятельствах не может политически выиграть эту войну». Даже победа над Германией не спасет ее как мировую державу. Дельбрюк, как и Науман, не допускал возможности поражения Германии и требовал «равновесия на море», т. е. «чтобы Германия была так же сильна на море, как Англия»[4].

Расширяя все время свои аннексионистские апетиты, Дельбрюк оставался «умеренным» аннексионистом, так как апетиты других аннексионистов в это время шли гораздо дальше. В сентябре 1915 года Дельбрюк писал в «Прусских ежегодниках»: «Мы победители, мы можем себе поставить положительные цели... Само собой понятно, что раз германский император освободил и прибрал к своим рукам такие старые немецкие города, как Митава и Рига (Рига была взята немцами через два года.— **Ф. Н.**), то он их так же не вернет обратно, как он не вернул Страсбурга в 1871 году,— в этом должно быть полное единодушие»[5].

Коллега и единомышленник Дельбрюка, профессор истории Эмиль Даниэльс писал в той же книжке журнала (стр. 180): «Война будет стоить России не только ее западных границ, но также ее положения, которое она себе приобрела на христианском и магометанском Востоке со времен Екатерины II».

Если перевести эту публицистику на простой и понятный язык, то она означала, что Германия должна аннексировать Польшу, Прибалтику, Белоруссию и Украину и кроме того занять место России на Балканском полуострове и в Малой Азии. Таковы были вожделения «умеренных» аннексионистов.

3

Победное и шовинистическое настроение господствовало, как мы видим, в правительственных и капиталистических кругах

[1] Friedrich Naumann «Deutschland und Frankreich», Stutgart — Berlin, S. 8, 9, 17, 20, 23, 25, 27. 1914.

[2] Hans Delbrück «Krieg und Politik 1914—1916», S. 60. Berlin. 1918.

[3] Цит. по «Vorwärts». 4 Oktober 1914, № 271.

[4] Hans Delbrück. Op. cit., S. 61—70.

[5] Там же, стр. 143.

не только в дни победы у Шарлеруа (25 августа 1914 года), но и после поражения на Марне. «Я был на этой неделе в Берлине,— писал директор Германо-Американского пароходного общества Альберт Балин 1 октября 1914 года фон Тирпицу,— и меня устрашили безбрежные мечтания, которым предаются не только в Берлине, но также и выдающиеся деятели из Рейнской области и Вестфалии. Высадку нашей армии в Англии они считают как нечто само собой понятное, отнятие у нее ее лучших колоний не требует даже дискуссий. Что мы удержим в своих руках Калэ, Булонь, Остенде и Антверпен,— об этом уже давно решено. Английский флот не должен превышать размеров нашего флота, а контрибуция колеблется между 30—40 миллиардами. Египет принадлежит к тем колониям, которые мы себе оставили на десерт» [1].

Такие завоевательные настроения господствовали в Германии и тогда, когда первая битва на Марне разбила всякую реальную возможность победы. Эти настроения искусственно поддерживали промышленные и юнкерские организации, банковский капитал. Захватнические тенденции находили себе питательную почву и среди мелкой буржуазии, надеявшейся пристроить своих безработных сынков в аннексированных областях.

Ссылаясь на громко выраженные имущими классами требования аннексий, министры, генералы и адмиралы в свою очередь требовали завоевания всего мира. Так например начальник морского генерального штаба адмирал Поль заявил 15 октября 1914 года Бетман-Гольвегу: «Мы должны получить Антверпен, Брюгге, Остенде и Дюнкирхен. Брюссель... Гибралтар должен отойти к Испании, Мальта к Италии, Египет к Турции. Александретта и Мессина наши опорные пункты. На Востоке должно быть отодвинуто все русское... колонии переходят к нам сами по себе» [2].

Это говорилось 25 лет тому назад. Но захватнические планы того времени мало отличаются от гитлеровских планов передела мира. То, что сказал адмирал Поль в 1914 году, можно прочесть в германском фашистском официозе «Фелькишер беобахтер» или в одном из официозов Муссолини. Обстановка изменилась, но об'екты захватов остались те же, и их добиваются те же классы, которые в 1914—1918 годах залили землю кровью, чтобы ограбить весь мир.

Прусские юнкера имели свои особые аннексионистские планы. О них мы узнаем из записки прусского министра внутренних дел фон Лебюля от 29 октября 1914 года, два тезиса которой гласили: «1. Мы не должны отказаться от того, что нам хотя и пригодилось бы, но чего мы не могли бы переварить. 2. Мы должны взять все, что нам хотя непосредственно не нужно, но должно быть отобрано у противника для того, чтобы он в будущем был слабее по сравнению с нами» [3].

От министров не отставали и владетельные князья. Они выставляли такие дикие аннексионистские требования приращений их территорий, которые даже превосходят все вышеизложенное.

Вся эта дикая аннексионистская пляска носила пока еще подготовительный характер. Это были пока еще авангардные разведки, режиссеры этого движения нащупывали почву, подсчитывали своих сторонников и противников, готовились к определению окончательных требований.

С самого начала наметилось два аннексионистских течения: «умеренно»-аннексионистское, которому сочувствовал Бетман-Гольвег, и ультра-аннексионистское, которое поддерживали пангерманские организации, финансовый капитал, юнкерство и гогенцоллернская «духовная лейб-гвардия» в лице реакционной профессуры.

14 октября 1914 года, через месяц после поражения на Марне и других неудач на западном фронте и после разгрома русскими австро-венгерских армий и занятия Галиции и Буковины, канцлер обратился с строго доверительным письмом ко всем имперским центральным учреждениям и затребовал от них представления докладов с соображениями об экономическом и военном закреплении Бельгии за Германией. Об этом официальном аннексионистском творчестве дает понятие совместная записка двух имперских министерств: внутренних дел и иностранных дел — от 31 декабря 1914 года за подписями Дельбрюка и Циммермана. Оба ведомства требовали восстановления Бельгии «как вассального государства... находящегося в распоряжении Германской империи».

Для закрепления Бельгии с военной точки зрения, писали оба министра, Германия должна держать там постоянные гарнизоны, занять все железные дороги и иные транспортные средства, крепости и порты и запретить Бельгии иметь свою армию. Она должна содержать на свой счет германские гарнизоны и уплачивать ежегодно известную сумму Германии за «освобождение»... от собственной армии. Суд и судопроизводство должны перейти к Германии. Бельгия лишается права сношения с другими государствами. Бельгийские колонии передаются Германии, а Бельгия включается в германский таможенный со-

[1] A. von Tirpitz. Op. cit. S. 134—135.
[2] Там же, стр. 142—143.

[3] Полный текст этой записки см. в «Die Ursachen». Reihe 4. Bd. 12, I. Anlage II, S. 187—193.

юз «без права голоса в таможенных делах». Она обязана ввести у себя германское таможенное законодательство и передать взимание таможенных сборов германским чиновникам. Вся экономическая жизнь подчиняется германскому финансовому капиталу, вместо франка вводится германская марка, а вместо бельгийского— германское рабочее законодательство.

Такую участь готовили германские официальные аннексионисты бельгийскому народу: экономическое и политическое рабство, полевые суды и осадное положение, передача всех материальных богатств жадному и ненасытному победителю, вечный рабский труд на поработителей в качестве вознаграждения за чинимые ими насилия.

Однако эти апетиты официальных кругов являются «скромными» и «умеренными» по сравнению с требованиями буржуазных политических партий, так называемых «общественных» и «культурных» организаций, выражавших интересы монополистического капитала и юнкерства.

В декабре 1914 года пангерманский союз разослал во все концы страны в тысячах экземпляров меморандум, составленный Классом и Гугенбергом, в котором были сформулированы ультра-аннексионистские требования на Западе, Востоке и за морем. Этот меморандум в результате длительного обсуждения центральными комитетами и местными комитетами буржуазных партий, правлениями крупных хозяйственных организаций финансового капитала, на кафедрах университетов и в «культурных» обществах был положен в основу целого ряда других записок и меморандумов, которые были направлены в марте — июле 1915 года имперскому канцлеру, верховному военному командованию и целому ряду влиятельных лиц. Эти меморандумы представляли собой программу «мирных целей» германской буржуазии, которую она требовала от правительства провести в жизнь.

Меморандум Класса—Гугенберга требовал перенесения германской границы с Францией западнее прямой линии Булонь—Верден—Бельфор. На востоке меморандум требовал включения в границы Германской империи земель, лежащих восточнее прямой линии, идущей от озера Пейпус до устьев Днепра. Сибирь пангерманцы отдавали Японии, а себе брали все колонии Британской империи.

За пангерманским меморандумом стояли крупные хозяйственные и политические организации, представители которых принимали самое активное участие в выработке и формулировке этого меморандума. Это все те же Кирдорф, Гуго Стиннес, Борзиг, Тиссен, Вольф, Гугенберг, братья Рехлин, Рейш (от тяжелой промышленности), Фридрихс (от союза германских промышленников), барон Вангенгейм и Резике (от союза сельских хозяев) и др.

В марте был выработан той же верхушкой финансового капитала и юнкерства другой аннексионистский документ, известный под именем «меморандума шести хозяйственных организаций» монополистического капитала (центральное об'единение германских промышленников, союз промышленников, союз сельских хозяев, германский имперский союз средних классов, немецкий крестьянский союз, об'единение христианских союзов немецких крестьян).

Для поддержки требований меморандума шести организаций пангерманский союз в конце июня 1915 года созвал в Берлине нечто вроде с'езда представителей интеллигенции, который утвердил проект меморандума, составленный Андреасом Гильдемейстером. Этот документ, известный под названием «меморандум профессоров», превосходил по своим наглым завоевательным требованиям даже требования пангерманского союза и шести хозяйственных организаций. Политическая цель «профессоров», в числе которых находилось 234 представителя крупной промышленности и сельского хозяйства, 168 служителей религиозных культов и 18 генералов и адмиралов, была, по их словам, очень «скромна»: они хотели лишь «оказать поддержку правительству формулировкой ясно выраженной воли народа при ожидающих его бесконечно трудных и разнообразных переговорах» [1].

Меморандумы пангерманских об'единений, шести хозяйственных организаций монополистического капитала и пангерманских «профессоров» являются обобщением всех хищнических требований имущих классов Германии. Они сводились к следующему:

1. Безраздельное господство Германии для начала над четырьмя континентами.

2. Передел земного шара на основе передачи Германии всех мировых материальных, продовольственных и сырьевых ресурсов.

3. Будущий «мир» должен обеспечить Германии ее господство на вечные времена.

4. На границах Германии не должно быть ни одной сильной державы.

5. Будущая Германская империя делится на коренную полноправную Германию — «колыбель германизма» — и на «завоеванную Германию», жители которой лишаются всех политических прав, а также всего

[1] На этом с'езде образовалась постоянная «профессорская» организация для пропаганды в стране идей «германского мира» во главе с Дитрихом Шеффером — «Der Unhabhängige Ausschus für einen deutschen Frieden». См. Heinrich Class «Wider den Strom», 398.

их движимого и недвижимого имущества в пользу немцев.

6. Односторонний характер промышленного развития Германии устраняется созданием обширной сельскохозяйственной базы для колонизации избыточного коренного немецкого населения из метрополии.

7. «Сельскохозяйственная база» должна снабжать метрополию «здоровыми крестьянами», «крепкими и выносливыми солдатами», продовольственными продуктами и промышленным сырьем и «усилить независимость Германии от заграницы».

8. Единственно пригодные для этой цели земли находятся на Востоке, в России. Они должны быть присоединены к Германии, потому что земля там «без хозяина» и крестьянское население России якобы не знает еще оседлости и «вовсе не так срослось со своей землей, как население Центральной и Западной Европы», где «германская культура усваивалась в течение 700 лет».

9. Ограбленная и искалеченная Россия отбрасывается далеко от Балтийского и Черного морей и делается во всем зависимой от Германии.

10. Борьба между славянством и германизмом разрешается в пользу последнего тем, что Россия навсегда отделяется от западного и южного славянства, которое становится добычей победоносного германизма.

Завоевательная программа германского финансового капитала и юнкерства, выраженная в трех меморандумах [1], сделалась предметом мечтаний немецкого мещанства. Эту программу крупно-капиталистическая, аграрно-юнкерская и вся зависимая от финансового капитала печать пропагандировала на все лады вплоть до осени 1918 года, стараясь привить ее всему германскому народу. Ультрааннексионистское движение, охватившее все имущие классы и зависимые от них прослойки германского общества, является прекрасной иллюстрацией всемогущества финансового капитала. «Факты говорят, — писал Ленин летом 1915 года, — о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции...» [2]. Ленин, далее, дал классическое об'яснение этих фактов, показав, почему они неизбежны и «законны» при империализме: «Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации» [3].

Достаточно беглого ознакомления с аннексионистскими программами германского империализма 1914—1918 годов и с завоевательными планами Гитлера, развитыми в его книге «Моя борьба», чтобы сразу убедиться в том, что последние старательно списаны с первых. Гитлер принял всю разбойничью программу пангерманцев, усилил ее, придал ей мистический и истерический стиль и выдал за свою. Вся внешняя политика германского фашизма, все его разбойничьи акты в Центральной Европе и устремления на запад и восток производятся в направлении, предначертанном еще пангерманцами при последнем Гогенцоллерне и развитом и усиленном гитлеровскими каннибалами.

4

Были ли такие общественные группы в лагере буржуазии, которые боролись против этого аннексионистского безумия? В самом начале войны возникли небольшие группы буржуазных пацифистов: «Лига новое отечество» под руководством «известного спортсмена» барона фон Теппер-Ласки, «Лига германского мира» под руководством профессора Квиде и подобные им антианнексионистские группы интеллигентов. Враждебную, антианнексионистскую позицию занимал и профессор Ферстер. Эти группы и отдельные интеллигенты пытались выступить против завоевательной политики с чисто пацифистских позиций, но они вскоре принуждены были под ударами репрессии прекратить свою деятельность.

Были и другие буржуазные группировки, которые также не одобряли пангерманских аннексионистских планов, считая их утопией.

Первое место среди этих группировок занимала профессорская группа во главе с Гансом Дельбрюком, о котором мы говорили выше, фон Листом и Дернбургом. Была еще группировка — «Народная лига за свободу и отечество» — под руководством профессора Фридриха Мейнека, Трельча, Геркнера и др. Известный Пауль Рорбах возглавлял группировку интеллигентов, аннексионистская программа которой выражена названием журнала, который Рорбах издавал во время войны, — «Das Grössere Deutschland» («Увеличенная Германия»).

---

[1] Текст «меморандума шести хозяйственных организаций». См. Schulthess «Europäicher Geschichtskalender», 1915, 2 Teil, S. 1400—1405. Текст «меморандума профессоров» см. S. Grumbach «L'Allemagne annexioniste», p. 99—108. Paris. 1917.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 256.

[3] Там же.

Все эти группы об'единяли видных профессоров и ученых, бывших дипломатов, некоторых промышленников вроде Карла-Фридриха фон Сименса, редакторов газет «Берлинер тагеблат» и «Франкфуртер цейтунг». Все эти лиги поддерживали впротивовес крайним аннексионистам «мирные цели» Бетман-Гольвега. Какова же была программа последнего?

Эту программу он об'явил 28 мая 1915 года в рейхстаге и облек ее в такую неопределенную форму, что она могла удовлетворить и пангерманцев и «умеренных» аннексионистов, так как и те и другие могли ее толковать по своему желанию.

Бетман-Гольвег призывал депутатов и страну, «опираясь на нашу чистую совесть, на наше правое дело и на наш победоносный меч», «оставаться твердыми до тех пор, пока мы не завоюем и не создадим все только возможные реальные гарантии и полную безопасность, чтобы никто из наших врагов — ни в отдельности, ни совместно — не осмелился опять начать вооруженный поход» [1].

Правые буржуазные партии были в общем довольны заявлением канцлера. Рейхстаг решил по предложению лидера консервативной фракции графа Вестарпа прекратить прения и, выражая полное единство и доверие к политике правительства, закончить заседание без обсуждения его декларации.

Формула «реальные гарантии» сделалась отныне официальной программой «военных целей» до конца войны.

В конце 1916 года наступил кризис в мировой войне. Поражение немцев под Верденом и победы Брусилова над австро-венгерскими армиями летом 1916 года убедили руководящие круги германского империализма, что Германия не может победить Антанту силой оружия. Не изменили положения и одержанные затем победы немцев над Румынией. Германия и ее союзники к тому времени исчерпали почти все экономические и материальные ресурсы. Население голодало. Подходили к концу и людские резервы. В стране нарастало возмущение рабочего класса, начались голодные беспорядки. Положение в Австро-Венгрии было еще более угрожающим. Надо было маневрировать, успокоить массы, дать им надежду на скорое заключение мира. Поскольку войну нельзя было скоро закончить военными средствами, а нарастание революционного движения становилось все более угрожающим, в руководящих империалистических кругах обоих лагерей произошел некоторый поворот, который Ленин тогда же назвал политическим поворотом «от империалистической войны к империалистическому миру».

12 декабря 1916 года германское правительство предложило от своего и своих союзников имени странам Антанты послать в одну из нейтральных стран представителей для «мирных» переговоров, благоразумно умолчав, на каких условиях оно предлагает вести переговоры.

Нас в данном случае интересуют не эти переговоры, а те действительные условия, которые Бетман-Гольвег перед тем выработал со своими союзниками и которые Германия намеревалась предложить странам Антанты, если бы они пошли на переговоры. Эти условия приобретают особый интерес, так как за ними стояли не «частные» империалистические группы, а само кайзеровское правительство с Бетман-Гольвегом во главе, и, следовательно, они носили официальный характер.

Германия намеревалась требовать на будущей мирной конференции:

1) возвращения всех территорий Германии, Австро-Венгрии и Турции, которые эти государства имели до войны, германских колоний и отмены аннексии англичанами Египта и Кипра; 2) подчинения Бельгии Германии под видом «обеспечения безопасности» последней; если бы сепаратные переговоры с королем Альбертом не привели к этой цели, — тогда открытая «аннексия полосы территории, включая Льеж, для защиты нашей западной промышленной области»; 3) присоединения к Германии французских железорудных бассейнов Лонгви, Бриэ и Люксембурга; 4) присоединения к Германии Литвы и Курляндии и отделения от России Польши с тем, «чтобы получить хорошую проходящую с севера на юг стратегическую границу против России; 5) «свободы морей» и свободы судоходства на Нижнем Дунае; 6) присоединения Бельгийского Конго; 7) торгового договора с Россией на выгодных условиях; 8) передачи Германии английских горных концессий в России; 9) стратегического улучшения границ Австро-Венгрии за счет России, Италии, Румынии, Сербии (включая Белград), присоединения Черногории и об'явления германского протектората над Албанией; 10) увеличения Болгарии за счет Румынии и Сербии и присоединения к Греции Северного Эпира ввиде вознаграждения за нейтралитет; 11) контрибуции за военные расходы [2].

Однако даже эта завоевательная программа Бетман-Гольвега не совсем удовлетвори-

[1] Verhandlungen des Reichstages. Stenographische Berichte. Bd. 306, S. 141—143.

[2] Stenographische Berichte des Untersuchungsausschusses der Deutschen Nationalversammlung. Bd. 2. Beilagen, Teil II, №№ 75—82, SS. 79—89.

ла крайние элементы финансового капитала и юнкерство. Это была одна из главных причин ожесточенной кампании против канцлера, закончившейся в июле 1917 года его отставкой.

Германский империализм получил с первого дня войны безоговорочную и активную поддержку официальных лидеров германской социал-демократии своим аннексионистским программам. Повторяя за империалистами ложь об оборонительном характере войны для Германии, германские правые социал-демократы Шейдеман, Давид, Ленч и др. были не только социал-шовинистами, но и законченными социал-империалистами. Социал-пацифисты—центристы—и прежде всего Каутский, — выступавшие с лозунгом «Мир без аннексий и контрибуций», по существу, также разоблачили себя как верные слуги германских аннексионистов. Как и центристы стран Антанты, каутскианцы в Германии не скупились на разоблачение грабительских программ империалистов, но только не «своих» империалистов, а империалистов из лагеря противников «своей» буржуазии в войне.

Ленин блестяще разоблачил Каутского, как и социал-пацифистов стран Антанты:

«Присмотримся внимательнее к ...политическим лозунгам и аргументам Каутского и его единомышленников, — писал Ленин. Когда дело касается России, т.-е. империалистского соперника Германии, тогда Каутский выдвигает не абстрактное, не «общее», а совершенно конкретное, точное, определенное требование: Константинополь не должен достаться России. Он разоблачает тем самым действительные империалистские замыслы... России. Когда дело касается Германии, т.-е. именно той страны, буржуазии и правительству которой большинство партии, считающей Каутского своим членом (и назначившей Каутского редактором своего главного, руководящего, теоретического органа, «Neue Zeit»), помогает вести империалистскую войну, тогда Каутский не разоблачает конкретных империалистских замыслов своего правительства, а ограничивается «общим» пожеланием или положением: Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством!!» [1].

Единственными в Германии действительными борцами против германского (и международного) империализма были германские левые социал-демократы, спартаковцы, во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, беспощадно разоблачавшие разбойничьи цели и аннексионистские планы германского империализма. Им одним в Германии принадлежит заслуга интернационалистской революционной пропаганды в массах и идейная мобилизация авангарда рабочего класса для борьбы за революционный выход из войны.

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 366—367.

5

Германские поджигатели войны, учитывая трудность дальнейшего ведения войны и слабость надежды на победу Германии в конце 1916 — начале 1917 года, пытались использовать разразившуюся в феврале 1917 года революцию в России для укрепления своих военных позиций и реализации своих захватнических целей. Но они просчитались.

Навязав Советской России брест-литовский грабительский мир, германские империалисты решили, что отныне нет никаких препятствий к осуществлению их смехотворно широких завоевательных планов. «Восточная» программа была весною 1918 года в основном «выполнена». Оставалось, по их понятиям, лишь покорить запад. Морская гегемония, а за ней и мировая придут сами собой, раз Англия и Франция будут разбиты. Таковы были планы германского империализма в феврале—марте 1918 года.

Однако Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая российских империалистов и вынужденная пойти на брестский мир, одновременно нанесла сокрушительный удар по империализму в целом и с наибольшей силой ударила по его наиболее слабому звену, каким был в тот момент империализм центральных держав и в первую голову Германии.

Германскому империализму не удалось разрешить поставленной задачи. Народные массы оккупированных стран оказывали упорное сопротивление захватчикам. Созданные германским командованием марионеточные правительства, вроде правительства гетмана Скоропадского на Украине, могли держаться только на штыках германской армии.

Против захватчиков началась партизанская война на Украине и в Белоруссии. Оккупационная армия, находясь в соприкосновении с населением революционной Украины и Белоруссии, начинала разлагаться и перестала быть послушным орудием в руках командования.

Чтобы продолжать войну на западе, необходимо было и после брестского мира продолжать войну на востоке. Оказалось, чего германский империализм никак не ожидал, что надо было «завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насилием в оккупированной стране стоит

слишком больших усилий и слишком многих жертв»[1].

Недооценивая значения восточного фронта, германский империализм бросился осуществлять «западную» аннексионистскую программу. В кровавых боях с 21 марта до начала июля 1918 года германским армиям удалось одержать ряд крупных местных побед. Они опять перешли, как в 1914 году, реку Марну и угрожали Парижу. Разбить англо-французские армии им не удалось, зато они довели собственные армии до полного истощения и разложения. А между тем уже были готовы к бою грозные американские армии. В новом наступлении, 15 июля 1918 года, немцы потерпели жестокое поражение и были отброшены за Марну. 8 августа союзные армии генерала Фоша начали контрнаступление. Германские армии были разбиты наголову. «8 августа, — писал Людендорф, — представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны».

8 августа было днем катастрофы для германского империализма. Его армии перестали быть слепым орудием в руках начальников. Один германский военный историк пишет о 8 августа: «Германскому командованию пришлось убедиться в горькой истине, что так ясно обнаружившееся во 2-й армии падение духа было не единичным явлением, оно имелось в таких же размерах во всей армии»[2].

Людендорфу пришлось делать печальный вывод: «Наш боевой механизм уже больше не был полноценным. 8 августа показало падение нашей боеспособности... Войну надо было кончить»[3].

В речи, посвященной годовщине Октябрьской социалистической революции (6 ноября 1918 года), Ленин дал такую оценку одной из главных причин поражения Германии:

«Германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом»[4].

Однако даже и в эти грозные для германского империализма дни его руководители все еще думали, что ему удастся удержать все завоевания на востоке и на западе.

Хотя на коронном совете 14 августа 1918 года было признано, что «победа невозможна», и решено было начать мирные переговоры, но Гинденбург все еще требовал сохранения за Германией Бельгии и французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ.

А между тем болгарская армия была в середине сентября разбита англо-французскими армиями в Македонии, а 11-я германская армия была взята целиком в плен. Болгария сдалась на милость победителей.

Чтобы задержать быстро надвигавшуюся революцию в стране, германский империализм попробовал перестроиться.

В образованное «парламентское» правительство принца Макса Баденского были включены и социал-патриоты, так как только они могли использовать доверие масс и попытаться удержать рабочих в повиновении. Но революции предотвратить уже никто не мог.

4 ноября восстали матросы германского флота и подняли красное знамя на всех боевых судах. К 8 ноября во всей Германии, кроме северовосточного угла с Берлином, Бреслау и Кенигсбергом, возникли советы рабочих депутатов. Войска всюду переходили на сторону восставших.

Волны революции перебросились на фронт и бушевали вокруг ставки. 9 ноября пролетариат сверг монархию Гогенцоллернов. 10 ноября, на рассвете, Вильгельм II бежал в Голландию.

Восстание австро-венгерской армии на итальянском фронте положило конец войне и на этом фронте. Революция в Австро-Венгрии свергла монархию Габсбургов.

11 ноября, на рассвете, в вагоне генерала Фоша в Компиенском лесу было подписано перемирие между действующими армиями Антанты и Германии. Первая империалистическая война кончилась.

* * *

Почти каждый день можно встретить в международной печати сравнение нынешней политической обстановки с обстановкой кануна первой империалистической войны. Нет сомнения, что между ними есть очень много общих черт. Основное и главное состоит в том, что и первую и вторую империалистические войны породили империалистические противоречия. В современной международной обстановке имеются, однако, и такие черты, которые ее коренным образом отличают от предвоенной обстановки 1914 года. Тогда господствовала безраздельно во всем мире капиталистическая система. Ныне мир разделен на две принципиально разные социально-политические системы. Победа социализма на одной шестой земного шара, экономическая, политическая, культурная и военная мощь Советского Союза, морально-политическое единство советского наро-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 11.
[2] Т. фон Бозе «Катастрофа 8 августа 1918 года», стр. 266. Воениз. 1937.
[3] Erich Ludendorff «Meine Kriegserinnerungen 1914—1918», S. 531. Berlin. 1919.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 259.

да являются величайшим фактором мира. В отличие от буржуазно-демократических государств, поощряющих своей политикой уступок фашистские агрессивные государства на новые разбойничьи акты и развязывающих мировую войну, Советский Союз ведет последовательную политику мира, готов ответить двойным ударом на любой удар со стороны поджигателей войны и стоит «за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины» (Сталин).

Товарищ Сталин дал исчерпывающее об'яснение причин разгула международного бандитизма, которым безнаказанно занимаются Япония, Германия и Италия: «Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»[1].

В этой краткой формуле товарищ Сталин очень ярко охарактеризовал крупнейший поворот в международной политике, суть которого заключается в том, что руководящие круги Англии и Франции отказались от тех принципов, на которых хотя непрочно, но все же держалась вся послевоенная система международных отношений и которые были зафиксированы в версальских договорах и в статуте Лиги наций: защита коллективной безопасности, суверенность и равноправие малых государств. Рушилась целая полоса истории, 20-летняя эпоха между первой и второй империалистическими войнами, которую кратко называют: от Версаля до Мюнхена.

Империалистические интересы финансового капитала толкали вильгельмовскую Германию к созданию на костях славянских, румынского и иных народов «Срединной Европы», чтобы, опираясь на ее людские и материальные ресурсы, завоевать мировую гегемонию. Разгром центральных держав в 1918 году положил конец этим планам.

Ныне фашистская Германия, преследующая еще более обширные кровавые, грабительские, империалистические цели чем ее предшественница — вильгельмовская Германия, — начала с разрушения тех государств и порядков, которые были созданы в результате поражения центральных держав. Создание «Срединной Европы» поставлено в порядок дня политики фашистской Германии.

Уроки первой империалистической войны не прошли даром для народных масс. Тогда, при совершенно иных условиях, «международный империализм своей главной задачей ставит свержение большевизма». За выполнение этой задачи в первую очередь принялись империалисты центральных держав. Однако «пролетариат западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии»[2]. Та же участь постигла и германский империализм. «Сначала, — сказал Ленин 8 ноября на VI всероссийском чрезвычайном с'езде советов, — он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние»[3].

Эта участь ждет все фашистские агрессивные державы и в первую очередь фашистскую Германию. Красное знамя советов взовьется над освобожденной от фашизма Германией.

---

[1] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 13.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 260.

[3] Там же, стр. 266.

В. Сергеев

ЭГЕЙСКИЙ МИР

История древней Греции тесно связана с историей других средиземноморских стран и потому должна изучаться на фоне истории всего Средиземноморья.

Страны Средиземноморского бассейна в своем развитии проходили те же этапы, что и другие страны мира.

В Средиземноморье почти не сохранилось следов палеолита [1], но памятники неолита [2] сохранились в большом количестве. Их открывают по всему пространству Средиземноморья, как в восточной, так и в западной его части, на континенте и на островах, в особенности на островах и в прибрежных странах Эгейского моря. Отсюда происходит и термин «эгейская культура» и «Эгейский мир».

Больше всего исторических памятников раннесредиземноморской культуры найдено на острове Крите и в Микенах, в южной части Балканского полуострова (Пелопоннесе). На этом основании и весь древнейший период средиземноморской истории называют крито-микенским. В дальнейшем изложении термины «Эгейский мир» и «Крито-Микенский мир» употребляются как синонимы.

Предметы неолитической эпохи в большом количестве находят на южном берегу Крита, в пещере Миаму, в Палайкастро, Гурнии, Файсте и особенно в Кноссе. В недрах Кносского холма, под развалинами знаменитого кносского дворца царя Миноса, залегает мощный слой неолита, достигая семи метров в глубину. Как и всюду, памятником культуры неолита на Крите служит главным образом глиняная посуда, выкрашенная в разные цвета: черный, коричневый, желтый и красный. Наряду с этими сосудами на Крите встречаются орнаментированные черные сосуды, украшенные линейным узором с полосками и треугольниками, заполненными краской.

На основании археологических памятников, дополненных данными других наук, можно установить, что главным занятием людей новокаменного века было скотоводство, рыболовство и охота. Следов земледелия, относящихся к этому периоду, на Крите и вообще в Эгейском бассейне не найдено. Жилищем в то время служили пещеры или сплетенные из хвороста и обмазанные глиной хижины, расположенные по склонам холмов. Представление о первобытных хижинах критян дают погребальные урны.

В греческой литературе, прозе и поэзии сохранилось немало воспоминаний о далеком прошлом человечества. Так например Эсхил в трагедии «Прометей» описывает жизнь первобытных людей. В те далекие времена, говорит он, на земле царил полный хаос. Люди не знали искусства строить дома из кирпичей, не умели возделывать землю, не умели обрабатывать дерево и жили под землей подобно «слабым муравьям». В глубину их мрачных землянок никогда не проникали лучи солнца.

---

[1] Древнейший этап, пройденный человечеством, за которым утвердилось название древнекаменного века, или палеолита. Характерным признаком палеолита считаются орудия и оружие, сделанные из грубо отесанных каменных пород и из кости.

[2] Неолит — новокаменный век, следовавший за палеолитом. Грубо отбитые камни палеолита сменились искусно, иногда даже с изяществом и художественным вкусом полированными орудиями из крепких горных пород — обсидиана и кремня.

В идеализированном виде ту же картину рисует Гомер, описывая в «Одиссее» жизнь первобытных людей — циклопов:

«Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут: земля там
Тучная щедро сама, без паханья и сева, дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем охлаждает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов:
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь».

Период неолита на Крите исчисляется приблизительно в три тысячи лет, от VI до III тысячелетия до нашей эры.

В III тысячелетии до нашей эры камень сменяется металлом, проходя ряд промежуточных этапов медно-каменного, медно-бронзового и последующих веков. Переход к металлу знаменовал революцию как в истории человечества вообще, так и в истории средиземноморской культуры в частности. С открытием металла стали изготовлять более совершенные орудия, количество населения росло, потребности расширялись, мелкие социальные группы (первобытные орды или стада) об'единялись в более крупные социальные единицы, происходил процесс расселения (экспансии) во всех направлениях. С периодом перехода к металлу (бронза) совпадает образование крупных общественных организаций — деспотий — в Азии (Хеттское царство), Африке (Египетская монархия), Европе (Кносская держава Миноса).

История критской, или минойской, культуры, в общей сложности продолжавшейся восемнадцать столетий, начинается, собственно, с III тысячелетия. Основоположник критоведения Артур Эванс[1] разделил историю Крита на три больших периода, назвав их по имени прославленного в греческих мифах критского царя Миноса — минойскими.

Каждый период в свою очередь подразделяется на три периода. Графически схему Эванса можно представить в следующем виде:

Древнеминойский период	I=3000—2800
	II=2800—2400
	III=2400—2100
Среднеминойский период	I=2100—1900
	II=1900—1750
	III=1750—1580
Позднеминойский период	I=1580—1450
	II=1450—1400
	III=1400—1200

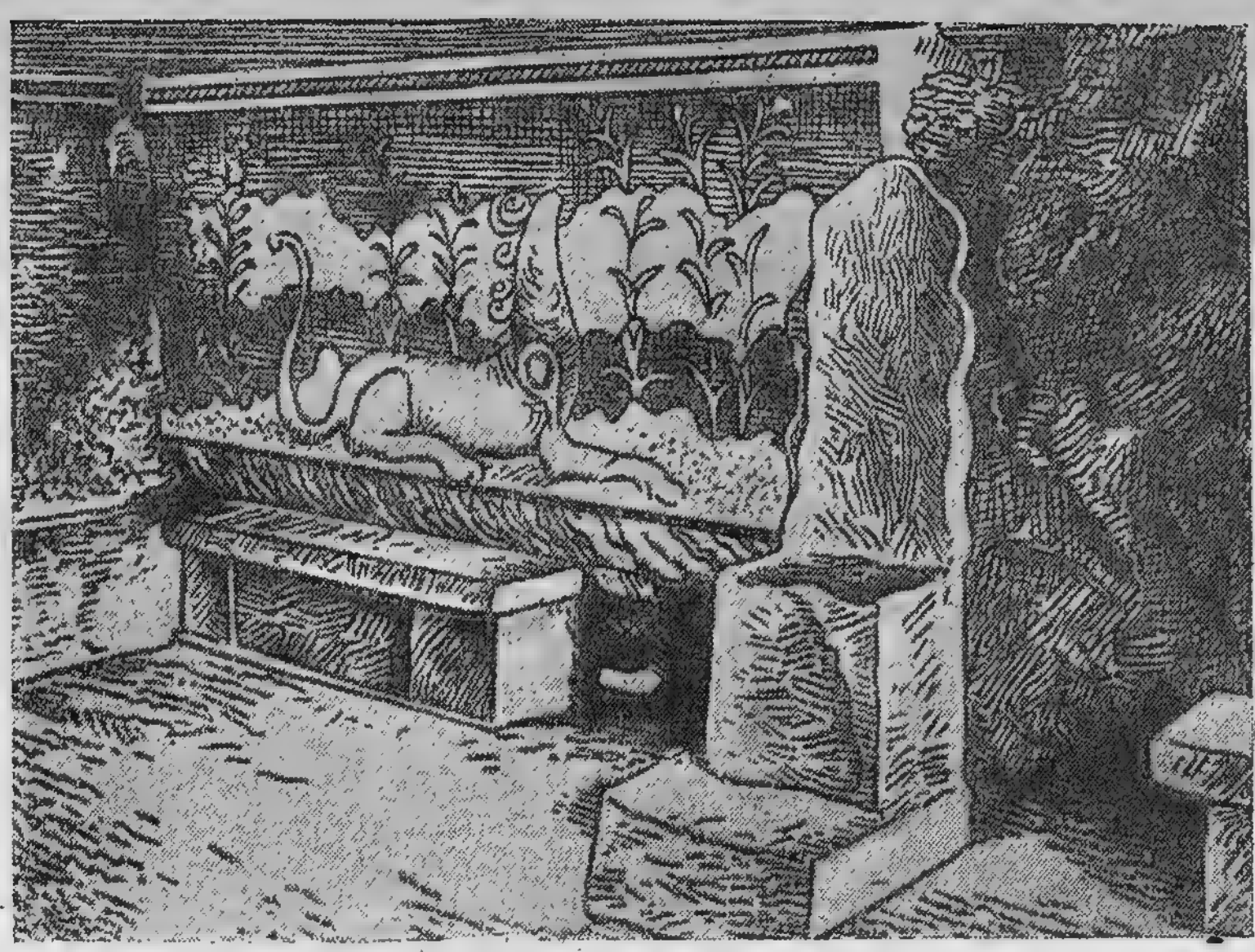
Эванс и другие археологи полагают, что момент наивысшего расцвета культуры на Крите совпадает с эпохой царствования Миноса, которая явилась завершением критской истории.

1

Представление об этапах социально-политической истории Крита дают главным образом найденные там жилищные постройки и погребения. Чем древнее жилье или могила, тем для большего числа людей они предназначались. Самые древние погребения, каковыми считаются могилы в восточной части Крита — в Палайкастро и Гурнии,— были в полном смысле слова братскими родовыми кладбищами, в которых погребались в течение многих лет члены одного рода. Совсем иную картину представляют погребения позднеминойского периода, вмещающие не более трех лиц. Совершенно очевидно, что родовая первичная социальная ячейка средиземноморских народностей была вытеснена индивидуальной семьей.

Разложение рода на индивидуальные семьи предполагает уже иной тип поселений чем родовые поселки, в которых живут члены одного рода. Родовые об'единения сменялись территориальными, где людей связывало уже не кровное родство, не происхождение от одного родоначальника, а территория, общность владений и общие задачи защиты от врагов. Из таких поселков при более благоприятных условиях могли развиться поселения городского ти-

[1] Английский археолог Артур Эванс. С 90-х годов прошлого века Эванс ведет систематические обследования на Крите, давшие изумительные результаты и составившие целую эпоху в науке. В отличие от большинства археологов, ограничивающих свою задачу собиранием и первой систематизацией поднятого материала, Эванс дает материалам историческое освещение, вводя историю Крита в общесредиземноморскую историю. Большая часть вошедших в научный обиход положений о критском обществе и критской культуре принадлежит Эвансу. Некоторые из них сохраняют свою силу и в настоящее время, другие уже не соответствуют современному уровню науки и нуждаются в исправлениях.



Зал кносского дворца.

па. Такими поселениями городского типа были ставшие известными благодаря археологическим раскопкам критские центры Палайкастро, Исерия, Гурния и другие поселения, детально описанные Эвансом и другими учеными-археологами.

Во главе городских поселений стояли военные вожди, имевшие вооруженную свиту, или дружину, они же были судьями и жрецами. Главным занятием этих вождей было пиратство, с незапамятных времен существовавшее на Средиземном море. Фукидид сообщает, что в глубокой древности прибрежные жители и жители островов занимались пиратством и торговлей, вначале неотделимой от пиратства. Составлялись пиратские дружины, во главе которых становились «наиболее могущественные люди», члены влиятельных или, наоборот, обедневших родов. Они, говорит Фукидид, занимались пиратством ради собственной корысти и ради доставления средств жизни слабым.

«Нападая на неукрепленные города, состоявшие из отдельных селений, они грабили их и большею частью так добывали себе средства к жизни. Тогда занятие это еще не считалось постыдным, скорее приносило даже некоторую славу»[1].

Как можно заключить на основе исследования погребений (толоссов) в долине Мессара, древнейшие города на Крите были невелики по размерам; во главе их стояли мелкие князья. Двенадцать толоссов на пространстве десяти километров около Кумассы показывают, что долина Мессара была разделена между большим числом мелких владетелей, общиннoплеменных князей или царей типа гомеровских басилеев.

Начиная со среднеминойского периода наблюдается запустение приморских поселений восточной части острова и возвышение центральных районов — городов Кноссы и Файста. Кносса обращена в сторону Кикладских островов, а Файст — в сторону Африки и Египта.

Около 2000 года в более населенных пунктах Крита появляются первые дворцы военных вождей, свидетельствующие уже об относительно высокой степени социальной диференциации и разделения труда. К этому времени относят постройку первого, т. е. наиболее древнего, дворца в Кноссе.

Кносский дворец[2], согласно непосредственным наблюдениям и тщательным исследованиям Эванса, представлял целую систему больших комнат, мастерских, кладовых и святилищ. Дворец этот заключен в

[1] Фукидид, I, 4.

[2] Раскопки на Крите начались в 70-х годах XIX века, но до 90-х годов они носили несистематический характер. С 1893 года изучение Крита становится систематическим. Исследования с этого времени ведутся под руководством А. Эванса.

Изучение началось с собирания трех- и четырехгранных камней, на которых вырезаны письмена. После этого приступили к обследованию остатков критских построек. В 1900 году Эванс приобрел в собственность участок земли на месте древнего Кносса и открыл руины кносского дворца. Начатая Эвансом работа продолжается и до настоящего времени. Каждая экспедиция обогащает наши знания о Крите новыми памятниками.

ограду и обнесен толстой стеной с башнями, охраняющими дорогу к морю. Другой дворец — дворец Файста — высечен в скале и не имеет укреплений. Третий дворец — дворец в Маллии, стоящий на открытом морском берегу,—имеет несколько солидных укреплений.

Период появления первых дворцов отмечен расширением морских связей Крита с Кикладскими островами, Киреной, Арголидой, Египтом и Ханааном.

В сфере искусства названный период ознаменован появлением керамических изделий высокого качества (Камарес).

Около середины XVIII века на Крите произошла какая-то неизвестная нам в деталях катастрофа, в результате которой наступило запустение вышеописанных дворцов. Некоторые ученые, в том числе и сам Эванс, об'ясняют эту катастрофу землетрясением, часто случавшимся на Крите и в соседних с ним странах, в особенности на северном берегу Африки — Кирене. Другие ученые связывают упадок Крита с общими переменами, происходившими тогда в восточной части Средиземного моря и в странах Древнего Востока.

Египет в те столетия страдал от набегов гиксов, а на Халдею нападали эламиты.

Временное ослабление Крита не уничтожило критской культуры и не остановило дальнейшего развития критской экономики и государственности. Около 1700 года произошло возрождение Крита: на месте старых дворцов подымаются новые, более грандиозные здания. Полагают, что в это время произошла смена династий.

Старая династия, пользовавшаяся гиероглифическим письмом [1], была вытеснена новой династией, принесшей линейное письмо. В размещении населения на Крите тоже произошли существенные перемены. К этому времени Маллия совершенно опустела. Файст опустился до положения второстепенного поселка, что об'ясняется обеднением Египта, с которым Файст до тех пор находился в оживленных сношениях. Та же судьба постигла и другие населенные центры запада: Хагию-Триаду и Тилиссу. Одновременно с этим происходит быстрое возвышение Кноссы.

При кносском царе Миносе критская культура достигает своего высшего пункта развития. Эпоха Миноса была ее золотым веком.

Время правления Миноса приходится на вторую половину XV столетия (1450—1400 годы), на конец «периода вторых дворцов». Период «вторых критских дворцов» длился триста лет — с утверждения новой династии и до конца царствования Миноса (1700—1400 годы).

[1] Гиероглифами называются письмена, дающие рисунок данного предмета, а не изображающие его буквами.

2

Минос и его держава часто выступают в различных сочетаниях в греческих мифах, как например в мифе о Тезее, о лабиринте (критский дворец), о чудовище Минотавре. У Гомера Минос и его брат Радамант приводятся как пример образцовых, справедливых судей, за которыми их судейские функции сохранены даже в Аиде. Самые ценные сведения о Миносе мы получаем от греческих историков, в том числе от самого Фукидида, сугубо критическое отношение которого к греческой и в особенности к догреческой старине не подлежит ни малейшему сомнению.

«Минос,— читаем мы у Фукидида,— согласно преданию, раньше всех завел флот, овладел большой частью Эгейского моря, утвердил свою гегемонию над Кикладскими островами и первый вывел на них колонии. Прежние жители Киклад, карийцы, были изгнаны Миносом, а на их место посажены критяне, управлявшиеся сыновьями Миноса. Укрепившись на море, Минос повел борьбу с пиратством, препятствовавшим торговле и сокращавшим его доходы.

Минос старался, насколько это было в его силах, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получить доходы» [2].

Приблизительно то же самое говорит о Крите и Миносе Геродот. Рассказывая о карийцах, или карах, отец истории замечает, что «кары перешли на материк с острова. Первоначально они были подвластны Миносу, назывались лелегами и занимали острова. Они никогда не платили дани, насколько я могу проникать в древность по рассказам, хотя поставляли команду для кораблей всякий раз, когда требовал Минос. В то время как Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был тоже знаменитейшим из всех народов» [3].

Гомер в «Одиссее» с восхищением повествует о богатом, прекрасном острове Крите, расположенном среди «виноцветного моря»:

«Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду об'ятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,

[2] Фукидид, I, 4.
[3] Геродот, V, 6.

С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих».

В чем причина возвышения Крита вообще и Кносса в частности? Как отмечали древние, Крит своим возвышением обязан прежде всего своему исключительному географическому положению в Средиземноморье. Крит находится между тремя частями света — Европой, Африкой и Азией. Он занимает пространство в 250 километров в длину и от 60 до 12 километров в ширину. Мореплаватели, с какой бы целью они ни предпринимали поездки, никак не могли миновать Крита, богатого удобными заливами с естественными бухтами. Крит играл роль связующего звена между старыми странами Азии и Африки; он был преемником их культурных достижений и оказывал в свою очередь на них влияние.

К выгодному географическому положению присоединились еще благоприятные природные условия. В покрытых сочной травой долинах и лощинах население занималось скотоводством, разведением быков, коров, лошадей и различных пород мелкого скота. Мясо и молоко занимали существенное место в питании древних критян. Они разводили также уток, гусей, лебедей, голубей и кур, культивировали пшеницу, ячмень, полбу, бобы, горох и чечевицу. На горных холмах произрастали виноград и оливы; критянам были известны лен и шафран, из которого добывались красящие вещества; из сезамового масла, мяты, абсената, каламанта приготовлялись ароматические вещества. С особой любовью критяне занимались садоводством и огородничеством, что нашло свое отображение в критском искусстве. В садах произрастали ирисы, лилии, тюльпаны, гиацинты и многие, менее известные виды цветов.

Расцвет Кноссы и возвышение кносского правителя над правителями других городов Крита обусловлены тесной связью Кноссы с Кикладскими островами, к этому времени уже достигшими высокой культуры. Владея лучшим по тому времени флотом, Минос подчинил себе Киклады и установил талассократию, т. е. господство на Эгейском море города Кноссы.

«С образованием флота Миноса взаимные связи на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами. Кроме того приморские жители владели уже большими средствами и потому крепче сидели на местах, а некоторые разбогатевшие оградили себя стенами»,— писал Фукидид.

При Миносе установились правильные сношения Крита с другими странами и народами. Критяне вели торговлю с Кикладскими островами и имели колонии (фактории) на островах Мелосе, Фере, Делосе и др. Не оставался чуждым критянам также и греческий материк. Известны поселения критян, существовавшие с XVII столетия до нашей эры в Пелопоннесе, Микенах, Тиринфе, на Коринфском перешейке, в Беотии, Аттике, Фессалии и т. д. О пребывании и влиянии критян на греческом материке свидетельствуют святилища богов, города критского происхождения, названия которых имеют характерное окончание ssos, inthos, thene, предметы критской торговли и ремесел. Наконец, многие мифы, подобные афинскому мифу о Тезее, воскрешают далекие времена критской гегемонии.

Египетские памятники указывают на очень давнюю связь Крита с Египтом. При фараонах Сенусерте II и Аменемхете III (XIX столетие до нашей эры) кефти, т. е. критяне, принимали участие в постройке пирамид. Фараон XVIII династии Тутмозис III пользовался критскими кораблями для перевозки строительного материала из Ливана. Критские купцы пользовались в Египте особыми привилегиями.

Следы критского влияния находят также в Троаде, Сирии и Хеттском царстве, занимавшем бассейн реки Галлиса и верхнюю Сирию. Небезызвестны были критянам и западные берега Средиземного моря — Италия, Сицилия и Испания (Тартессос).

Критский вождь (фреска).

Об'ектами критской торговли служили предметы роскоши (слоновая кость, ароматные вещества, металлы, строительные материалы), предметы производства критского ремесла и рабы.

Извлекаемые из недр земли предметы материальной культуры свидетельствуют о существовании на Крите многих ремесел, высокой ремесленной техники и разделения труда. На основании археологического материала установлено существование на Крите во II тысячелетии до нашей эры следующих ремесленных специальностей: оружейников, кузнецов, плотников, кожевников, горшечников, бронзовщиков, резчиков, мастеров по слоновой кости, рисовальщиков, скульпторов и др. Раскопки на месте древней Гурнии привели археологов к заключению о существовании в этом поселке-городе особых ремесленных кварталов. Часть изготовляемых на Крите предметов предназначалась на покрытие потребностей царя и его дружины, а оставшаяся часть отправлялась за пределы острова или же продавалась местному населению.

Критяне ввозили также ряд товаров из других стран. Так, в Египте они закупали сухие овощи, масла, изделия из цветного стекла и фаянса. С острова Кипра (Алаши) критяне вывозили медь.

На развитие обмена указывают дороги, соединявшие города Крита: Кноссу, Файст и др.— с портами в северной и южной частях острова. Передвижение по суше совершалось на ослах, лошадях или же в двух- или четырехколесных повозках, запряженных быками.

Меновой единицей в более древнее время служил скот, при Миносе же пользовались медными весовыми слитками, золотыми и серебряными пластинками. В качестве меры веса критяне пользовались мерами тех стран, с которыми они вели торговлю. У них были в ходу египетские, финикийские, вавилонские и прочие эталоны.

В истории средиземноморского мореходства и торговли целый переворот произвело появление большой лодки (барки) с поднятым носом и низкими краями, введенной в употребление критянами.

Появление письменности, сначала линейной, а потом слоговой, облегчало ведение торговых сделок, сбор податей и способствовало культурному общению на Крите.

3

Все вышесказанное о Крите приводит к заключению, что социально-политический строй Крита «периода вторых дворцов» во многом напоминает древневосточные монархии, в частности современное ему Новоегипетское царство. Подобно древневосточным монархиям Крит надо отнести к рабовладельческим государствам восточного типа. Гипотеза о рабовладении на Крите кажется вполне правдоподобной. Иначе трудно было бы об'яснить существование крупных построек, большого количества ремесел, изысканных предметов роскоши, потребителями которых могла быть только рабовладельческая аристократия. По аналогии с Востоком можно предполагать, что труд рабов совместно с трудом туземного населения применялся при постройке дворцов, прокладке дорог, в каменоломнях, горных и вообще всякого рода мастерских и, наконец, во флоте. Гребцами во флоте в древнем мире обыкновенно были рабы. Вследствие хищнического отношения к труду рабов кадры рабов требовали постоянного пополнения, что достигалось главным образом через пиратство.

О существовании рабства у островных народов в глубокой древности говорит и Фукидид: «Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города»[1].

Подобно египетскому фараону кносский правитель соединял в своем лице функции жреца и военного вождя, как об этом достаточно выразительно свидетельствует одна позднеминойская фреска. На фреске изображен человек ростом около 2½—3 метров. На голове у него шлем, к которому прикреплен пучок длинных, пестро окрашенных перьев, из-под шлема вьются длинные локоны, рассыпающиеся по плечам. На шее несколько рядов золотых ожерелий, на руках тяжелые браслеты. В левой руке он держит жезл из слоновой кости, символ царской власти, а в правой — лилию. Ближайшую опору кносского царя составляла его дружина, изображение которой имеется на фаянсовых и других предметах критского производства. Управление производилось через доверенных лиц и царскую прислугу, снабженную специальными печатями.

Местопребыванием верховного правителя и центром управления был дворец. Второй кносский дворец по величине, архитектуре и роскоши превосходит первый дворец, на месте которого он был воздвигнут. Стены дворца были украшены причудливыми изображениями на самые разнообразные сюжеты. Во дворце было две половины: мужская и женская,— целая анфилада комнат, «тронный зал» для приема гостей и т. д. Специальные помещения во дворце отводились под кладовые, где хранились оружие, боевые колесницы, продовольственные запасы, вина, масла и другие вещи. Во дворце же находились царские мастер-

[1] Фукидид, I, 8.

ские: фаянсовые, ювелирные, оружейные и пр.

В царском дворце (лабиринте) кроме того помещалось святилище, в котором совершались религиозные церемонии (лабиринтом, собственно, называли нижнюю часть дворца, святилище, где приносились жертвы). Символом двойственной власти царя, божественной и человеческой, служил двойной топор — л а б р и с; отсюда происходит греческое слово «лабиринт», обозначающее «дом двойного топора», или «двойной секиры». Впоследствии первоначальное значение этого слова было забыто и оно стало употребляться для обозначения запутанных построек.

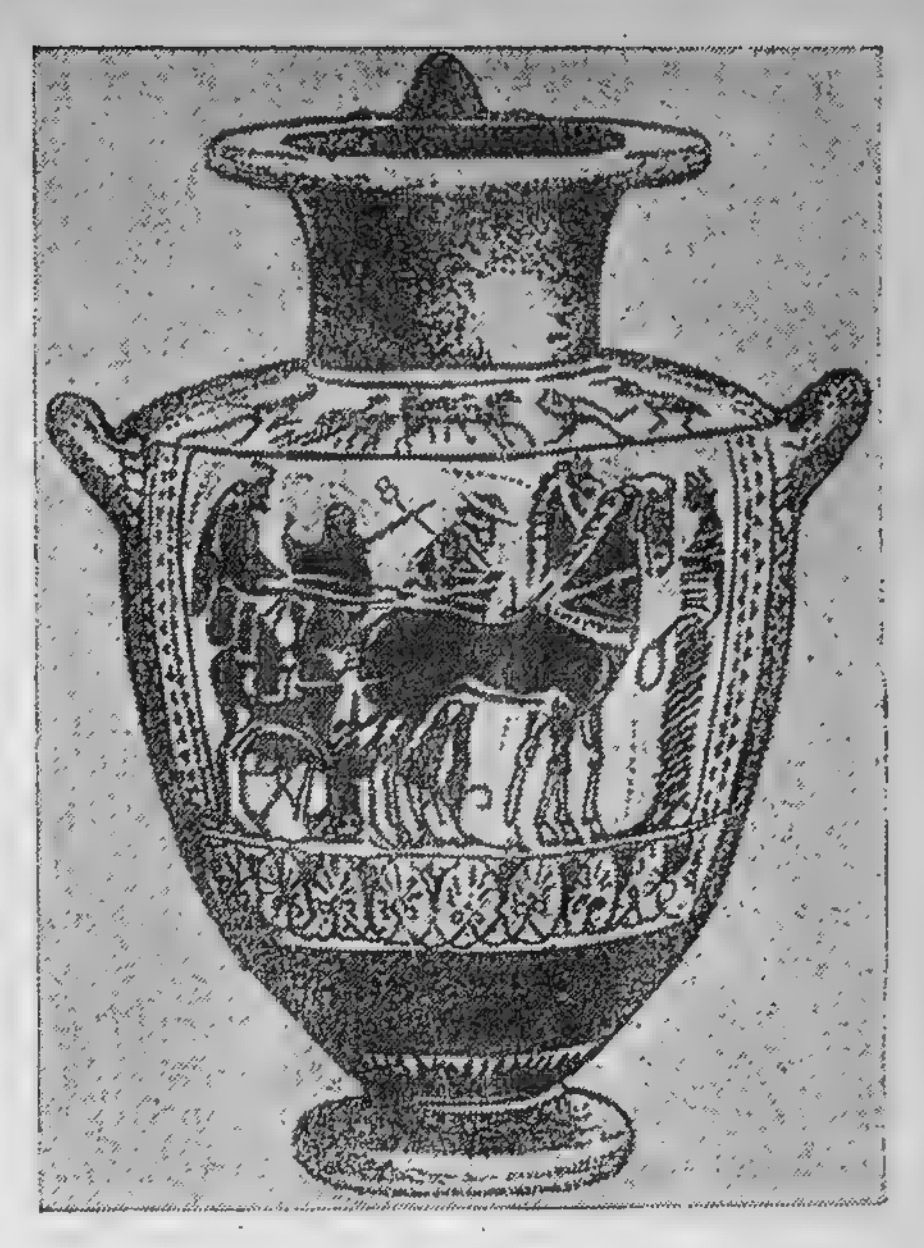
К числу интересных особенностей критского строя относится та роль, которую на Крите играли женщины. Женщины встречаются на многих критских изображениях, фресках, статуэтках и т. д.; женщина — жрица, акробат, возница, придворная дама и т. д.

Критские верования имеют много общих черт как с верованиями восточных народов, так и с греческой религией. Наряду с обоготворением священных предметов (фетишей): священных деревьев, цветов, камней, птиц, рыб и животных — предметом культа на Крите служила Мать-Земля — символ рождения и плодородия. Символом войны и военного могущества был Лабрис, которого почитали наравне с Матерью-Землей. Кроме того в системе критских верований очень важное место занимал бык, олицетворявший силу и плодородие. Так, повелитель Кноссы Минос рожден от быка, жена царя Пасифая влюбилась в быка, сын Миноса погиб от марафонского быка. Зевс в греческой мифологии изображался ввиде быка, а его жена Гера — ввиде коровы.

В честь богов совершались публичные церемонии и празднества, сопровождавшиеся играми, гимнастическими состязаниями, кулачными боями, гладиаторскими боями, боями быков, театральными и цирковыми представлениями. Широкой популярностью пользовались бои быков и акробатические упражнения.

Существенным отличием критских верований от восточных является отсутствие на Крите сильного жречества и специальных монументальных построек для отправления культа (храмов). Культовые обряды на Крите выполняли не мужчины, а женщины — жрицы.

Критская система верований и ритуал оказали большое влияние на религию последующих народов, в том числе и на греческую религию. Многие греческие боги (Зевс, Афина, Гера) зародились на острове Крите, откуда они были заимствованы греками и в трансформированном виде введены в пантеон греческих богов.



Ваза позднемикенского периода.

Мировую известность Крит приобрел своими замечательными памятниками искусства: фресками, скульптурами и полихроматической (многоцветной) керамикой. Лучшие образцы полихроматической керамики известны под именем керамики с т и л я к а м а р е с. Камарес—деревня на южном склоне горы Иды на Крите. Хронологически стиль камарес совпадает с расцветом Кносской державы. Сосуды стиля камарес поражают тонкой художественной отделкой, легкостью, изяществом, многообразием тонов и неисчерпаемой фантазией художника. Этим они резко отличаются от тяжелого великолепия восточного искусства.

Примером художественной работы стиля камарес может служить кносская ваза, представляющая шаровидный сосуд с широким отверстием без горлышка, с короткими ручками по бокам. Чрезвычайно интересна коричнево-фиолетовая ваза с лилиями — шедевр минойского керамического искусства. Той же самой эпохе принадлежит фаянсовая статуэтка — «Жрица со змеями», представляющая женщину, одетую в широкую юбку, обвитую змеями. Раскрашенная фаянсовая пластинка, изображающая корову с теленком, свидетельствует о склонности минойских художников к анималистическим сюжетам. О том же говорят и многочисленные изображения быка в различных положениях (чаще всего бегущего и рассвирепевшего).

Для критского изобразительного искусства характерно сочетание архитектуры и

живописи (фрески). От Крита осталось богатейшее наследие фресковой живописи. Отличительные черты критских художников — их любовь к природе, уменье оживлять изображаемый об'ект, сообщать всему легкость и изящество — с полной силой выступают во фресковой живописи, украшавшей стены минойских дворцов-храмов.

Художественная тематика чрезвычайно разнообразна: «Дикая кошка на охоте», «Африканский пейзаж», «Танцовщица», «Акробаты», «Куропатка и удод», «Носитель вазы», «Укротитель быка» и много других.

Высокого совершенства критские мастера достигли в изображении моря и морских сюжетов, а также цветов и растений.

Греческое искусство многим обязано критскому. Связь и зависимость греческой архитектуры и пластического искусства от критского нашла свое отражение в мифе об искусном строителе — художнике Дедале. Дедалу приписывали постройку самого Лабиринта, считавшегося чудом строительного искусства и художественной изобразительности древнего мира. Кроме того Дедал и его ученик Тал почитались как изобразители строительных инструментов: топора, бурава, отвеса, циркуля и пилы. Прибывший с Крита Дедал оживил греческую скульптуру, придав статуям динамичность, прорезав им глаза и разведя ноги и руки. Далее, с именем Дедала и его сына Икара связывали создание первого летательного прибора.

Очень многим греки и римляне обязаны Криту и в области музыки, литературы и письма. Национальные греческие музыкальные инструменты — лира и кифара — были известны их предшественникам — критянам. Лирика и эпос тоже, видимо, не являются оригинальными изобретениями «северных арийцев», т. е. греков. Сюжеты, подобные «Илиаде» и «Одиссее», разрабатывались на Крите, и возможно, что они-то и послужили образцом для соответствующих творений на греческой почве.

На темные вопросы критской истории много света должна пролить дешифровка критской письменности. Количество табличек с критскими письменами, доходящее до нескольких десятков тысяч, с каждым годом все увеличивается. Можно надеяться, что соединенные усилия ученых различных стран в конце концов увенчаются успехом, и тогда рассеется густой туман, заволакивающий одну из самых ярких страниц мировой истории.

Составные части критского алфавита более или менее ясны, но ключ к пониманию их сочетаний пока еще не найден.

Приблизительно с конца XIV столетия в критском искусстве замечается существенный сдвиг: ослабление чувства реального и вытеснение реалистического стиля формальным. Это обнаруживается при сравнении сосудов среднеминойского периода с сосудами позднеминойского периода. Художественно и технически совершенные орнаменты среднеминойского периода вырождаются в бездушный, мертвый рисунок, состоящий из нескольких холодных линий позднеминойского периода. Таков, например, рисунок на стене глиняного саркофага, изображающий «Корову с теленком»; еще более выразительны в этом отношении вазы и саркофаги, на которых начертаны стилизованные осьминоги (один из любимых сюжетов критских художников). В последнем случае стилизация доведена до крайней степени и реальное совершенно убито формальным.

Потеря чувства реального в искусстве совпадала с общим упадком Кносской державы, последовавшим в XIV—XIII столетиях. В деталях проследить это падение пока невозможно. Оно явилось следствием как внутренних, так и внешних причин.

О начинавшемся ослаблении Крита свидетельствует, между прочим, миф о Тезее, освободившем Афины от критской гегемонии, и сообщение Геродота о неудаче и гибели Миноса в Сицилии.

В конце концов Крит сделался добычей нового народа — микенцев, живших в Пелопоннесе и оттуда делавших набеги на Крит.

Выше отмечалось, что греческий континент входил в состав Кносской державы. Среди городов южной части Балканского полуострова наибольшее значение приобрел город Микены, в области Арголиды, по имени которого и весь период с XIV по XII век называется Микенским периодом, или Микенской эпохой.

Вопрос о Микенах — один из самых сложных и запутанных вопросов античной истории — находится еще в стадии предварительных исследований и обсуждений. Прежде всего недостаточно ясен вопрос о носителях микенской культуры. По господствующему в науке мнению, Крит и Микены были населены различными народами. На Крите жили негреческие племена (возможно, карийцы), а в Микенах жили греки — ахейцы, о походах которых на Трою рассказывается в «Илиаде» Гомера.

В первобытное время, как свидетельствует Фукидид, народы не имели ни прочного жилья, ни прочной территории и находились в постоянном движении. В поисках пищи и пастбищ для скота они перекочевывали с одного места на другое, пока не встречали какой-либо естественной или

искусственной преграды. Так случилось и с греками. Теснимые другими племенами, ахейцы, первая волна греческих номадов, около 2000 года до нашей эры продвинулись с Балканского полуострова, где они до того времени кочевали, дальше на юг.

Под напором ахейцев туземное население (карийцы, или пеласги) передвинулось в другие места или же подчинилось и смешалось с пришельцами. Третьим основным элементом ахейского населения были критяне, жившие в Пелопоннесе. Доказательством смешанного этнического состава ахейцев служат ахейские могильники, в которых находят предметы, принадлежащие трем вышеназванным народностям, стоявшим на различном культурном уровне.

Ахейцы составляли первый слой греческого населения, постоянно пополнявшегося новыми пришельцами с севера. Самый факт племенных переселений, или миграций, достаточно подтвержден свидетельствами античных писателей. Отрицание миграций неизбежно привело бы к схематизации, упрощенчеству и омертвлению исторического процесса. Но из этого вовсе не следует, что социальные и культурные изменения в жизни человеческих обществ надо выводить, связывать только с этническими особенностями того или другого народа или расы, как это делают фашистские фальсификаторы истории. История античного мира на всем протяжении доказывает противоположное. Никаких «чистых рас» никогда не существовало, культурные перемены, возвышение и распад обществ вызывались не сменой рас, а социально-экономическими факторами внутреннего и внешнего порядка. Притом внешние и внутренние факторы всегда взаимно обусловливали друг друга и зависели один от другого.

Как в отношении критской, так и в отношении сменившей ее микенской культуры главным источником наших сведений служит археология. В обоих случаях в первом ряду археологов стоит имя Генриха Шлимана. Воодушевленный успехами в Трое, Шлиман принялся за изучение «золотообильных» Микен, где, по преданию, должны были находиться могилы членов правящего рода Микен Агамемнона, его жены Клитеймнестры и ее друга Эгисфа. Предположения Шлимана блестяще оправдались. Раскопки Микенского акрополя (кремля) обнаружили обширные погребения, шесть высеченных в холме на глубине $7\frac{1}{2}$ метров шахтовых гробниц[1].

Микенская золотая погребальная маска.

Это послужило началом, за которым последовали дальнейшие изыскания.

Большая часть предметов, извлекаемых археологами из недр земли, шахтовых и купольных могил, относится к военному и мирному быту микенской аристократии. Ценным дополнением к памятникам материальной культуры Микен служат поэмы Гомера, в которых в значительной степени отражены быт и социальный строй Микен, кроме того мифы, в особенности аргосский и фиванский циклы.

Главным занятием микенских царей и их дружинников, так же как и критских царей, была война. Войны в древности, как уже отмечалось выше, почти не отличались от разбойничьих набегов, целью их был захват добычи, людей, скота и земель. По этой причине совершенно естественно, что в обиталищах умерших военных вождей и их дружин оружие и другие предметы военного быта превосходят все остальное.

Оборонительным оружием микенских, как и критских, воинов служили огромные щиты различной формы. Щит закрывал почти всего человека, с головы до колен. На щитах вождей помещались различные изображения, чаще всего сцены военного и

---

[1] Шахтовыми гробницами называются высеченные в скалах места погребения, имеющие форму прямоугольных колодцев. Другой тип погребения представляют купольные могилы, по форме напоминающие пчелиные ульи. Купольные могилы, более позднего происхождения чем шахтовые, очень большие по размерам, воспроизводят в колоссальном масштабе древнейшие жилища средиземноморских народов. Представление о купольных могилах дает «Могила Агамемнона» в Микенах, известная под именем «Сокровищницы царя Атрея». Над могилой водружалась плита (стелла) с надписями и изображениями. На основании изображений на стеллах, вазах, кубках, кольцах, лезвиях кинжалов и других предметах микенского быта можно составить довольно отчетливое представление о характере и уровне микенской культуры и микенского общества.

Женщина.
Микенская статуэтка.

охотничьего быта. Щиты делались из кожи и металла.

Представление о такого рода щите дает щит Ахилла, описанный Гомером в XVIII песне «Илиады». На этом щите греческий мастер, знаменитый кузнец Гефест, изобразил небо со звездами и созвездиями, землю и океан, омывавший землю. Кроме того на щите были представлены два города: один — осажденный врагами, а другой — наслаждающийся мирной жизнью. Следующий пояс воспроизводил картины сельской жизни: весенние, летние и осенние полевые работы, стадо волов, подвергшихся нападению льва, и т. д.

Головы микенских дружинников прикрывались остроконечными шапками, служившими шлемами. Наверху шапки прикреплялся султан, сделанный из конского волоса. Спереди шлема помещались два рога, имевшие магическое назначение защищать их носителя от злых умыслов, демонов и врагов. Из наступательных оружий были известны луки, вырезывавшиеся из дерева или кости, кинжалы, мечи и копья. В «Одиссее» описан замечательный лук Одиссея, сделанный из рогов антилопы:

«Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
Нет! не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть! но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет».

Для дальнейшего рукопашного боя служило копье. Кроме того необходимой принадлежностью каждого воина являлись бронзовые мечи и кинжалы, в большом количестве находимые в местах погребения по всему Средиземноморскому бассейну. Предводители военных дружин, цари, или басилеи, сражались в первых рядах. Метательным оружием, кроме лука, служила праща. Сражение происходило по определенным правилам тактики и стратегии, как это можно заключить по изображению на одном серебряном лубке из Микен и по описанию битв у Гомера. Бои начинались с поединков вождей, выступавших на боевых колесницах.

Оружие, как и вообще все предметы быта микенской аристократии, поражает своим богатством и роскошью. Помимо богато инкрустированных мечей, кинжалов, щитов с выгравированными орнаментами, в могильниках находили массу золотых перстней, так называемых островных камней. Перстни изготовлялись из дорогих камней: порфира, яшмы, аметиста, агата и др. — и украшались разнообразными гравированными изображениями, воспроизводившими обрядовые обычаи, охоту на зверей, картины военного быта, сельской жизни и т. д. Не меньшую роль в туалете мужчин и женщин играли серьги, ожерелья, бусы, браслеты, булавки для закалывания платья и булавки для волос. Кроме того знатные женщины Микен носили на головах золотые диадемы ввиде ленты, охватывавшие голову, украшенные красивыми спиральными орнаментами и розетками. Особенно сложна и роскошна была парадная одежда микенских женщин. Женщины носили длинные широкие юбки, состоявшие из нескольких нашитых один на другой кусков материи. Верхняя часть туловища оставалась обнаженной, длинные косы и пряди волос ниспадали на плечи и спину.

Необходимой принадлежностью туалета являлись золото и серебро. Из них приготовлялись самые разнообразные предметы: диадемы, булавки, кубки, бокалы, инкрустации оружия и пр. Золотые пластинки ввиде масок клали на лица умерших вождей. Из массы золотых и серебряных кубков, найденных в Микенах и других центрах микенской культуры, выделяются два золотых кубка критской работы из могильника при деревне Вафио, около Спарты. Кубки из Вафио указывают на высокую

технику, художественный вкус и фантазию изготовлявших их мастеров. На одном из них изображена охота на дикого быка, на другом — прирученный бык служит человеку, покорно следуя за ним на работу.

Превосходной художественной работы «Кубок с голубями» напоминает кубок пилосского басилея Нестора, описанный в «Илиаде»:

«Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский».

Дорогое оружие, боевые колесницы и украшения выделяли микенских царей и их дружинников из массы рядового населения (лаой). Еще резче социальное неравенство выступало в характере жилья. В то время как масса населения ютилась по убогим лачугам, цари жили в обширных укрепленных дворцах (полисах). Руины этих дворцов сохранились во всех странах Средиземноморья как безмолвные свидетели былой мощи микенской знати. В центре микенской культуры, в Арголиде, на высоком холме, были расположены Микены, местопребывание правящего рода Атридов (или Атреидов), к которому принадлежал «царь народов» Агамемнон. В юговосточном направлении от Микен, у моря, на крутой скале, возвышалась его резиденция Тиринф; в Спарте проживал брат Агамемнона Менелай и т. д. Развалины замков сохранились в Орхомене, Фивах (Беотия), Афинах, на островах Эгейского моря, в Троаде и т. д.

Центральную часть дворца составлял мегарон (большой зал); середину этого помещения, пол которого был устлан алебастровыми плитами, занимал очаг, кругом которого возвышались четыре колонны. В отличие от обычных колонн крито-микенские колонны подымались вверх не узкой, а широкой частью, что вызывалось стремлением более целесообразно использовать строительный материал.

Стены замков-дворцов оштукатурены и богато украшены рисунками. В верхнем и нижнем этажах находились различные помещения, предназначавшиеся для дружин, многочисленных родственников и хранения запасов. Стены замков строились из огромных каменных глыб, совершенно неотесанных (циклопические постройки[1]), или плотно пригнанных друг к другу каменных плит (полигональные постройки). Перед главными воротами замка помещались изображения львов («Львиные ворота» в Микенах) или какие-либо другие подобные произведения монументальной скульптуры.

В случае опасности замок-дворец представлял надежное убежище, в котором мог укрываться как сам басилей, так и население прилегавшей к замку округи. В черте замка обычно помещалась усыпальница владетельного рода, шахтовые и купольные могилы колоссальных размеров. Вышеназванная могила Агамемнона в Микенах высечена в горе. Внутрь могилы ведет широкий длинный коридор в 35 метров. Коридор упирается в высокую дверь, перекрытие которой составляют две чудовищных размеров каменные плиты весом в 120 тысяч килограммов.

Кроме могильников и дворцов в микенскую эпоху строились большие дороги и ирригационные сооружения.

Размеры построек и трудность их возведения приводят к убеждению, что они были возведены не иначе, как путем концентрации усилий многих людей (всего вероятнее, рабов и зависимого иноземного населения, «царских крепостных») и в течение долгого срока.

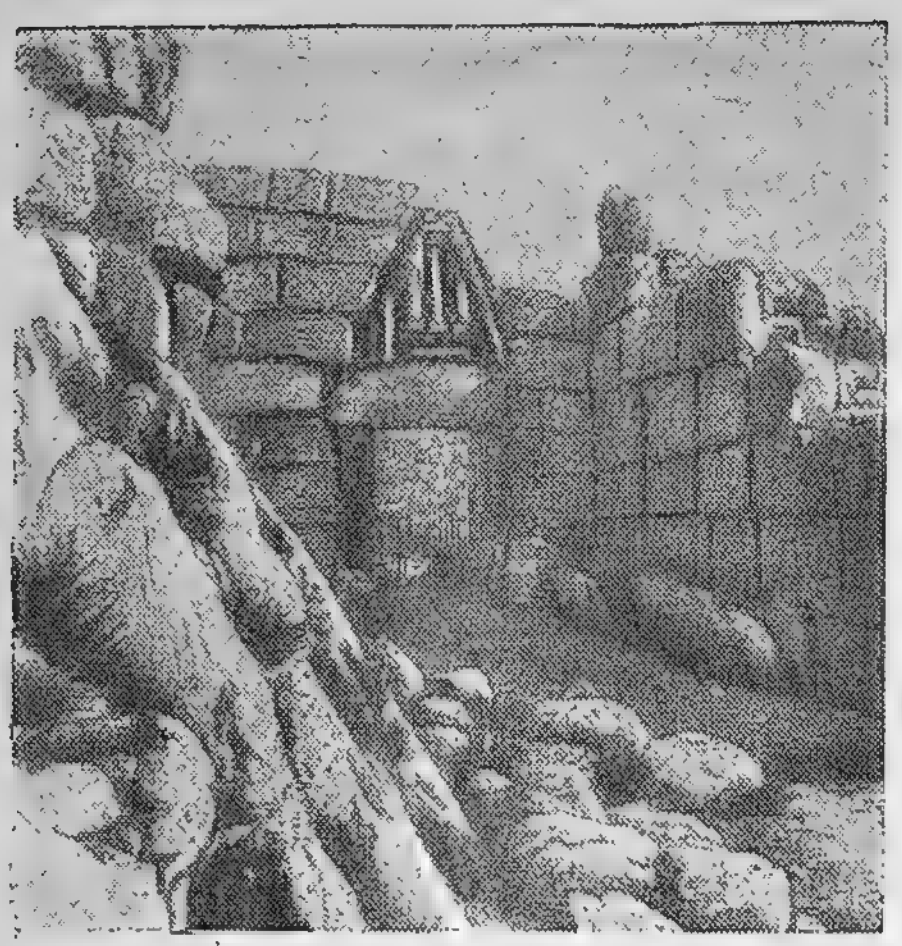
Памятники микенского искусства грубее и примитивнее критских и обнаруживают следы подражания и зависимости. Это прежде всего относится к микенской керамике, в отношении орнамента и работы значительно уступающей критской. То же и в отношении строительного искусства, скульптуры и ювелирных предметов. В интеллектуальном отношении микенское общество тоже стояло ниже критского, что доказывается почти полным исчезновением письменности.

Лучшими памятниками монументальной культуры Микен считаются «Львиные ворота» в Микенах, фрески, изображающие процессию женщин в Фивах и Тиринфе, раскрашенный потолок в Орхомене и некоторые другие.

Подобно критскому обществу микенское общество представляется классовым обществом с сильной и богатой аристократией, возглавляемой «царем царей» Агамемноном

---

[1] Самый термин «циклопические постройки» введен греческим писателем-путешественником Павзанием (II век нашей эры). Огромные каменные плиты Тиринфа и Микен (в три и более метра в длину и метр в ширину), по мнению Павзания, не могли быть сложены руками людей. Он полагал, что это — дело сверхчеловеческих рук, работа одноглазых гигантов — циклопов, пожирателей людей.



«Львиные ворота» в Микенах.

из древнего рода Атридов. Агамемнон, как мы знаем по Фукидиду и Гомеру, владел большим богатством и имел флот, превосходивший морские силы всех прочих греков. Гомер в своем богатом лексиконе не находит слов для передачи могущества микенского царя, называя его «повелителем мужей», «пастырем народов», торжественно выступающим в собрании с царским скипетром, сделанным из слоновой кости богом-кузнецом Гефестом, и т. д. «Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов, все скипетроносцы ахеян...»

Немым свидетелем могущества, славы и влияния Агамемнона служат руины его дворца-замка, в котором главный (тронный) зал — мегарон — занимал 12 метров в длину и 10 метров в ширину; стены его были украшены фресками, по изяществу рисунка и яркости не уступавшими критским фрескам.

В социально-политическом строе Микен много черт, сходных с этрусским строем (VIII — VI века до нашей эры), а этрусский строй Маркс относил к типу восточных деспотий. Следовательно, к той же категории следует отнести и «златообильные» Микены.

5

Большая часть жизни микенских владык проходила в походах и внутренних раздорах. Борьба шла за царский трон, за первенство между царскими родами и за первенство в каждом отдельном роде. Внутриродовая борьба нашла отражение в греческой мифологии и трагедии, в «чудовищных драмах царских родов Микен и Фив» (Маркс).

Жажда добычи и приключений гнала микенских басилеев на далекие, рискованные походы. В период своего могущества микенские Атриды подчинили своему влиянию не только других басилеев Греции, но закрепили свое влияние в Египте, Малой Азии, Кикладских островах и в западной части Средиземноморья. Около XIV века в Малой Азии, в Памфилии и на близлежащих островах, образовалось самостоятельное Ахейское царство (Ахайява), известное нам из памятников хеттской письменности. Между Ахайява и Хеттской державой существовали сложные отношения, то мирные, то враждебные; отношения эти оказывали большое влияние на тогдашний мир. В XIII веке, после поражения при Кадеше (1290 год), Хеттское царство на некоторое время ослабло и гегемония в южновосточной части Средиземноморья, повидимому, перешла к ахейцам. В XIII—XII веках ахейцы совместно с другими народностями (карийцами, каликийцами, тевкрами, данайцами, пеласгами и др.), освободившимися от хеттской зависимости, наступают на Египет, как о том сообщают египетские памятники. Но, после того как названные народы потерпели поражение от фараона Рамзеса III, «ахейская коалиция» распалась и вся масса народов рассыпалась по островам и берегам Средиземного моря. К этому времени относится основание городов сирийского побережья (Газа, Аскалон, Экрон и др.), игравших большую роль в последующей истории. Палесат, или палешут (филистимляне), оттеснили сидевших в Ханаане израилитов и утвердились в Палестине, названной по их имени. В Италии в это время обосновались этруски.

Распад Хеттского царства развязал руки как южным, так и северным ахейцам, уже давно стремившимся завладеть берегами Геллеспонта и утвердиться в Троаде. Однако все попытки микенцев захватить Трою кончились неудачей. Троя, или Троада, — область с городом того же наименования — находилась в северозападном углу Малой Азии. Троада занимала широкую береговую полосу — равнину, пересекаемую отрогами горы Иды и орошаемую реками Схамандротом и Симоентом.

Благодаря плодородной почве и исключительно выгодному положению при море Троя с давних пор привлекала к себе поселенцев. Археологические исследования, в особенности исследования американского археолога Блегена, констатировали наличие древнейших поселений в Трое, относящихся к IV тысячелетию до нашей эры. В период гегемонии Крита Троя входила в сферу влияния Крита и критской культуры.

Поселения в Троаде несколько раз возникали, исчезали и вновь появлялись. В настоящее время устанавливают целых 12 слоев деревень и городов (вместо традиционных 9), напластованных друг на друга. Гомеровская Троя, осаду которой описывает «Илиада», составляет шестой город.

На холме в юговосточной части города были расположены кремль (пергам), храм и дворец троянского басилея Приама и его сыновей Гектора и Париса. Этническая принадлежность троянцев неясна. В описываемое Гомером время в Троаде жило много племен, среди них фракийцы и тевкры, племена, родственные хеттам. Греческое название Трои — Илион, отсюда происходит и «Илиада». Троя пользовалась славой «богатого золотом и бронзой города» и всегда привлекала к себе взоры хищников тогдашнего мира. Под стенами Трои происходили ежегодные ярмарки, на которые собирались купцы Эгейского моря и северных морей. В походе микенских басилеев под Трою торговые соображения играли далеко не последнюю роль.

В конце XII века Агамемнон предпринял генеральный поход на Трою, об'единив басилеев всех, больших и малых, греческих общин — от Крита и Родоса до Кефалении, от Пилоса до Додоны. В «Илиаде» дан «Каталог греческих кораблей», отправившихся под Трою. По тогдашним понятиям, это было колоссальное, многоплеменное войско, количество которого невозможно было даже и исчислить.

«Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел не слабеющий голос и медные перси;
Разве небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян».

Фукидид указывает, что Агамемнон мог составить такой огромный союз потому, что он был самым могущественным царем среди эллинов и располагал флотом, превосходившим морские силы всех остальных басилеев. «Он значительно превосходил всех морскими силами и потому собрал войско в поход не столько вследствие расположения к себе, сколько действуя страхом».

Ахейскому союзу Приам, басилей Трои, со своей стороны, противопоставил об'единение из союзных с ним племен. Силы противников оказались равными, вследствие чего Агамемнон вынужден был отказаться от быстрого захвата города и перейти к длительной, десятилетней осаде. В конце концов, Троя была взята, но эта победа стоила ахейцам чрезвычайно дорого и не дала желаемого результата. «Сокровища Приама», из-за которых, собственно, и был предпринят поход, погибли во время пожара города и не попали в руки ахейцев. Большая часть войска и вождей погибла в боях или же бесславно возвратилась домой:

«Так Телемаку ответствовал Нестор, герой Геренейский:
Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пелидом,
Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали...»

Троянская война была последним крупным предприятием Микен. После этого начинается упадок Микен, отлив ахейцев на восток, в Малую Азию, и, с другой стороны, приток новых греческих племен с севера. С XII века начинается переселение дорийских племен. В поисках пастбищ и земель дорийцы, или доряне, под напором фракийско-иллирийских народов продвигаются в глубь Балканского полуострова. Часть их оседает по дороге, а другая часть доходит до Пелопоннеса, захватывает плодородную Лаконскую равнину, переправляется на Крит и размещается по островам Эгейского моря.

Троянская война, заселение ахейцами Малой Азии и дорийское переселение представляют тесно связанные друг с другом факты, различные стороны одного исторического процесса — распада Микенского царства.

Фукидид, наш главный источник, называет время после троянской войны смутным временем, эпохой длительных перемещений, войн, грабежей и насилий.

«После Троянской войны в Элладе все еще происходили перемещения жителей и новые заселения, так что страна не знала покоя и потому не преуспевала, — пишет Фукидид. — Возвращение эллинов из-под Илиона замедлилось, что повело к многочисленным переменам.

В государствах возникали частые междоусобицы, вследствие которых изгнанники стали основывать новые города. Так, на шестидесятом году по взятии Илиона нынешние беотяне, вытесненные фессалийцами из Арны, заселили теперешнюю Беотию, прежде именовавшуюся Каднейской землей. На восьмидесятом году доряне вместе с Гераклидами овладели Пелопоннесом... Лишь много времени спустя, да и то с трудом, Эллада прочно успокоилась, в ней не было больше передвижений, и эллины стали высылать колонии»[1].

[1] Фукидид, I, 12.

Е. Лившиц

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЕ

История в школе — орудие классового воспитания

В школах Третьей республики преподавание истории занимает большое место, как сильнейшее орудие обработки молодого поколения в духе преданности буржуазному строю. Извращая прошлое Франции, фальсифицируя ее богатую революционными битвами историю в интересах защиты господства буржуазии и отвлечения масс от революционной борьбы, французская низшая и средняя школа («элементарная», «высшая элементарная», лицей и коллеж) одновременно нередко ловко использует в этих же целях, а также в целях воспитания буржуазного патриотизма и шовинизма, лучшие традиции французского народа и его демократические симпатии для прикрашивания капиталистического строя, особенно путем смазывания классового характера буржуазной демократии, изображения ее «внеклассовой» и общенародной.

С конца XIX и в первую треть XX века во Франции под влиянием революционного движения пролетариата появились новые течения в вопросах преподавания истории. Представители левого учительства выдвинули требование (в условиях капитализма явно утопическое), чтобы преподавание истории носило научный характер и чтобы история освещалась с точки зрения классовой борьбы пролетариата. Против этого требования были мобилизованы все средства правительственного аппарата управления школы, реакционная часть буржуазных и мелкобуржуазных организаций родителей, реакционная часть учителей. Против него выступили также буржуазные социологи, выдвигая лживые, антинаучные теории о том, что в «современном государстве нет классов и классовой борьбы».

Официальные руководители французской школы требуют, чтобы учителя устанавливали тесную связь между преподаванием истории и преподаванием «граждановедения» и «морали», которые служат целиком интересам французского империализма.

Наиболее ярким примером приспособления преподавания истории к интересам защиты господства буржуазии служит трактовка французской буржуазной революции 1789 года в официальных учебниках по истории.

При некоторых небольших расхождениях большинство учебников дает в основном сходное освещение французской революции и ее места в истории.

Все учебники очень сочувственно оценивают первый этап революции, до казни Людовика XVI и террора. Учебники драматически изображают собрание генеральных штатов, наказы, данные представителям третьего сословия, борьбу за голосование всех членов собрания и против голосования по куриям, мужественное поведение представителей третьего сословия в собрании, взятие Бастилии, вотирование уничтожения феодальных прав 4 августа.

Но в освещении роли Конвента, террора против контрреволюции, борьбы жирондистов и якобинцев учебники занимают антиреволюционную позицию, всячески прививая учащимся отвращение к плебейским методам борьбы. Маркс в 1848 году писал в «Рейнской газете» о якобинцах: «Террор 1793 г. есть ничто иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией» [1]. Мы знаем, что Ленин высоко ставил именно эти методы и таких буржуазных революционеров, как Робеспьер: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [2].

Французские учебники истории стремятся привить учащимся ненависть к красному террору и якобинцам. Описывая дни красного террора, один из учебников отмечает ряд реформ, введенных Конвентом, но подчеркивает «ужасные убийства виновных и невинных» [3]. Другой учебник гово-

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 270.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 250.
[3] J. Bouniol et E. Nouvel «De la Renaisance à 1815». Paris. 1934.

рит о том, что период существования Конвента был наиболее жестоким и кровавым в истории Франции [1].

Правда, некоторые учебники очень робко говорят о том, что решительные меры, принятые Конвентом, были вызваны крайне тяжелым положением Франции в 1793 и 1794 годах, когда она была окружена войсками реакционной Европы и внутренние враги, поднявшие восстание в Вандее, — федералисты, контрреволюционеры, бунтующие представители духовенства, спекулянты—представляли огромную опасность для революции. Но, констатируя эти факты, говоря о том, что только энергичные действия Конвента и его решимость довести борьбу с врагами революции до конца обеспечили ей победу, авторы учебников в то же время стараются ослабить впечатление, которое могут произвести приведенные факты, стремясь вызвать отвращение к революционному террору и революционным вождям Конвента — якобинцам.

В учебнике истории для обучения в элементарной школе говорится следующее:

«Террор проводился главным образом Робеспьером, членом Конвента и Комитета общественного спасения. ...Террор окончился, когда армии Конвента одержали победы на всех фронтах. Нельзя ли было добиться тех же успехов без этого ужасного режима?» [2].

В учебнике для учащихся высшей элементарной школы сказано:

«Конвент энергичными или жестокими мерами восстановил порядок: закон о максимуме, принудительные из'ятия, закон о подозрительных; восстание Вандеи было подавлено, и враги были разбиты на всех фронтах.

Робеспьер злоупотребил своим успехом, под его влиянием был издан закон о большом терроре. Его тирания возвела его на эшафот (9 термидора)» [3].

Учебники в угоду буржуазии высказывают отрицательное отношение к непримиримости монтаньяров. Они стараются внушить учащимся, что жирондисты были горячими сторонниками революции, что некоторые монтаньяры, как например Дантон, хотели вступить с ними в соглашение, но «наиболее ограниченные члены Конвента сопротивлялись этому, и это было гибелью для революции» [4]. Этот же учебник внушает учащимся, что исключение 34 жирондистов из Конвента, которое произошло 31 мая 1793 года, было покушением против представителей народа, что это был «государственный переворот, который был гибельным для законности и свободы».

Некоторые учебники отмечают, что жирондисты боролись против казни короля, что они в минуту величайших опасностей, угрожавших французской революции, устраивали восстания против революционной власти, но одновременно дают им хвалебные характеристики.

О жирондисте Вернио говорится как о «великом гражданине», о человеке с прекрасным сердцем, благородными мыслями, величайшем ораторе Конвента [5].

Другой учебник дает восторженную характеристику жирондистке Роланд, не жалея красок на описание красоты ее глаз, улыбки, тонких рук и т. д. [6].

Учебники стараются воспитать у учащихся отрицательное отношение к Робеспьеру — вождю якобинцев.

Тем самым эти учебники стремятся дискредитировать революционные методы борьбы, чтобы отнять у пролетариата оружие, которым пользовалась буржуазия, когда она была революционным классом и боролась против феодализма.

Подводя итоги деятельности Конвента, большинство учебников, однако, признает за ним ряд заслуг. Эти заслуги — победа над внешними врагами, расширение территории Франции до ее естественных границ, уничтожение феодализма и абсолютизма, реформа народного образования и завоевание буржуазных свобод.

Глава об истории революции конца XVIII столетия используется для того, чтобы внушить учащимся, что буржуазная Франция является страной, в которой народные массы уже пользуются всеми свободами и равенством. Ни один из учебников не говорит о том, что «свобода» во французской Третьей республике базируется на капиталистической собственности, с которой несовместима действительная свобода пролетариата и широких масс трудящихся.

Ярким примером извращения исторических фактов с целью воспитания у молодежи буржуазного мировоззрения является

---

[1] Plothier et Ch. Triand «La Nouvelle Histoire de France vivante». Cours moyen, p. 94.

[2] I. G. Duvillage (G. Clemendot) «Histoire de la France, Histoire de la nation, Histoire de la civilisation». Cours élementaire et moyen. Paris. 1932, pp. 186—187.

[3] E. Driault et M. Randoux «Précis d'Histoire de France». Ecoles primaires supérieures 1, 2, 3 années. Cours complémentaire. Brevet elémentaire. Paris. 1925.

[4] L. Brosselette «Cours moyen». Paris. 1933, p. 154.

[5] Legrandet Martin «Les grands faits de l'histoire de la France». Paris. 1934.

[6] Brosselette «Histoire. Ecoles primaires supérieures». Deuxième année. Paris. 1935.

трактовка Парижской коммуны. О ней французские программы по истории, в том числе и программа, вышедшая в 1938 году, совершенно не упоминают. Коммуна упоминается лишь в некоторых учебниках, которые уделяют ей несколько строк. Эти строки используются для того, чтобы распространить клевету о Коммуне, чтобы дискредитировать ее и чтобы восхвалять ее душителя — Тьера. Коммунары изображаются «поджигателями» и «убийцами», а контрреволюционеры — «истинными жертвами», Тьер — «спасителем отечества» и «республиканцем».

Уроки истории нередко используются для религиозного воспитания, хотя формально французская школа — «светская» школа, и религия — как особый предмет — в ней не преподается.

В учебнике для старшего класса средней школы есть целая глава, носящая название «Реставрация католичества», в которой освещается деятельность «святых». Среди этих канонизированных «святых» видное место занимают миссионеры, которые укрепляли авторитет Франции в колониях и святость которых заключалась в том, что они помогали французским империалистам в их колониальной политике.

Систематически детям внушается, что парламентские методы целесообразнее революционных методов борьбы рабочего класса. Вот, например, как излагается свержение монархиста Мак-Магона и замещение его в результате голосования республиканцем Греви в 1877 году: «Выборы показали, что страна осталась верна республике. Тенденции к политическим переменам, действовавшие за весь период от 1789 года до 1870 года и выразившиеся в революциях и переворотах, были реализованы при помощи простой подачи избирательного бюллетеня».

Учебные планы, программы по истории, принцип отбора материала

Преподавание истории начинается со второго года обучения и продолжается до последнего года обучения в элементарной школе-восьмилетке, а также в высшей элементарной школе, где курс обучения длится три года.

Таким образом, в элементарной школе история изучается семь лет, а в высшей элементарной школе — три года.

В системе школ, которые готовят в университет, т. е. в лицеях и коллежах, преподавание истории продолжается в течение одиннадцати лет: четыре года в приготовительных, или элементарных, классах и семь в основных.

Преподавание истории в элементарной школе сводится в настоящее время преимущественно к преподаванию истории Франции. На втором и третьем годах обучения проходят курс истории Франции до начала XVII века, до 1610 года (до Нантского эдикта), а на четвертом и пятом годах обучения — историю Франции от Нантского эдикта до конца первой мировой империалистической войны. Шестой год, по новым программам и учебным планам 1938 года, является годом повторения всего пройденного курса истории. На седьмом году даются краткие сведения о Востоке, об истории Греции и Рима и курс истории тех государств, с которыми связана история Франции. На этом заканчивался до сих пор курс истории в элементарной школе Франции. По закону 1936 года, число лет обучения в элементарной школе увеличено на один год, т. е. введен восьмилетний курс обучения. Содержанием этого курса являются история цивилизации и история труда, история развития техники и развития социальных и экономических отношений, но ни в программах, ни в учебниках нет ни одного слова об эксплоатации человека человеком, о классовой борьбе пролетариата и его вождях — Марксе, Энгельсе, Ленине, Сталине.

В средней школе, в лицеях и коллежах курс истории начинается в элементарных, или приготовительных, классах. В них проходят в течение четырех лет курс истории Франции. В первом, основном, классе лицеев и коллежей проходят Восток, Грецию и Рим; во втором классе — историю Рима, в которой имеется пункт о Галлии под властью римлян (т. е. о жизни предков современных французов)[1]. В третьем классе проходят историю Европы и главным образом Франции — от падения Римской империи до Столетней войны, — в четвертом классе — историю Европы и Франции в XIV, XV и XVI веках. В пятом классе — историю XVII и XVIII веков. История Франции занимает доминирующее место в программе этого класса, а история Англии и других государств играет второстепенную роль. В шестом классе проходят современную историю до половины XIX века, которая почти целиком посвящена истории Франции (революции конца XVIII века, реставрации, июльской монархии). Истории Англии и Соединенных штатов Америки уделено несколько строчек в этой программе. В седьмом классе проходят новую историю от половины XIX века, причем Франции опять-таки посвящено наибольшее внимание. Таким образом, Франция на протяжении всего курса истории средней школы, за исключением первого

[1] «Horaires et programmes de l'enseignement secondaire des garçons et de jeunes filles». Paris. 1938.

класса, занимает центральное место в программах средней и новой истории.

Французские программы по истории изложены очень кратко. Так например программа по истории для четвертого и пятого годов обучения в элементарной школе занимает пять строчек; вся программа по истории для средней школы занимает десять страниц (малого формата).

Французские методисты рекомендуют учителям при отборе материала концентрировать внимание учащихся лишь на тех фактах, которые иллюстрируют идеи, имеющие особенно важное значение для «формирования мировоззрения», т. е. буржуазного мировоззрения. В качестве центральных моментов истории Франции они выдвигают следующие: рост территориального и политического могущества Франции, рост ее культурных достижений, характеристику Третьей республики.

Учителю элементарной школы рекомендуется останавливаться более детально на собирании французской земли в период от XI до XIV века и на тех королях, которые содействовали этому, на абсолютной монархии, которая завершила процесс об'единения Франции, на ее падении, на фигурах Людовиков XIV, XV, XVI, на образовании Третьей республики, на ее борьбе «с врагами республиканского режима», на ее «достижениях». Третьей республике отводится центральное место в курсе истории элементарной школы. Важнейшая задача учителя заключается в том, чтобы показать учащимся, что строй парламентарной буржуазной республики является лучшей формой государственного устройства.

Значительное место отводится в курсе истории развитию культуры во Франции, успехам техники, науки, искусства.

С историей других народов учитель знакомит детей только в тех случаях, когда это связано с историей Франции.

Учителю не рекомендуется настаивать на том, чтобы дети помнили все договоры, заключенные Францией с другими государствами, чтобы они знали политику министров всех французских королей, не рекомендуется также вдаваться в анализ всех конституций и партий, игравших ту или иную роль в истории Франции XIX века, и т. д.

Преподаватели истории должны максимально ограничивать количество сообщаемых фактов, событий, дат, имен, отнюдь не перегружая ими память учащегося и сообщая лишь то, без чего не может быть систематического изложения курса и что является безусловно необходимым для «воспитания мировоззрения». Но изложение фактов и событий, иллюстрирующих основные идеи, должно быть максимально ярким и рельефным.

Приемы преподавания истории

Вопрос о том, как справиться с трудностями, возникающими в процессе преподавания истории, не раз обсуждался во французской педагогической печати. Некоторые методисты считали, что курсу истории необходимо предпослать несколько уроков, которые знакомили бы детей с «элементарными понятиями истории», т. е. дали бы им представление о прошлом, о тех исторических терминах, которые чаще всего употребляются и являются наиболее важными. Недостаток этого приема заключается в том, что об'яснение терминологии до того, как дети успели познакомиться с историческими фактами, не дает хороших результатов. Другие считали, что никаких вводных уроков не нужно, что дети постепенно получат представление о времени и научатся понимать исторические термины в процессе усвоения курса истории. Некоторые предлагали идти от современности к прошлому, считая, что этого требует один из основных принципов педагогики, который предписывает идти от близкого к далекому. Опыт показал, однако, что при таком приеме обучения дети получают неправильное представление об исторических фактах, думая, что те события, о которых они раньше узнали, произошли раньше. В настоящее время во французской методике преподавания истории господствует взгляд, что историю необходимо излагать, начиная с прошлого и идя к настоящему[1].

Для уточнения представления о прошлом рекомендуется использовать ряд приемов, которые помогли бы детям понять и усвоить специфическое отличие истории каждого века путем усвоения ряда фактов и событий, характерных для него.

Инструкция к новой программе по истории для первого класса средней школы от 30 августа 1937 года уделяет большое внимание выработке у учащихся правильных представлений о времени. Инструкция рекомендует предпослать курсу истории этого года ряд уроков, имеющих целью уяснить детям «хронологические понятия». При помощи ряда упражнений дети должны научиться отличать длительность жизни человеческого поколения, длительность века и т. д. Эти понятия должны быть об'яснены детям на простых примерах, заимствованных из элементарного курса истории, который уже пройден учащимися в течение предыдущих четырех лет, а также из современности. Упражнения в выработке правильных представлений о времени заключаются в том, что дети сравни-

[1] «Instruction du 20 juin 1923. Relative au nouveau plan d'études des ecoles primaires elémentaires. Plan d'études et programmes des ecoles elémantaires». 1938.

вают продолжительность жизни отдельных людей с продолжительностью века, продолжительность века с определенными историческими периодами, относительно ограниченную продолжительность всей истории с бесконечной продолжительностью предистории.

Сознательному усвоению исторической терминологии уделяется большое место в изложении урока.

Во французской педагогике широко применяется принцип наглядности. В это понятие входит прежде всего так называемая «чувственная наглядность», т. е. усвоение знаний при помощи контакта с самим предметом или его изображением. На принципе «чувственной наглядности» базируется прежде всего преподавание истории детям младшего возраста (семи и восьми лет). Первые уроки истории для детей этого возраста сводятся просто к тому, что учитель показывает им картинки, изображающие какие-нибудь факты и события из истории Франции, и об'ясняет их. Преподавание истории на втором и третьем годах обучения в элементарной школе построено главным образом на широком применении «чувственной наглядности». Следующим этапом является применение «наглядности в переносном смысле», которая требует, чтобы учитель рассказывал урок так, чтобы детям казалось, что они видят своими глазами то, о чем говорит учитель.

Методика преподавания истории подчеркивает, что уже на среднем курсе элементарной школы, т. е. на четвертом и пятом годах обучения, а в особенности на шестом, седьмом и восьмом годах приобретает большое значение логический элемент. Учитель не может уже ограничиваться простым изложением фактов и их расположением: он должен заботиться о том, чтобы дети понимали причинную связь между фактами.

На среднем и старшем курсах уже необходимы обобщения и определения, и к ним рекомендуется идти индуктивным путем, т. е. от фактов, от описания обстановки, биографий к понятиям [1]. Благодаря этим приемам изложение становится наглядным. При этом учитель должен во всех случаях, где это только возможно, иллюстрировать свой рассказ при помощи «чувственной наглядности», т. е. используя гравюры, картины, портреты, таблицы, карты, графики, исторические памятники.

Большинство исторических терминов, как например термины: «абсолютная монархия», «падение монархии», «феодализм» и т. д. — являются абстракциями, которые могут быть поняты детьми, когда они знают достаточное количество типических черт, характеризующих монархию, феодализм и т. д. Чтобы сделать понятными термины «монарх, монархия», преподавателю рекомендуется рассказать детям о Людовике XIV, обрисовать его внешность, черты его характера и его политику, описать его поведение в среде придворных, в совете и т. д.

Этот принцип рекомендуется использовать не только для того, чтобы об'яснить детям то или иное отдельное понятие, но и для того, чтобы строить на нем такие уроки, как например урок о феодализме, целью которого является дать детям ясное представление о содержании этого исторического термина. Учителю рекомендуется показать детям ряд картин, изображающих сцены из жизни феодалов и жизни крестьян: картину, изображающую замок феодала, его внешний вид и внутреннее устройство. Демонстрация картин должна сочетаться с рассказом учителя о жизни феодалов, об их времяпровождении, развлечениях, пирах, охотах, турнирах. Дети рассматривают картины, изображающие жизнь крестьян, их жалкие жилища, как они во время голодовок питаются травой; картины, изображающие крестьян, отбывающих феодальные повинности, крестьян, которые рубят лес для сеньора и приносят в его замок кур, яйца. Преподаватель показывает детям изображение сборщиков податей, отнимающих у крестьянина весь его скарб, включая и детскую колыбель, которую крестьянка-мать пытается вернуть силой. Детям демонстрируют также картины войн между феодалами и рассказывают о последствиях этих войн — полном разорении крестьян.

После демонстрации картин и об'яснений, данных учителем, делается первое обобщение: «В такие-то века вся Франция была покрыта замками, которые принадлежали сеньорам. Земля каждого сеньора представляла маленькое независимое государство. Эти государства постоянно воевали друг с другом. В X и XI веках король был слаб и сеньоры сами защищали свою землю. Франция была в это время слаба и раздроблена».

После этого учитель рассказывает детям о том, что более сильные сеньоры (сюзерены) властвовали над менее сильными, которые обязаны были им подчиняться. При этом дается определение терминов «вассал, сюзерен, феодализм». Наконец, выясняется и последнее понятие: король — главный феодал.

«Индуктивный метод» требует большой затраты времени на подготовку к

[1] H. Pomot «Inspecteur d'Académie. L'Enseignement de l'histoire à l'école primaire». «L'Enseignement publique» № 4. 1927.

уроку и много времени для выяснения каждого абстрактного понятия. Вследствие перегрузки программ материалом учитель французской элементарной школы не располагает этим временем, и этот прием преподавания (индуктивный метод) применяется лишь отдельными учителями и относится скорей к области пожеланий методистов.

Французские методисты рекомендуют учителю принять меры к тому, чтобы учащимся была ясна тема урока и все подтемы, чтобы они умели кратко изложить самую суть того, что им было сообщено на уроке.

Некоторые методисты рекомендуют применять также и «активный метод» на уроках истории, т. е. диалогическую форму, форму бесед. Опираясь на картину, гравюру, на знания, которые уже прежде усвоены детьми, преподаватель ставит им ряд хорошо продуманных вопросов, на которые дети отвечают. Исправляя, обобщая и дополняя ответы детей, преподаватель приводит к прочному усвоению прорабатываемой темы. Этот прием считается полезным тем, что стимулирует внимание детей, заставляет их вникать в вопросы, обдумывать ответ, т. е. принимать активное участие в уроке. Этот прием считается одним из наиболее трудных, требующих от учителя большого опыта и искусства.

Французская методика пред'являет к изложению урока истории два основных требования: первое заключается в том, что урок должен быть приспособлен к уровню понимания всего класса в целом и каждого отдельного ученика, должен быть изложен хорошим, доступным, образным языком; второе требование сводится к тому, чтобы материал был изложен в логически последовательной форме с расчленением уроков на несколько частей, в которых содержатся основные мысли урока.

Во время об'яснения преподаватель постоянно пользуется классной доской, на которой он записывает план урока, выводы, хронологические даты, чертит карту, график и т. д.

Ясное и понятное изложение урока вошло в практику работы французской школы и является ее положительной стороной.

Краткие выводы, которые делаются после каждого урока, приучают учащегося отличать основные мысли от деталей, существенное от несущественного, что имеет важное значение для развития логического мышления.

Но надо отметить, что во французской школе прочно свила себе гнездо зубрежка, которая выражается в том, что дети должны дословно заучивать наизусть выводы вместо того, чтобы изложить их своими словами.

Французские методисты считают, что понятное и ясное изложение материала является необходимым, но недостаточным условием ведения урока в младших классах, так как нужно учитывать неустойчивость внимания школьников. Поэтому преподавателю младших и средних классов элементарной школы рекомендуется время от времени прерывать свой рассказ и ставить детям вопросы, чтобы проконтролировать, слушают ли они его.

Каждый исторический факт, который излагается на уроке, фиксируется во времени при помощи хронологии и в пространстве при помощи карты. Карты, употребляемые во французской школе, отличаются своей простотой и выразительностью: на небольших одноцветных картах при помощи штриховки очень рельефно выделяются места, где происходили исторические события.

Для закрепления знаний по хронологии методисты рекомендуют применять наглядный принцип: график, разделенный на одинаковые части, каждая из которых соответствует одному веку. В каждую из частей графика вписываются важнейшие события данного века и их даты. Такой график, который висит в классе, помогает запоминанию дат.

Говоря о методике преподавания истории во французской школе, необходимо также упомянуть о местной истории[1], которой уделяется большое место в методической литературе. Местная история должна знакомить учащихся с прошлой историей данной местности.

С этой целью устраиваются экскурсии к историческим памятникам, даются задания осмотреть местные памятники и исторические постройки, сохранившиеся с того времени, когда Галлия находилась под властью римлян, осмотреть развалины замков, которые остались от средневековья, узнать, какие следы оставила в данной местности мировая война, и т. д.

В преподавании истории в элементарной школе во Франции учебник играет очень большую роль. Не удивительно поэтому, что в учебниках «специальной педагогики», в которых излагаются сведения по частным методикам, в том числе и сведения по методике преподавания истории, работе учителя с учебником уделяется значительное внимание. В этих руководствах имеются также и указания на то, как учитель должен научить учащихся пользоваться учебником.

Преподаватель должен об'яснить ученику, что ему необходимо сначала прочи-

[1] C. Savard «Pages choisies de pédagogie contemporaine». L'histoire et la géographie locales (circulaire ministerielle du 25 février 1911). Paris. 1933.

тать весь урок с начала до конца, внимательно рассмотреть картинки, прочитать имеющиеся под ними об'яснения, постараться вспомнить то, что учитель рассказывал на уроке.

Цель первого чтения—понять содержание урока в целом, в его главных чертах. После этого ученик должен читать урок по частям для того, чтобы запомнить важные детали. Преподаватель указывает ученику, на что он должен обратить особое внимание: географические названия, места, выделенные курсивом, и т. д.

Учитель инструктирует ученика, как нужно связывать знания, полученные в новом тексте, с тем, что он прежде усвоил в учебнике или со слов учителя, отыскивать основную мысль в каждой части урока и составлять себе ясное представление о плане всего урока.

Инструктирование учащихся, как надо пользоваться учебником, является одной из важнейших задач учителя, и французская методика дает некоторые ценные указания по этому вопросу.

Преподавание в высшей элементарной школе

В высшей элементарной школе в преподавании истории используются те же приемы, что в старших классах элементарной школы. Но в этой школе уже пред'являются более высокие требования к активности учащихся и к их самостоятельной работе над книгой. Это выражается в более широком использовании «активного метода». Так, преподавателю рекомендуется задавать вопросы не только тому ученику, которого он вызвал, но и другим ученикам, контролируя, насколько они внимательно слушают, понимают ли они выученный урок, продумали ли они материал. Учителю рекомендуется систематически подготовлять учеников к тому, чтобы они умели самостоятельно ставить вопросы. «Активный метод» в высшей элементарной школе, на дополнительных курсах и в младших классах средней школы требует, чтобы учащиеся не заучивали выводов наизусть, а принимали участие в составлении выводов или чтобы они их в известных случаях даже составляли самостоятельно. В средней школе отводится большое место работе учащихся под руководством учителя над документацией, над выдержками из первоисточников. Учитель должен излагать уже не весь урок, а лишь ту часть, которую он считает необходимым особенно подчеркнуть, особенно глубоко проработать.

Один из видных методистов дает следующую схему урока истории в высшей элементарной школе на тему «Период 1848—1852 годов во Франции»[1]:

1) Ученикам дается задание — прочитать по учебнику то, что является темой следующего урока.

2) Ученики подготовляют устные и письменные вопросы, касающиеся тем урока.

3) Обсуждение вопросов, составленных двумя учениками, о политических течениях до 1848 года.

4) План урока «Вторая республика». Ученики отмечают на доске важнейшие события, происшедшие во время Второй республики.

5) Изложение учителем самой важной части урока.

6) Указание литературы для самостоятельного чтения, среди которой имеется и полубеллетристическая литература.

Методика преподавания истории в лицеях и коллежах уделяет внимание вопросу о приемах об'яснения учащимся отрывков из первоисточников. Чтение первоисточников рекомендуется как средство сделать урок конкретным и наглядным.

В тех же случаях, когда содержание или словарь текста представляет большие трудности, учитель должен дать точное об'яснение каждого термина, об'яснить логическую структуру документа, остановиться на обстановке, в которой он возник. Все наиболее трудные термины должны быть внесены в особую тетрадь, в исторический словарь ученика.

Схема об'яснительного чтения первоисточников на уроках истории в лицеях и коллежах:

а) чтение текста в классе;

б) указание обстоятельств, при которых он был написан;

в) об'яснение непонятных слов;

г) общее об'яснение текста.

В двух последних классах лицеев и коллежей во Франции практикуется уже в течение многих лет чтение лекций, но преподаватели часто сводят их к пересказу учебника. По этому поводу выпущен ряд циркуляров, запрещающих диктовать лекции и повторять в них учебник (министерский циркуляр 1922 года вошел в новые программы средней школы, выпущенные в 1938 году).

Говоря о методике преподавания истории в средней школе Франции, необходимо еще упомянуть о координации работы учителей разных дисциплин. Так например преподавателю истории рекомендуется сговариваться с преподавателем французского

[1] Aimard «L'Enseignement de l'histoire du cours complémentaire». «Bulletin de la Société française de pédagogie». Décembre. 1931.

языка о том, чтобы он читал с учениками литературные произведения или отрывки из них, которые могут служить иллюстрацией к тем или иным урокам истории. Особенно тесная связь устанавливается с преподавателем географии.

В средней школе, как и в элементарной, существует большой разрыв между требованиями методики преподавания истории и практикой школы.

Методические инструкции и статьи о преподавании истории составляются на основе опыта лучших преподавателей средней школы. Методы работы широкой массы учителей средней школы являются часто весьма отсталыми, как например заучивание «лекций», диктуемых преподавателем.

* * *

Программа по истории с момента своего появления в учебных планах средней, а затем и элементарной школы ставит себе цели «морального» воспитания, т. е. воспитания идеологии, соответствующей интересам господствующего класса. Учебники практической педагогики, по которым готовятся будущие учителя элементарной школы, и методические статьи по вопросам преподавания истории постоянно напоминают учителю о том, что он должен преподавать историю так, чтобы она служила иллюстрацией к урокам «морали» и «граждановедения». Инструкция к «Новой программе по истории для элементарной школы», выпущенная в 1938 году, также подчеркивает, что программа по «истории труда», выпущенная для восьмого года обучения, находится в тесной связи с программой «морали»[1]. Это сходство заключается в том, что стержнем и той и другой программ является антинаучная буржуазная идея «солидарности» классов в капиталистическом обществе.

Под углом зрения воспитания буржуазного мировоззрения происходит отбор материала, который учителю рекомендуется сделать стержнем преподавания всей истории.

Курсы истории в элементарной и средней школе извращают законы общественного развития и внушают учащимся антинаучные, идеалистические представления о развитии социальных отношений. Выбор фактов, излагаемых на уроках истории, а также и трактовка исторических событий подчинены цели прославления капиталистических порядков.

Французские программы оставляют желать многого не только с точки зрения содержания и политических установок, но и с методической стороны. Программы младших классов слишком перегружены материалом, недоступным детям семи — восьми лет, в то же время теоретический уровень программы для старших классов является низким и не обеспечивает умственного роста учащихся. Недостатком методики преподавания истории является система зубрежки.

Однако кое-какие методические приемы преподавания истории, выработанные на основе опыта лучших учителей массовой школы Франции, заслуживают внимания. Среди них нужно отметить приемы изложения материала учителем, от которого требуются ясность, краткость, четкость и красочность, способная воздействовать на воображение и чувство.

Заслуживают также внимания и попытки отдельных преподавателей средней школы, которые систематически прививают учащимся навыки самостоятельной работы с книгой.

[1] «Instructions relatives à l'application des arrêtés du 28 mars 1938 et du 11 juillet 1938». «Journal des Instituteurs et des Institutrices», 1938. 22 Octobre. № 4, pp. 73—74.

Е. Луцкий

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

1

Первая русская революция 1905—1907 годов потерпела поражение. Реакция торжествовала победу. Царское правительство во главе с председателем Совета министров Столыпиным свирепо расправлялось с революционными рабочими и крестьянами. Но революция 1905—1907 годов имела глубокие корни и самая свирепая реакция не могла уничтожить причин, приведших к революции.

Царское правительство, пережившее смертельный страх перед революционным народом, искало себе опоры для борьбы с ним, для борьбы с революцией. Эту опору оно нашло в лице буржуазии. Буржуазия стала открыто на контрреволюционные позиции и активно помогала царизму в расправе с революцией.

Ленин вскрыл корни этой контрреволюционности русской буржуазии. «Российская буржуазия,—писал он,—тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя—мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и анти-демократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контрреволюционной после пятого года и получила «местечко» в третьеиюньской системе. Если октябристы стали партией правительственной (с разрешения и под надзором Пуришкевичей), то кадеты стали терпимой оппозицией» [1].

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 436.

Так сложился в итоге поражения революции «третьеиюньский блок»—«союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии» [2]. Царизм пошел на некоторые уступки буржуазии. Царское правительство расширило политические права буржуазии. Новый избирательный закон 3 июня 1907 года сильно увеличил представительство крупной буржуазии в Думе. Самодержавие сделало еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию.

Однако самодержавие продолжало оставаться диктатурой класса крепостников-помещиков. Помещичье землевладение попрежнему оставалось его основой. Вся суть аграрного вопроса в России попрежнему заключалась в том, что 30 тысяч помещиков владели 70 миллионами десятин земли, а 10 миллионов крестьянских семей имели только 73 миллиона десятин. На каждый крестьянский двор приходилось в среднем 7 десятин, в то время как 28 тысяч помещиков владели каждый в среднем 2300 десятин, а 700 наиболее крупных помещиков имели по 30 тысяч десятин каждый [3].

Еще и раньше царское правительство в своей экономической политике защищало интересы буржуазии. Теперь, с образованием «третьеиюньского блока», оно окончательно стало на путь капиталистического развития России, но стремилось при этом сохранить за крепостниками-помещиками их власть и их доходы.

В своей аграрной политике царизм после революции 1905 года сделал настоящий поворот. Ленин характеризовал его так: «В чем сущность поворота? В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, надельного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику охранения старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями».[4]

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XIV. стр. 5.

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 470, 471.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 135.

Старые, отжившие порядки в деревне должны были быть сломаны. Но старый, аграрный строй мог быть сломан по-помещичьи или по-крестьянски.

Ленин писал о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве: «Эти два пути об'ективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов—помещиков—юнкеров. Во втором случае основной фон—перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера» [1].

«Американский» путь означал в условиях России победу революции. Крестьянство показало себя в 1905—1907 годах мощной революционной силой. Оно было естественным союзником пролетариата в борьбе за свержение самодержавия. Большевики призывали поддержать крестьянство в его революционной борьбе за уничтожение помещичьего землевладения. Большевики считали «американский» путь прогрессивным именно потому, что он означал победу крестьянской революции, решительную ликвидацию всех феодальных пережитков, доведение до конца буржуазно-демократической революции и создание наиболее благоприятных условий для ее перерастания в революцию социалистическую.

Царское правительство хотело отстоять «прусский» путь, то есть такой путь, при котором помещики сохранили бы свои земли. Но для этого надо было разбить крестьянскую революцию, надо было расколоть крестьянство, чтобы сделать невозможным новый натиск крестьян на помещиков. Одними репрессиями достигнуть этого было нельзя. «Подавляя революционное движение рабочих и крестьян, царское правительство не могло ограничиться одними репрессиями, карательными экспедициями, расстрелами, тюрьмой, каторгой. Царское правительство с тревогой видело, что наивная вера крестьянства в «царя-батюшку» все более исчезает. Поэтому оно прибегло к крупному маневру, задумало создать себе прочную опору в деревне в лице многочисленного класса деревенской буржуазии — кулачества». [2]

Выполнение этой задачи и было целью столыпинской аграрной политики. Эта политика не была случайностью. Развитие капитализма в России, в частности в сельском хозяйстве, подточило социальную опору самодержавия — помещичье землевладение. В деревне выросла новая сила—деревенская буржуазия. Самодержавие не могло отстоять помещичье землевладение только силой штыка. Вот почему Ленин писал в 1908 году о политике Столыпина, что «это глубочайший «сдвиг» в сторону аграрного бонапартизма, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т.-е.= буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,—заигрывать, чтобы управлять,—подкупать, чтобы нравиться,—брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке... И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!» [3].

Царское правительство решительно пошло на ломку некоторых старых отношений в деревне — надельного землевладения, общины. За счет разорения крестьянских масс царское правительство хотело сделать из кулаков маленьких помещиков, верных защитников царского самодержавия.

Столыпинщина ставила своей задачей удержать позиции помещиков, направив развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути и обеспечив себе поддержку со стороны кулачества.

«Правительство увидало, что «мира» у него с массой крестьянства быть не может, что крестьянство проснулось от крепостнического векового сна. Правительству

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 348—349.

[2] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 94.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 377.

ничего иного не оставалось, как попытаться путем судорожных усилий, путем какого-угодно разорения деревни, расколоть крестьянство, отдать деревню «на поток и разграбление» кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на союз крепостников-дворян с «новыми помещиками», т.-е. с богатеями — крестьянами-собственниками, с крестьянской буржуазией»,[1] — писал Ленин.

Такова была ленинская оценка сущности и значения столыпинской аграрной политики.

Совсем не так оценивал столыпинщину М. Н. Покровский. Его оценка совершенно искажает действительную сущность столыпинской аграрной политики и взаимоотношения классов в их борьбе вокруг этой политики. В своей книге «Очерки революционного движения в России XIX и XX веков» Покровский сволит сущность столыпинщины к борьбе между торговым и промышленным капиталом. По мнению Покровского, «столыпинщина в области своей реальной экономической и социальной политики была настоящим компромиссом... между промышленным и торговым капиталом...», притом таким компромиссом, который был «по существу победой промышленного капитала».[2]

Промышленному капиталу нужны были рабочие руки и рынок. По Покровскому, «по этим двум линиям как-раз и шла... столыпинская аграрная политика».[3]

Покровский прямо извращает классовые цели, которые ставило самодержавие, делая поворот к столыпинской аграрной реформе. У него оказывается, что самый рост «кулацкого слоя как капиталистической силы» был для самодержавия «непредвиденным результатом»[4]. При чем это было не только непредвиденным, но и весьма, видимо, неприятным для самодержавия результатом, так как, по утверждению Покровского, кулак «был преисполнен лютой ненавистью к помещику», он был, оказывается, не что иное, как «опора демократической революции в деревне».[5]

Полный отход Покровского в этой оценке от ленинизма очевиден и не нуждается в пояснениях и доказательствах.

2

Еще до революции 1905 года и в разгар ее под ударами крестьянского движения царское правительство вынуждено было сделать ряд уступок в своей политике сохранения полукрепостнических отношений в деревне. Так, 12 марта 1903 года был издан закон об отмене круговой поруки при взимании податей. Законом 6 июня 1904 года было расширено право крестьянского переселения из Европейской России. Манифестом 3 ноября 1905 года были уменьшены наполовину, а с 1 января 1907 года вовсе отменены выкупные платежи, которые платили крестьяне за свою же землю с момента реформы 1861 года. Царский манифест обещал расширить операции Крестьянского банка, чтобы помочь крестьянам покупать землю.

Вскоре, указом 4 марта 1906 года, были учреждены уездные и губернские землеустроительные комиссии «в целях оказания помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него манифестом... от 3 ноября задач по облегчению покупки крестьянами земель».

Попутно упоминалось и о содействии комиссий населению «к устранению в установленном законом порядке недостатков существующего землевладения и землепользования»[6].

Когда 8 июля 1906 года была разогнана I Государственная дума и на место министерства Горемыкина пришло министерство во главе с известным реакционером Столыпиным, то сейчас же была начата разработка новой аграрной правительственной политики.

Разработка проектов правительственных мероприятий по аграрному вопросу была поручена особой комиссии под председательством товарища министра внутренних дел Гурко. В результате работ этой комиссии было издано несколько указов. 12 августа 1906 года был издан указ о передаче Крестьянскому банку части удельных земель, а 27 августа — указ о передаче части казенных земель. По этим указам, подлежало передаче банку около 9 миллионов десятин, фактически было передано около 3 миллионов десятин. Из этого фонда имелось в виду продавать на льготных условиях земли кулакам.

Тем же целям поощрения кулачеству служил указ 5 октября 1906 года об отмене некоторых ограничений в правах крестьян при поступлении на государственную службу и в учебные заведения. Наконец, комиссия Гурко при непосредственном участии и руководстве Столыпина разработала проект указа об укреплении земли и выделе из общины. Ввиду особой важности этот проект, прежде чем был

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 450.
[2] М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения в России». Изд. «Красная новь», стр. 141, 143 1924.
[3] Там же, стр. 144.
[4] Там же, стр. 231.
[5] Там же, стр. 155.
[6] Законодательные акты переходного времени 1904—1908 годов, стр. 265—266. 3-е изд. Спб. 1909.

принят Советом министров и издан от имени царя, был передан на обсуждение Совета об'единенного дворянства. Совет об'единенного дворянства был руководящим центром дворянских сословных организаций, имевшихся в каждом уезде и каждой губернии. Он был образован в мае 1906 года на с'езде уполномоченных дворянских обществ и организаций, вроде «Отечественного союза», «Союза землевладельцев» и пр. Совет представлял собой верхушку наиболее крупных помещиков-дворян и играл роль полуправительственного органа, через который проходили все важнейшие законопроекты царского правительства. О характере и направлении Совета об'единенного дворянства можно судить уж по одному его составу: председателем его был граф Бобринский, товарищами председателя — князья Касаткин-Ростовский и Нарышкин, членами — князь Волхонский, граф Олсуфьев, князь Щербатов.

После тщательной подготовки и обсуждения проекта в среде крупнейших помещиков 9 ноября 1906 года царем был издан указ, разработанный Столыпиным, об укреплении надельной земли в собственность и выделе из общины. По статье первой указа, «каждый домохозяин, владеющий надельною землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли» [1]. Статьи 2-я и 3-я устанавливали, что укрепляется в собственность и излишек земли сверх надельной, душевой нормы, если он имеется в хозяйстве. Чтобы понять, какое значение имели эти статьи, надо напомнить, что кулаки разными путями сумели к этому времени захватить большое количество надельных земель, далеко превышающее полагающуюся душевую норму. По данным работы Ленина «Развитие капитализма в России», уже к концу XIX века 20% зажиточных крестьянских дворов имели в своем распоряжении от 29% до 36,7% (по 7 разным губерниям) всей крестьянской надельной земли, в то время как 50% бедняцких дворов имели 33,2 — 37,7% надельной земли [2]. Кулаки могли теперь эту общинную землю получить в личную собственность бесплатно или за ничтожную (для 1906 года) плату. Домохозяева, укрепившие землю в собственность, могли требовать от общества, чтобы оно свело их землю в один участок и выделило из общинной земли. При этом «укрепленцы» сохраняли право пользоваться сенокосными, лесными и прочими угодьями общины. Кулаки получали возможность забрать из общины лучшую землю, выйти из общины и завести на хуторе предпринимательское хозяйство, применяя наемный, батрацкий труд.

Для ускорения выдела из общины было установлено, что если в течение 30 дней после подачи заявления о выделе общество не примет утвердительного приговора, то возложенные на сход обязанности выполняются «на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и об'являет свое по сему предмету постановление» [3].

Сейчас же после издания указа началось его осуществление. Для проведения необходимых землеустроительных работ повсюду были созданы губернские и уездные землеустроительные комиссии, действовавшие на основании указа 4 марта 1906 года и наказа 19 сентября 1906 года. В 1909 году таких комиссий было создано 38 губернских и 411 уездных. Землеустроительные комиссии были составлены из помещиков и чиновников. Так, в состав уездных комиссий входили: уездный предводитель дворянства в качестве председателя, председатель уездной земской управы, непременный член, назначаемый Главным управлением землеустройства, уездный член окружного суда или председатель с'езда мировых судей, член от ведомства уделов, земский начальник, три члена по избранию уездного земского собрания и три «представителя от крестьян», назначаемых из кандидатов, избранных волостными сходами.

Указ 9 ноября 1906 года был издан после разгона I Государственной думы. Он был издан помимо Думы, в порядке статьи 87 «Основных законов», которая вопреки царскому обещанию в манифесте 17 октября 1905 года давала возможность правительству издавать законы помимо Государственной думы.

Когда после третьеиюньского переворота 1907 года собралась черносотенно-кадетская III Государственная дума, то царское правительство передало в нее указ 9 ноября 1906 года для одобрения его Думой.

Незадолго до обсуждения указа в Думе, 13 февраля 1908 года, Николай II принял членов Государственной думы. На царском приеме присутствовало 307 депутатов Думы. В короткой речи перед депутатами Николай II заявил, что Дума должна вскоре принять новые земельные законы и что всякая мысль о принудительном отчуждении помещичьей земли должна при этом быть исключена, ибо он, Николай II,

[1] Законодательные акты переходного времени 1904—1908 годов, стр. 453. 3-е изд. Спб. 1909.

[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 90.

[3] Законодательные акты переходного времени 1904—1908 годов, стр. 455. 3-е изд. Спб. 1909.

никогда подобного закона не утвердит. Во время обсуждения указа в Думе выступил глава царского министерства Столыпин. В своей речи 5 декабря 1908 года Столыпин открыто провозгласил ставку царизма на кулаков, заявив, что в новом законе «необходимо... иметь в виду разумных и сильных»[1].

Правые и октябристы полностью одобряли столыпинскую аграрную политику. В речах некоторых черносотенцев прямо звучала надежда, что насаждение личной собственности в деревне покончит с революцией. Характерно отношение кадетов к столыпинской аграрной политике. В 1905—1906 годах кадеты в целях привлечения на свою сторону крестьянства выступили с проектом создания земельного фонда для наделения крестьян землей. Они признавали даже возможность принудительного отчуждения помещичьей земли, но «за выкуп по справедливой оценке». Теперь кадеты шли в союзе с помещиками, с правыми. В один голос с правыми и октябристами кадетские ораторы превозносили личную собственность. Например кадет Шингарев, позже, в 1917 году, ставший министром земледелия в первом составе Временного правительства, говорил в своей речи 24 октября 1908 года по поводу основных положений царского указа: «Я лично думаю, что в этих взглядах есть много справедливого, глубокого, что в этих взглядах отражается течение общечеловеческой мысли и деятельности...»[2].

Однако кадеты подвергли критике новый проект земельного закона за слишком резкую ломку общины, за спешность ее проведения. Тот же Шингарев говорил по этому поводу: «Я, именно, думаю, что насаждение личной собственности и блага культуры и порядка — настолько ценные сокровища, что чрезвычайно рискованно подвергать их неумелым экспериментам»[3]. Шингарев требовал осуществления столыпинской политики более планомерно, продуманно, без спешки и комканья. Кадеты боялись усиления классовой борьбы в деревне.

Земельная комиссия Думы внесла в указ 9 ноября 1906 года некоторые поправки. 9 мая 1909 года Государственная дума приняла «Проект земельного закона об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения». 14 июня 1910 года он был издан царским правительством как закон. Он отличался от указа 9 ноября 1906 года тем, что проводил столыпинский курс еще более решительно. Так, закон 14 июня 1910 года устанавливал обязательность перехода к личной собственности в общинах, где земельные переделы не производились за последние 24 года.

Несколько позже, 29 мая 1911 года, было выпущено «Положение о землеустройстве», которое определяло порядок работы землеустроительных комиссий, образованных в связи с проведением столыпинской аграрной реформы.

Новое «Положение» открыто проводило принцип насильственного проведения землеустройства в интересах кулаков. Текст «Положения» гласил, что «ввиду доказанной опытом невозможности базировать землеустройство на одном только добровольном согласии всех заинтересованных лиц» допускается землеустройство по ходатайству одной из заинтересованных сторон или определенной части владельцев и членов земельных обществ и товариществ, то есть насильственно по отношению к большинству крестьян во имя интересов кучки кулаков.

«Положение» устанавливало основные формы землеустроительных работ, связанных с проведением столыпинщины: 1) выдел земель отдельным селениям сельских обществ (то есть раздел общих многоселенных дач); 2) выдел земель выселкам и частям селений; 3) выдел отрубных участков отдельным членам обществ; 4) полное разверстание целых обществ на отрубные участки; 5) уничтожение чересполосности с прилегающими владениями; 6) разверстание к одним местам земель разного владения; 7) раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев; 8) отграничение от смежных владений, если оно необходимо для целей землеустройства.

На основе этих законов и проводилась столыпинская аграрная реформа.

3

За 9 лет, с момента издания указа 9 ноября 1906 года, из общины выделилось свыше 2 миллионов домохозяев. На 1 мая 1915 года об укреплении земли в собственность заявили 2 738 985 домохозяев. За это время укрепление земли фактически состоялось за 1 922 387 домохозяевами, что составляло 21,8% всех крестьян-домохозяев, владевших землей на общинном праве. За ними было укреплено в собственность 13 932 934 десятины земли, или 16,4% всей надельной земли. В больших размерах укрепление прошло в западных районах. Так, в Белоруссии бы-

[1] «Сборник речей П. А. Столыпина», стр. 75. Спб. 1911.

[2] Государственная дума III созыва. Стенографические отчеты. 1908 г. II сессия. Часть I, стр. 239. Спб. 1909.

[3] Там же, стр. 262.

ло укреплено 30,4% надельной земли, по степной Украине — 50,7%.

Укрепляли землю и выходили из общины не только кулаки, но и бедняки. Кулаки укрепляли землю и выходили на хутора, чтобы закрепить за собой общинную землю, которую они сумели захватить со времени столыпинщины. При выделе из общины кулаки получали лучшую землю, собранную в одном участке. Кулаки стремились развернуть на своем хуторе большое хозяйство. Образование кулацких хуторов было настоящим грабежом общинных земель. Большая часть хуторов была основана именно на общинных землях. Общая земельная площадь хуторов и отрубов, размежеванных на 1 января 1916 года, равнялась 15 254 420 десятинам. Из этого количества 80,2% приходилось на площадь хуторов и отрубов, образованных на землях сельских обществ, 19,3% — на хутора, образованные на земле, купленной у Крестьянского банка, и 1,5% — на землях казны.

Крестьяне—бедняки и середняки—очень неохотно, и часто только под нажимом начальства, выделялись на хутора. На маленьком клочке земли бедняка развернуть хуторское хозяйство было трудно. «Какой же это будет хутор,— говорили крестьяне,— если корова ляжет, а телку лечь негде?»

Один из наблюдателей русской деревни описывал такие «хутора» в Саратовской губернии: «Хутора, разбросанные по обе стороны дороги, представляют из себя очень печальную картину. Вот какая-то в буквальном смысле конура без сеней, без двора и даже без крыши. Около нее «гомозится» мужик, загибая плетень... Вот сбитая из досок и обрешетенная хибарка, кругом запаханная; для выхода на дорогу оставлена узенькая тропочка; между тем в хибарке живут, и неизвестно, как они проезжают на дорогу. Там — изба, сделанная из двух рядов плетня, промежутки между которыми забиты землей; две бабы и девчонка обмазывают наружные стены... Где просто поставлен какой-то сарай, где землянка...» [1].

Большая часть этих хуторян-бедняков разорилась. Бедняки укрепляли землю часто только для того, чтобы иметь возможность развязаться с ней, продать ее и уйти в город. Раньше, до столыпинской реформы, крестьянин не мог этого сделать. По закону 14 октября 1893 года, выход из общины был запрещен. С началом промышленного под'ема, с конца 1909 года, на фабриках и заводах потребовалось много новых рабочих. Из 2 миллионов домохозяев, укреплявших землю в собственность, до 1200 тысяч домохозяев вскоре лишилось ее. Земли разорявшихся крестьян-бедняков скупали за бесценок кулаки. Для усиления кулачества царское правительство организовало льготную продажу земель через Крестьянский банк. Крестьянский банк, основанный в 1882 году якобы для увеличения крестьянского землепользования, обслуживал прежде всего интересы помещиков. Через Крестьянский банк помещики могли, при желании, очень выгодно продать землю. Операции Крестьянского банка особенно расширились во время столыпинщины. За 1895—1905 годы через Крестьянский банк помещиками было продано 504 имения с 961 тысячей десятин земли, а за 1906—1915 годы продано 3257 имений с 4326 тысячами десятин. Выгоды продажи через банк для помещиков видны уже из покупных цен на землю, которые устанавливались банком. В 1895—1905 годы средняя цена одной десятины равнялась 71 рублю, а за 1906—1915 годы — 131 рублю.

Банк продавал землю в рассрочку и, пользуясь этим, брал за землю цены выше существующих рыночных цен. Разумеется, для наиболее «надежных» покупателей, то есть кулаков, банк давал ряд льгот: рассрочки платежа, ссуды и т. д.

Землю через банк покупали преимущественно кулаки-хуторяне. Это ясно видно из данных о том, каким категориям землепользователей продавалась земля. Из всего проданного банком земельного фонда было продано отрубникам 54,6%, хуторянам — 23,4%, сельским обществам — 17,0% и прочим — 5,0%.

Крестьяне — бедняки и середняки, — привлеченные рассрочкой, пытались тоже купить землю у банка. Однако вскоре оказывалось, что выплатить долг за взятую землю для крестьянина-бедняка было невозможно. Тогда у неплательщиков беспощадно описывалось и продавалось имущество. Земля также продавалась с торгов, а деньги шли для уплаты долга банку. Число таких случаев, когда должники банка вынуждены были продавать свои земли, с каждым годом росло:

Год	Число случаев продаж	Колич. земли (в дес.)
1908	189	2 472
1909	313	4 165
1910	620	6 914
1911	1385	15 294
1912	2266	25 340
1913	2860	34 062
1914	3790	47 994
1915	3559	51 386

Бедняки, основавшие хутора на земле, купленной у Крестьянского банка, окончательно разорились. Депутат Государст-

[1] Ив. Коновалов «На хуторах». «Русское богатство» № 2, стр. 2. 1910.

венной думы Аникин рассказывает в своей статье о беседах со знакомыми крестьянами.

«Во время беседы зашла речь о хуторах.

— У вас там хутора были, они как — целы?

— Это графские-то? — не понял меня мужик.— «Культурны уголки»? Куды там, один мусор остался.

— Не «культурны уголки»,— засмеялся я обогащению народной речи думскими терминами,— а на купленной земле мужики заводили хутора: Ненароковский, Борисовский, Мордовский...

— Вона-а! Хватился! Там давно одна крапива растет. Смели натло, дочиста... За неплатеж!..

— Хутора?

— Хутора.

Таковы результаты первых опытов хуторского хозяйства»[1].

Столыпинской аграрной реформой воспользовались кулаки. Кулачество значительно выросло и окрепло. Крестьянам — середнякам и беднякам — столыпинщина несла лишь новые разорения.

4

Основная масса крестьянства выступила против столыпинской реформы. Крестьяне на сходах протестовали против выдела из общины. Из всех подавших заявления с 9 ноября 1906 года по 1 сентября 1914 года об укреплении земли в собственность только 26,6% получили от своего общества приговор об укреплении. 67,8% подавших заявления обратились ввиду отказа общества с ходатайством об укреплении земли к земскому начальнику. Укрепление земли и выделы из общины проводились земскими начальниками при помощи полиции, а иногда целых воинских отрядов и сопровождались насилиями, избиениями и арестами крестьян. В связи с проведением столыпинской реформы классовая борьба в деревне чрезвычайно обострилась. Вновь, как в 1906 году, после нескольких лет затишья начинаются революционные крестьянские выступления против помещиков. Особенно обострилась борьба внутри крестьянства — борьба бедноты с кулачеством. С проведением столыпинщины начало расти число крестьянских революционных выступлений:

Годы	Число выступлений
1907	2 557
1908	2 045
1909	2 528
1910	6 275
1911	4 667

[1] Аникин «Чего просит деревня?» «Вестник Европы». Кн. 2-я, стр. 736. 1909.

На годы наиболее интенсивного проведения столыпинской реформы (1910—1911) падает и наибольшее число столкновений крестьян с кулаками. Об этом говорит статистика поджогов кулацких дворов и имущества:

Годы	Число поджогов
1907	173
1908	105
1909	517
1910	4377
1911	1436

Другой стороной столыпинской аграрной политики было переселение крестьян на окраины. До революции 1905 года царское правительство стремилось задержать крестьянское переселение. Помещикам нужны были с'емщики земли, арендаторы и дешовые рабочие руки. Царскому правительству нужны были плательщики налогов и выкупных платежей. Революция заставила царизм изменить свою политику в этом вопросе. «...На переселение крестьян правительство и контр-революционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контр-революционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»[2].

Царское правительство стремилось переселить наиболее недовольных и революционных крестьян-бедняков подальше на окраины: в Сибирь, в Среднюю Азию, на Кавказ. В годы реакции переселенческая волна достигла большой высоты. Так, если за 45 лет, со времени реформы 1861 года по 1905 год, переселилось в Сибирь 1820 тысяч человек, то только за 5 лет, с 1906 по 1910 год, переселилось 2 616 075 человек.

Переселенческая политика царизма потерпела такой же крах, как и политика насаждения хуторов и отрубов. Переселенцам отводили глухие участки, далеко от железных дорог, крестьяне-бедняки не имели сил и средств, чтобы основать хозяйство в новых, трудных условиях. Не устроившись на новых местах, переселенцы сотнями тысяч возвращались обратно уже окончательно разоренными. В 1909 году возвратилось обратно 13% переселенцев, в 1910 — 36%, а в 1911 году — процент возвратившихся достиг 60.

Переселение и связанное с этим разорение бедноты еще более усилили классовые противоречия в деревне. Переселенче-

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 524.

ская политика царизма сопровождалась усилением национального угнетения на окраинах. Создавая земельные фонды для переселения крестьян, царское правительство отнимало земли у местного населения в Средней Азии, на Кавказе и т. д. Целые селения безжалостно сгонялись с насиженных мест царскими чиновниками. Например в Семиреченской области в 1909 году царские чиновники определили к из'ятию у казахского и киргизского населения 15 миллионов десятин удобной земли, в то время как вся удобная земля в области исчислялась в 17 миллионов десятин. Между переселенцами и местным населением создавались враждебные отношения. Царизм намеренно разжигал национальную вражду, стремясь из более надежных переселенцев — зажиточных крестьян и казаков — создать себе опору для национального угнетения народов окраин. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков в своем отчете царю за 1910 год так излагал политику колонизации Кавказа русскими кулаками и создания из них опоры царизма: «...Можно выделить значительное число наиболее обеспеченных и предприимчивых семей, на которые, как доказал опыт, смело может быть возложена великая задача водворения в крае русской государственности и внесения в него культурных начал»[1].

Об этой политике царизма товарищ Сталин писал: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)»[2].

В результате столыпинской аграрной реформы кулачество значительно выросло, огромные же массы крестьянства еще более обеднели и разорялись. В связи с ростом кулацкого хозяйства сельское хозяйство России несколько поднялось. С начала XX века к 1913 году посевная площадь в России выросла на 10% и урожайность повысилась на 23,6%; это отразилось и на увеличении вывоза хлеба заграницу.

Значительно увеличилось применение сельскохозяйственных машин за счет внутреннего производства и привоза из-за границы. Потребление сельскохозяйственных машин в России выражалось в следующих данных:

Год	Потребление машин в млн. руб.
1906	39,6
1907	46,3
1908	61,3
1909	78,3
1910	86,0
1911	108,2
1912	116,2

В результате столыпинской аграрной реформы и связанного с ней усиления классового расслоения крестьянства расширялся внутренний рынок. Крестьянин-бедняк не мог обслуживать себя из своего хозяйства и должен был обращаться к рынку. Кулаки пред'являли спрос на железо, сельскохозяйственные машины. Все это содействовало под'ему в промышленности, начавшемуся с конца 1909 года.

Троцкистские агенты и контрабандисты, пробравшиеся в наши исторические учреждения (Ванаг), фальсифицируя историю, утверждали, что столыпинская реформа якобы привела к застою, «стагнации» в развитии производительных сил страны. Это ничего общего с действительностью не имевшее утверждение нужно было троцкистам для доказательства того, что капитализм в России якобы так слаб, что он не дорос до империалистической стадии, что-де, следовательно, о социалистической революции в России думать нечего.

Столыпинская политика содействовала развитию капитализма. Известное развитие кулацкого хозяйства шло за счет дальнейшего разорения основных масс крестьянства. Неопровержимые данные приводит по этому вопросу В. И. Ленин в своей статье «Поправляется или беднеет крестьянство?»

Под таким же названием в 1913 году в «Торгово-промышленной газете» была помещена статейка некоего «казенного писаки», по выражению Ленина, Я. П-ова.

По материалам анкеты этой газеты автор — Я. П.-ов — пытался, разумеется, доказать, что крестьянство поправляется и «несомненно с каждым годом неуклонно прогрессирует». Ленинский анализ этих материалов показывает, однако, иное. Вот что пишет Ленин: «Из 100 ответов было:

Благоприятных («поправляются» крестьяне)—20, неблагоприятных («беднеют» крестьяне) — 38, средних («на одном уровне») — 42.

Таков итог. Что же он означает?

Что крестьянство беднеет и разоряется. За 6 лет контр-революции число неблагоприятных ответов, в среднем, почти вдвое больше числа благоприятных ответов!!

Этот вывод можно выразить наглядно, применяя его ко всей России и принимая

---

[1] Цит. по книге Л. Берия «К вопросу по истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 100. 3-е, доп. изд. Партиздат. 1938.

[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 71. 1934.

20 миллионов крестьянских семей, следующим образом:

За шесть лет поправилось 4 миллиона крестьянских семей, обеднело 7 миллионов 600 тысяч семей, осталось на прежнем (т.-е. нищенском) уровне 8 миллионов 400 тысяч семей!

И это в период высоких цен, когда помещики и буржуазия лопатами загребают золото» [1].

Царское правительство и правые всячески расхваливали столыпинскую политику и ее результаты. Им вторили либералы и меньшевики-ликвидаторы. Они идеализировали столыпинщину, писали о разрешении проблемы буржуазного развития России и т. д. На эту точку зрения скатывался и М. Н. Покровский, который писал, что земельная политика Столыпина «была весьма удачной попыткой раскрыть перед промышленным капитализмом в России последнюю дверь, которая еще оставалась закрытой, причем дверь была распахнута настежь,— операция была произведена столь четкая и столь решительная, как царское правительство... еще не действовало со времен крестьянской реформы. Столыпин произвел ликвидацию поземельной общины...» [2]. Здесь Покровский явно идеализирует и столыпинскую реформу и реформу 1861 года.

На самом же деле Россия оставалась попрежнему страной отсталой в экономическом и политическом отношении. Промышленность царской России оставалась несмотря на некоторый под'ем все же очень слабой. Страна сохраняла преимущественно аграрный характер. Земля и власть оставались в руках помещиков. И после столыпинской реформы в деревне оставались многочисленные пережитки крепостничества, тормозившие дальнейшее развитие хозяйства.

В статье Ленина «Крепостное хозяйство в деревне» приводятся многочисленные примеры пережитков крепостничества. Весной 1913 года в Черниговской губернии было заподрядившихся зимой крестьян 56%. «А при зимней наемке крестьянин получает за работу вдвое и втрое дешевле»,— замечает Ленин. При очень распространенной обработке помещичьей земли «исполу» крестьянин за полученную землю отдает ½ урожая, а сенокоса — ⅔, часто испольщик еще должен отработать бесплатно 1—2 недели в экономии помещика, чаще всего с лошадью или с подростком. «Испольщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой тоже прямое переживание крепостничества» [3].

Оставалась в деревне и община. Только ⅕ часть крестьян-общинников укрепила свои наделы в собственность. Выход из общины грозил крестьянину-середняку разорением, раз вся земля оставалась у помещика и кулака.

Но кулачество, хотя оно и выросло, было все же слишком слабой опорой царизму против десятков миллионов крестьян, готовящихся к борьбе за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Для Ленина с самого начала столыпинской политики был ясен ее крах. Уже в феврале 1908 года Ленин писал: «Опыт двухлетней реакции не дал, несмотря на все усилия, никакой сколько-нибудь надежной внутренней опоры черносотенному самодержавию, не создал никаких новых классовых элементов, способных экономически обновить самодержавие» [4].

Ленин писал, что «...крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути» [5].

Царизму не удалось ни разрешить, ни даже сгладить классовые противоречия в деревне между помещиками и крестьянами. Мало того: в результате столыпинской реформы эти противоречия обострились. Царизму не удалось задушить крестьянские революционные выступления.

Крестьянство попрежнему оставалось революционной силой, союзником пролетариата в борьбе за свержение самодержавия. Оценивая итоги третьеиюньского режима и столыпинской аграрной политики, Ленин писал, что «у нас при всяком кризисе нашей эпохи (1905—1909—19?? г.г.), выступит, обязательно выступит «общe-демократическое» движение «мужичка» [6].

Вместе с тем, развитие капитализма в России, усиление классового расслоения в деревне и обострение борьбы бедноты с кулачеством создали условия для более быстрого под руководством русского пролетариата перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Большевизм несмотря на террор царизма, решительно борясь с ликвидаторами справа и слева, готовил силы рабочих и крестьян к новому революционному натиску.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 394.

[2] М. Н. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России», стр. 141—142. Изд. «Красная новь», 1924.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 338.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 123.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 225.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 215.

А. Люблинская

РУКОПИСИ ВРЕМЕН ЗАПАДНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII века

В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ имени М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

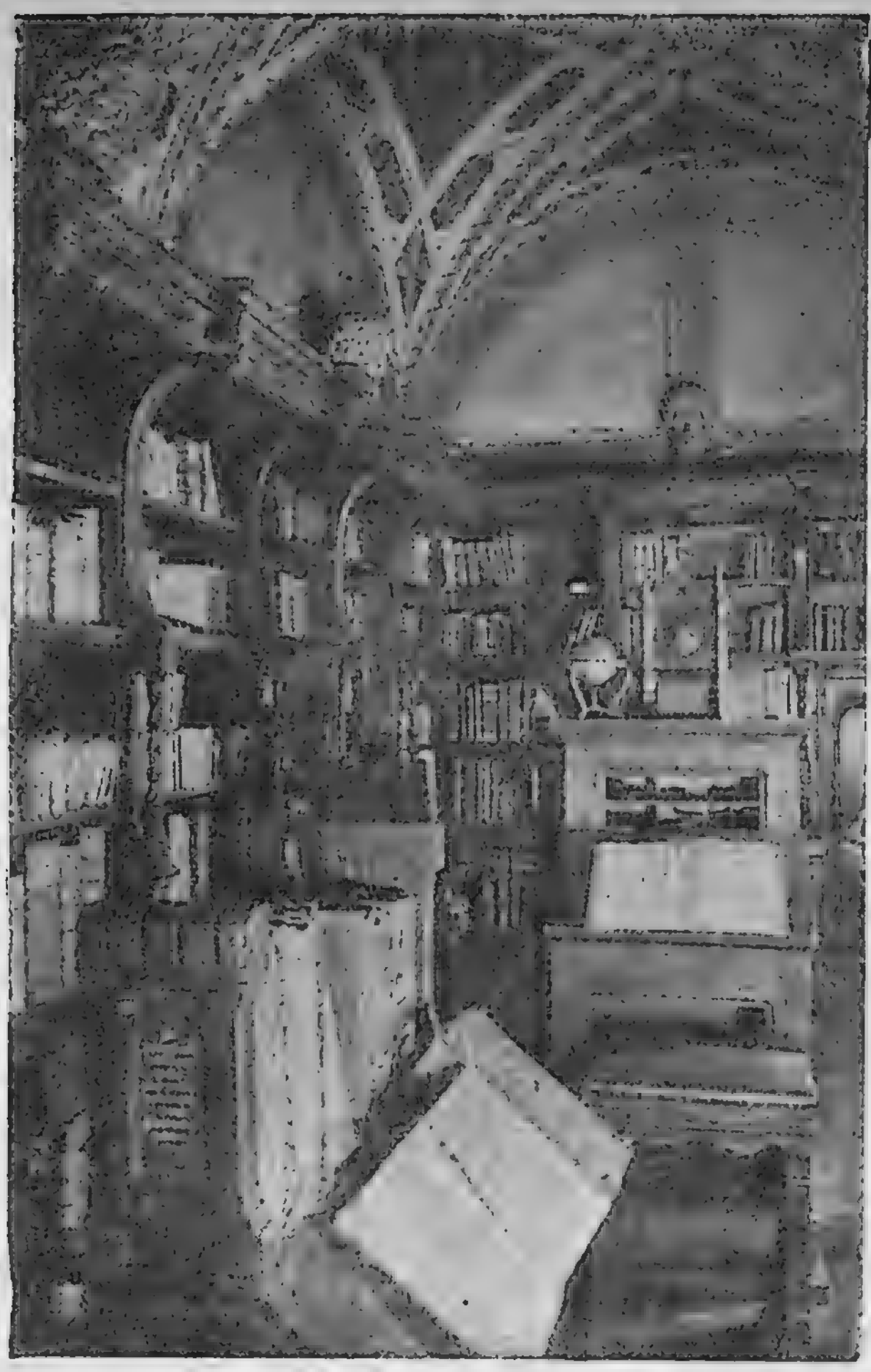
В рукописном отделении старейшей публичной библиотеки СССР — краснознаменной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — хранится самая крупная в мире коллекция старославянских и русских рукописей. В течение более чем вековой жизни библиотеки систематически, ценою усилий и трудов многих поколений русских ученых и коллекционеров собирались все выдающиеся памятники древней и новой отечественной письменности. Наряду с этим исключительным собранием в библиотеке имеется прекрасная коллекция западноевропейских рукописей. Каким образом попали сюда многие сотни драгоценных средневековых латинских, французских и других рукописей, многие тысячи актов, документов, писем, относящихся к истории Западной Европы XV—XVIII веков? Этот вопрос неизбежно возникает у каждого из многочисленных посетителей рукописного отделения.

Коллекция, о которой идет речь, состоит в основной и наиболее ценной своей части из собрания П. П. Дубровского, секретаря русского посольства в Париже в конце XVIII века. Он был страстным коллекционером рукописей и хорошо в них разбирался. Бурное революционное время, свидетелем которого ему пришлось быть, немало содействовало успешности его любимого занятия. Библиотеки упраздненных революцией монастырей, которых было в Париже великое множество, охранялись плохо; из разоренных восставшим народом провинциальных замков выбрасывались семейные и сеньериальные[1] архивы. После взятия Бастилии 14 июля 1789 г. хранившиеся в ней бумаги парижской полиции очутились во дворе тюрьмы и в ее рвах. В руках комиссионеров и агентов, подчас весьма сомнительной репутации, обслуживавших коллекционеров вроде Дубровского, стало обращаться невиданное до той поры огромное количество ценных рукописных материалов. Секретарь русского посольства несмотря на свои скромные материальные средства собрал изумительную по ценности коллекцию.

В 1805 году коллекция была приобретена Александром I за солидную сумму, чины и ордена и передана в организовывавшуюся в то время Императорскую публичную библиотеку. Там она пролежала втуне для русской науки в течение целого столетия. Посетители — и русские и иностранные — с уважением смотрели на выставленные для обозрения пожелтевшие древние пергамены, восхищались блеском золота и яркостью красок миниатюр в рукописях XIII—XVI веков, пытались читать подписи на письмах царственных особ и великих людей, чьи автографы были выставлены за стеклами высоких шкафов; в большинстве случаев дело и кончалось этим обозрением. Библиотека гордилась своей коллекцией и расхваливала ее, но среди ее сотрудников не было ни одного специалиста, который мог бы успешно разобраться в трудных древних письменах, где почти каждое слово написано не полностью, а сокращено по условной системе. Не менее сложным делом было и чтение причудливых почерков XV—XVI веков.

Разнесенная иностранными гостями весть о богатствах, хранящихся в С.-Петербурге, привлекала ряд ученых из-за границы. С середины XIX века в рукописное отделение стали наезжать и подолгу там засиживаться иностранные ученые, главным образом французы. Они набросились в первую очередь на самое заманчивое: на материалы о Вольтере, на письма французских королей, на бастильские документы. Над древними рукописями стали систематически работать и немецкие ученые. Иногда царское правительство высылало на время за-

[1] Большей частью это были акты об уплате всевозможных сеньериальных повинностей.



Отдел инкунабул публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.
Уголок «Кабинета Фауста», представляющий собой точную копию средневековой монастырской библиотеки.

границу и самые рукописи. Там их изучали выдающиеся исследователи. Иностранцы же издавали печатные каталоги наших западных собраний. Русские ученые мало занимались этими материалами и недостаточно внимательно относились к ним. Даже такой превосходный русский ученый, как И. В. Лучицкий, напечатал в приложениях к своим исследованиям по истории французских религиозных войн[1] тексты, которыми очень трудно пользоваться: столько в них пропусков и искажающих смысл ошибок. К тому же они лишь капля в море великого множества так и оставшегося неизученным материала.

Это плачевное положение вещей изменилось лишь со времени Великой Октябрьской революции. С этого периода началась новая жизнь в просторных тихих залах рукописного отделения. Директор библиотеки академик Н. Я. Марр поставил задачей всемерное раскрытие рукописных богатств Публичной библиотеки, лежавших до того мертвым кладом. Особое внимание было обращено на восточную и западную коллекции. Впервые русские палеографы и историки стали изучать и описывать западноевропейские рукописи. Эта работа и поныне возглавляется членом-корреспондентом Академии наук проф. О. А. Добиаш-Рождественской[1]. Лишь во всеоружии точных знаний и большого опыта можно под-

[1] «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции», Киев. 1871; его же «Documents inédits pour servir à l'histoire de la Reforme et de la Ligne», Киев. 1875.

[1] Одна из первых русских медиевисток (т. е. специалистов по средневековью), окончила в Париже высшую палеографическую школу (École des chartes) и вела в Ленинградском университете преподавание западной палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин: дипломатики (т. е. правила и формулы, по которым составлялись средневековые грамоты), исторической хронологии и т. п.

ходить к изучению рукописных памятников прошлых веков. Этот нелегкий и кропотливый труд требует постоянного напряженного внимания, тщательности и осторожности, но он всегда вознаграждается сторицей, так как в результате его углубляется знание источников, на которых строится историческая наука.

В кратком обзоре совершенно невозможно перечислить все части западного собрания библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Наряду с коллекцией Дубровского, о которой речь была выше, в Ленинградской публичной библиотеке, как и во всяком крупном книгохранилище, имеется еще огромное количество разрозненных и случайных материалов, которые при всей их подчас незаурядной ценности трудно поддаются какой-либо систематизации. Поэтому придется ограничиться характеристикой более или менее значительных по количеству групп материала и отметить наиболее редкие об'екты.

Среди докаролингских рукописей VI—VIII веков мало текстов чисто исторического содержания. Подавляющее их большинство — евангелия, псалтыри, жития святых, сочинения отцов церкви и т. п. Но каждая из рукописей этой эпохи, дошедших до нас в очень скудном числе, представляет собой драгоценнейший памятник материальной и духовной культуры раннего средневековья. Внимательное и подробное изучение вариантов текста, характера письма, украшений, внешнего вида переплетов, пергамена, на котором они написаны, дают возможность установить происхождение рукописи, место и время ее написания, а это в свою очередь дает материал для характеристики культуры этих веков, позволяет проследить культурные связи отдельных стран между собой, установить хронологические рамки этих связей.

Все рукописи раннего средневековья писаны монахами; письменность была достоянием крайне узкого круга духовенства, но самое искусство «книжного списания» стоит на большой высоте. Ленинградские рукописи наглядно убеждают в этом. Большинство кодексов написано очень тщательно, иногда чрезвычайно изысканным письмом. Почти все они разукрашены цветными инициалами, сложным орнаментом. Особенно замечательно ирландское евангелие VIII века, где целые листы заполнены цветными украшениями изумительно тонкой работы. Их краски и мотивы говорят о далеких восточных, может быть, даже китайских, влияниях, какими-то неведомыми путями проникших в Ирландию. Укажем также на драгоценную рукопись 746 года «Церковной истории англов» Беды Почтенного, основного источника по истории древней Британии. В конце рукописи помещен интересный список хронологических дат.

Изучение типов письма этого времени — задача очень сложная. Раздробленность и замкнутость феодальной жизни приводили к взращиванию в каждом монастыре своей манеры письма, к тому же часто менявшейся. Ученые насчитывают для этих веков около 2 тысяч типов письма, и одной из ценнейших коллекций для изучения этого разнообразия является ленинградское собрание, включающее 36 рукописей, написанных в знаменитой мастерской Корбийского монастыря (на севере Франции).

Об'единение почти всех стран Западной Европы под властью Карла Великого создало предпосылки для под'ема книжной культуры и для достижения большей однородности. Многообразные искания предшествующей эпохи получили свое завершение в так называемом каролингском минускуле, письме, сочетающем в себе и легкость чтения и быстроту написания. Это письмо хорошо известно всем: строчные буквы нашего современного латинского алфавита повторяют форму его букв. Рукописи каролингского возрождения зачастую блещут изумительной роскошью. Они писаны золотом и серебром на пурпурном пергамене, как например хранящееся в Ленинграде евангелие конца VIII века. Начиная с этой эпохи все чаще встречаются рукописи светского содержания, произведения античных писателей, медицинские трактаты. Замечательны ленинградские кодексы с сочинениями Колумеллы, Цицерона и др.

Исторические материалы, в тесном смысле этого слова, представлены в ленинградском собрании лишь начиная с IX века. К 866 году относится частная грамота (очень большая редкость для этого времени), по которой монастырю Инны, около Аахена, приносятся в дар земельные угодья, рабы и т. д. Этому же монастырю адресованы 2 диплома конца X века императора Оттона III. Чем дальше, тем больше таких грамот и других актов. Среди рукописей XI века встречаются уже и исторические хроники. Таковы, например, хроника Адемара Шабанского, который составил историю франков до XI века и уделил особое внимание истории Аквитании. Эта рукопись писана в Ангулемском монастыре и украшена замечательными рисунками. К середине XII века относится хроника первого крестового похода Бертольда Пилигрима. Она написана на севере Франции готическим, т. е. угловатым и ломаным, письмом. Здесь как раз и зародился этот тип письма, распространившийся затем по всей Западной Европе.

Среди рукописей XII—XIII веков, хотя они еще написаны в монастырях, очень

много хроник, рыцарских романов, энциклопедий, бестиариев (книг о животных, реальных и фантастических). Эта литература завоевывает себе все более широкий круг читателей. Рукописи написаны и разукрашены с изумительным мастерством. Это тщательная и неторопливая техника монаха, мастера своего дела, часами полирующего золотой фон миниатюры или накладывающего слои краски один за другим, пока не будет достигнут тон нужной густоты и яркости. Композиция и рисунок еще не свободны и наивны, но уже вместо насквозь условных изображений святых художник любовно воспроизводит окружающую его действительность. По миниатюрам этих рукописей историк может изучить быт эпохи: одежду, рыцарское вооружение, замки, корабли.

Еще большее значение для изучения быта имеют миниатюры рукописей XIV—XV веков, т. е. эпохи расцвета городского ремесла. С этого времени монастырские мастерские отходят на задний план. Рукописи изготовляются главным образом в городах светскими цеховыми мастерами, которые создают настоящие шедевры. До нас дошли имена многих таких мастеров. Мы знаем, что именно парижский художник Жакмар Эден разрисовал в конце XIV века один из молитвенников, в котором, например, миниатюра рождества не имеет в себе ничего «божественного», а является очаровательной бытовой сценой. Огромный том «Больших хроник Сен-Дени» (т. е. истории Франции) написан в 50-х годах XV века для Филиппа Доброго, герцога Бургундского. Рукопись интересна своим текстом, но особенно миниатюрами работы знаменитого фландрского мастера Симона Мармиона; их более сотни, и выполнены они с изумительным совершенством. По этим миниатюрам можно изучать всю материальную культуру этого времени: строительную технику, артиллерию, военные корабли, архитектуру церквей и домов, городских и сельских, внутреннее их убранство, не говоря уже о костюмах. Великолепны портреты Филиппа Доброго и его сына, будущего Карла Смелого.

Из других хроник XIV—XV веков следует отметить хронику Столетней войны Жана д'Оронвиля, тоже украшенную прекрасными миниатюрами, изображающими битвы, осады городов, морские сражения и т. п. Интересна также рукопись на старофранцузском языке, так называемая «Хроника Брута», т. е. история Англии, и несколько «всемирных хроник».

Ленинградское собрание богато также документами XIII—XV веков. Французские материалы занимают и здесь первое место. К XIII веку относится немалое число частных хартий, закрепляющих дарения и всевозможные сделки с парижским монастырем св. Антония. Совокупность их дает очень любопытную картину экономической истории того времени. Не менее интересна и большая коллекция пергаменных свитков XIII—XV веков, имеющих иногда до 9 метров длины. На одних чрезвычайно подробно занесены поборы с товаров и ярмарок, сборы тальи, десятины и налогов на укрепление городов, пострадавших в Столетнюю войну. Другие содержат счета по строительству и ремонту замков и крепостей; из них можно почерпнуть данные о заработной плате строительных рабочих. Есть и документы о сдаче земель в аренду, о наследствах и т. п. Все они писаны по большей части королевскими чиновниками уже не на латинском, а на французском языке, курсивным (т. е. быстрым) готическим письмом, очень трудным для чтения из-за множества сокращений.

Для истории Италии XIII—XVI веков большой интерес представляют многочисленные папские буллы. Они адресованы главным образом Генуе. Есть и торжественные грамоты привилегий, дарованных этому городу императорами Фридрихом II и Карлом V, а также грамоты кастильских королей XII—XV веков, заключивших военные и торговые договоры с генуэзцами. Истории Венеции посвящена одна рукопись конца XV века, в другой мы находим сведения об еврейских погромах в Венеции. Любопытны также папские индульгенции (отпущения грехов). По истории Германии и Польши за это же время имеются лишь разрозненные материалы: грамоты императоров, епископов, князей, польских королей, а также частноправовые акты.

Весь этот разнообразный материал может быть с пользой привлечен при изучении отдельных моментов истории перечисленных стран. Но для истории Франции с конца XV до середины XVII века в Ленинградской публичной библиотеке имеется такое огромное количество документов (около 7 тысяч), что на основании их можно произвести множество интереснейших исследований. Большинство документов является документами официальными, имевшими государственное значение, часто даже секретными, шифрованными.

Во Франции вплоть до середины XVII века вся официальная переписка государственных деятелей составляла их частную собственность. Министры, послы, чиновники центральных и провинциальных учреждений хранили в своих личных архивах все полученные ими письма, инструкции, даже шифрованные депеши, — словом, все, что адресовалось им как официальным лицам кем бы то ни было: королем, королевским советом, губернаторами, парламентами и т. д. Из этих бумаг составлялись коллек-

ции, которые дарились, продавались, покупались, передавались по наследству как любая другая собственность. Не только не существовало государственного архива, но никто и не думал о том, что подобного рода документы должны храниться как государственное достояние.

Коллекционеры собрали об'емистые тома материалов первоклассного значения по истории Франции и других стран. Особенно были знамениты собрания канцлера Пьера Сегье (1588—1672) и первого президента парижского парламента Ашилля Арле (1639—1712). Страсть Сегье к книгам и особенно к рукописям была общеизвестна. Ничем нельзя было угодить ему больше, как преподнеся какую-нибудь редкую книгу или ценную рукопись. И так как случаев, когда благоволение канцлера могло быть полезно, было более чем достаточно, то и великолепная его библиотека беспрерывно обогащалась. К тому же деловая его переписка как главы всего административно-судебного аппарата была огромна. Такого же, примерно, характера была и коллекция Арле. Но в ней преобладали документы главным образом XVI века и копии с парламентских регистров.

Оба эти собрания попали в середине XVIII века в знаменитую в то время библиотеку Сен-Жерменского аббатства в Париже, а довольно значительная их часть оказалась затем у Дубровского. Таким превратностям судьбы обязаны мы тем, что располагаем для исследовательской работы историческими источниками первостепенного значения.

Не следует думать, что этот материал касается только Франции. Французские послы при всех дворах Европы посылали в Париж подробные донесения о внутреннем положении тех стран, в которых они находились. Таким образом, сведения, которыми французское правительство пользовалось для своей внешней политики, могут теперь служить материалом для истории других стран.

Солидное число документов относится ко второй половине XV века. Наряду с письмами и грамотами Людовика XI и Карла VIII имеется более сотни писем, адресованных этим королям. Большинство из них написано мелким и замысловатым почерком писцов того времени, со множеством сокращений. В конце писем собственноручные подписи герцогов и других важных сеньеров, выведенные крупно, коряво и часто не совсем грамотно. Сразу видно, что рука, подписавшая письмо, лучше управлялась с оружием и поводьями чем с пером. Но пишут не только сеньеры: есть письма от городов, от парижского купеческого старшины. Есть несколько писем Филиппа Коммина, выдающегося деятеля своего времени и историографа Людовика XI. Между строк его писем, писанных чрезвычайно небрежным и умышленно искаженным почерком, какой-то французский архивист XVIII века вписал их транскрипцию, что очень облегчает пользование этим документом. Коммин не зря старался изменить свой почерк: письма изобличают его как активного участника заговоров герцога Орлеанского во время малолетства Карла VIII. Из совокупности вышеперечисленных документов можно почерпнуть любопытные сведения о присоединении Бретани, об управлении королевством во время итальянских походов, о заговорах крупных феодалов и о множестве других, более мелких эпизодов.

Но настоящее изобилие документов приходится на XVI век, особенно на вторую его половину, занятую так называемыми религиозными войнами. Начиная с 60-х годов идут многотомные серии писем. Тут более 200 писем Екатерины Медичи, писанных ее ужасным почерком с не менее ужасной орфографией [1] и письма всех ее детей. Даже от короткого царствования Франциска II осталось несколько любопытных документов. Материалы по истории царствования Карла IX очень многочисленны. Среди них большой интерес представляет список членов королевского совета, подписанный Карлом IX вскоре после вступления его на престол. От Генриха III сохранилось более 300 писем, адресованных главным образом государственному секретарю Вильруа; для исследования политики королевской власти в самые трудные для нее годы эта переписка имеет исключительное значение [2].

Очень ценным дополнением к королевским письмам являются письма канцлера Бирага, государственных секретарей и других чиновников. Но особенно многочисленна серия писем принцев и герцогов. Легче, кажется, указать, кого здесь не хватает, чем перечислить все имена. Нужно подчеркнуть, что эти аристократы (гранды, как их тогда называли) были все втянуты в острые конфликты классовой борьбы и использовали религиозную распрю для ослабления королевской власти. Гражданская война перемежалась короткими «мирными» периодами, во время которых шла напряженная подготовка к дальнейшим схваткам. Все это нашло отражение не в десятках, а во многих сотнях писем Бирона, Гизов, Конде, Монморанси, герцогов

[1] Они вошли в собрание ее писем, изданное французским ученым Ляферьером.

[2] Она не издана, и современные французские историки пользуются копиями, снятыми с наших документов в XIX веке. Эти копии хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

Лотарингских, Савойских и т. д., не говоря уже о письмах родителей Генриха IV — Антуана Бурбона и Жанны Д'Альбре.

Много документов, писанных членами городских муниципалитетов (например Ляроше́ли), провинциальными штатами, парламентами и другими судебными и административными учреждениями. Среди этих источников любопытнейшие донесения, прошения, наказы. На полях таких документов нередко можно видеть пометки, формулирующие по отдельным пунктам прошений решения короля или его совета. Особо следует отметить собрание папских булл (более 70), адресованных французским королям в течение последней трети XVI века и ярко рисующих участие Рима в преследованиях гугенотов. Интерес подобных материалов усугубляется тем обстоятельством, что история религиозных войн до сих пор еще не достаточно изучена и разработана. Причина этого — слишком малое количество изданных документов. Огромное большинство их рассеяно по всем библиотекам и архивам Франции и других стран, еще не напечатано и не вошло в научный оборот. Между тем ценность этих источников неизмеримо выше чем ценность мемуаров, на основе которых написано большинство трудов, посвященных этой эпохе.

Эти же соображения могут быть в полной мере отнесены и к периоду Генриха IV. Библиотека хранит более 500 его писем, причем далеко не все они напечатаны. Издателей многотомного собрания писем Генриха IV больше привлекала его чисто личная переписка чем деловая. Кроме писем Генриха IV в ленинградской коллекции есть письма его министров и другие материалы. Укажем, например, на очень любопытный документ 1598 года — протест католиков города Нанта против Нантского эдикта. Это лист бумаги длиной более полутора метров, весь покрытый множеством подписей, причем большинство из них сопровождается указанием профессии или должности подписывавшего, что дает возможность установить социальный состав тех, кто был недоволен привилегиями, дарованными гугенотам.

Что касается материалов периода царствования Людовика XIII и малолетства Людовика XIV, то следует отметить прежде всего многотомную переписку провинциальных интендантов с канцлером Сегье. Эти королевские чиновники, являвшиеся верными агентами королевской власти в провинциях, систематически информировали канцлера как об общем состоянии провинций, так и обо всех происшествиях. Их роль была в особенности значительна в деле взимания налогов, которые с 30-х годов XVII века сделались настолько обременительными для трудящихся масс, что последние реагировали на них протестами и восстаниями. Наши документы дают возможность проследить многие любопытные эпизоды классовой борьбы тех годов, особенно в городах.

Не меньший интерес представляют подобного же типа донесения от парламентов и других судебных палат. Большинство этих писем приходится на годы, предшествовавшие Фронде. Есть два тома писем Мазарини.

Начиная со второй половины XVII века документов в ленинградской коллекции становится все меньше и меньше. Это скорее случайные, а не систематически подобранные материалы. Причину такого оскудения нужно искать, как уже было сказано, в тех затруднениях, которые стало встречать при Людовике XIV коллекционирование подобного рода документов отдельными лицами.

Но характеристика ленинградского собрания была бы неполной, если бы остались неупомянутыми многочисленные тома переписки различных европейских государств и их министров с французским правительством. Из наиболее интересных материалов следует отметить письма итальянских правителей: д'Эсте, Гонзаго, Медичи, венецианских дожей, испанских губернаторов Милана и т. д. Большинство этих документов также относится к 60-м годам XVI века. Особенно великолепны верительные грамоты венецианских послов, на огромных листах прекрасного пергамена с печатями на шнурках. Переписка савойских герцогов, самых близких соседей Франции, начинается с 1583 года и занимает 4 больших тома. Личные письма пап и кардиналов к французским королям и членам королевского совета дополняют серию папских официальных грамот (булл), которая была отмечена выше.

Главным образом к XVI веку относятся также письма португальских и испанских королей и грандов. Они касаются не только французских дел: в них можно встретить данные об отношениях этих государств с Англией, Шотландией, Венгрией и т. д. Документы, касающиеся Наварры, начинаются с конца XV века. Небезынтересные сведения можно почерпнуть из материалов библиотеки относительно связей Франции с Англией в период английской революции. Сводки об английских событиях начинаются с 1643 года.

В коллекции имеется также том писем датских королей начиная с середины XVI века. Не менее многочисленны письма немецких князей. Они писаны частично на латинском языке (особо торжественные письма), частично по-французски и по-немецки и охватывают период с середины

XVI до середины XVIII века. В эту серию входят письма императоров, светских и церковных курфюрстов, герцогов Ангальт-Бернбургских, Баден-Баденских, Гессен-Кассельских, Вюртембергских, маркграфов Бранденбургских, епископов Любекских и т. д. Письма польских королей начинаются с конца XVI века и идут с перерывами до середины XVII века. Это собрание отражает главным образом внутреннюю историю Польши. Польским магнатам адресованы латинские письма герцогов Курляндских конца XVI века.

Кроме того следует отметить несколько томов писем ученых XVII—XVIII веков, в основном французских, немецких и голландских, и великое множество всяких частных актов XVII—XVIII веков, тоже преимущественно немецких, голландских и польских. Чрезвычайная пестрота и разнообразие этих материалов не дают возможности охарактеризовать их более подробно.

В заключение остановимся еще на одной любопытной коллекции — бастильских архивах. Выше уже было упомянуто, что в день взятия Бастилии хранившиеся в ней бумаги парижского полицейского управления были выброшены во двор тюрьмы и часть их попала таким образом в частные руки. Доля Дубровского оказалась довольно значительной. Правда, по численности она никак не может равняться с основным фондом бастильских документов, хранящихся ныне в одной из парижских библиотек в количестве около 1 миллиона. Ленинградское собрание насчитывает лишь около тысячи документов и пятнадцать рукописей[1], но все же оно самое крупное из всех, которые оказались оторванными от основных бастильских архивов. В Бастилии хранился весь архив парижской полиции, поэтому наши материалы относятся и к другим парижским тюрьмам. Ряд документов рисует тюремный режим; здесь счета на одежду для заключенных, расписание прогулок и т. д. Переписка главного управления полиции с администрацией Бастилии за 1774 год очень любопытна той доведенной до крайности бюрократизацией, которая характерна для последних годов старого режима. Комендант тюрьмы не имеет права отдать распоряжение, чтобы заключенному выбрили голову или запломбировали зубы: на все должно быть письменное разрешение самого начальника полиции с его собственноручной подписью.

Том донесений агентов тайной полиции дает яркое представление о систематической слежке за разговорами во всех публичных местах: в кафе, театрах и т. п. Большое место занимают материалы литературного характера — мемуары и стихи, писанные заключенными в самой тюрьме. Интересно полицейское дело о Вольтере. Документы рисуют неустанную борьбу, которую приходилось вести Вольтеру со всякими издателями, печатавшими его сочинения без разрешения и искажавшими их при этом. Знаменитые «lettres de cachet», т. е. королевские приказы об аресте, протоколы допросов заключенных, их письма и заявления, материалы, отобранные при обыске, — все эти документы, при всей их разрозненности и случайности, дают пеструю и яркую картину подлинной исторической действительности, которая, как и всегда, оказывается гораздо сложнее и интереснее традиционных представлений и легенд. Историк французского абсолютизма XVIII века не может пройти мимо истории знаменитой тюрьмы — одной из твердынь королевской власти и мощного орудия террора и угнетения свободной революционной мысли. Ленинградские материалы должны послужить отправным пунктом для таких исследований.

Все эти рукописные источники освоены советской исторической наукой далеко еще не достаточно. В особенности это относится к документам XVI—XVIII веков, которые лишь в последние годы привлекли внимание некоторых ленинградских историков, базирующих на них свои исследования по истории Франции XVI—XVII веков. Не менее настоятельно встает вопрос об издании: не говоря уже о том, что публикации, которые были осуществлены в XIX веке французскими учеными, очень часто не отвечают современным требованиям, пред'являемым к научно-критическим изданиям текстов, значительная часть ленинградских материалов до сих пор остается неизданной.

Изучение и издание многочисленных рукописных богатств, хранящихся в Ленинградской публичной библиотеке, обогатят работы наших историков новыми материалами первоклассного значения.

[1] Часть этих материалов была списана французскими исследователями, а некоторые даже напечатаны (правда, в труднодоступном издании). Но в самые последние годы, в процессе работы над этим фондом, работниками рукописного отделения были обнаружены новые тома, оставшиеся неизвестными французам.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

Библиографическая справка

ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА. КОРЕННОЕ ОТЛИЧИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ОТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство, или критика «Критической критики». Соч. Т. III (стр. 105; 146—148).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. V (стр. 483—497; 506).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Известия из Парижа. Соч. Т. VI (стр. 199).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Законопроект о феодальных поборах. Соч. Т. VI (стр. 340).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Буржуазия и контрреволюция. Соч. Т. VII (стр. 54—56).

Маркс, К. К еврейскому вопросу. Соч. Т. I (стр. 384—392).

Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Соч. Т. I (стр. 409).

Маркс, К. Из критики философии права Гегеля. Соч. Т. I (стр. 600).

Маркс, К. Коммунизм и «Всеобщая Аугсбургская Газета». Соч. Т. I (стр. 218).

Маркс, К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». Соч. Т. III (стр. 13—18).

Маркс, К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. Соч. Т. V (стр. 219).

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч. Т. VIII (стр. 323—326, 343, 404).

Маркс, К. К критике политической экономии. Соч. Т. XII. Ч. 1-я (стр. 188).

Маркс, К. Гражданская война во Франции. В книге **Карл Маркс.** Избр. произв. в 2 томах. Том II. М. Госполитиздат. 1938 (стр. 363).

Энгельс, Ф. Очерки критики политической экономии. Соч. Т. II (стр. 294).

Энгельс, Ф. Положение Англии. – XVIII век. Соч. Т. II (стр. 348—350; 351—352).

Энгельс, Ф. Прогресс движения за социальную реформу на континенте. Соч. Т. II (стр. 394).

Энгельс, Ф. Эльберфельдские речи. Т. III (стр. 291).

Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо первое. Соч. Т. V (стр. 7—8).

Энгельс, Ф. Праздник народов в Лондоне. Соч. Т. V (стр. 28—30).

Энгельс, Ф. Коммунисты и К. Гейнцен. Соч. Т. V (стр. 185).

Энгельс, Ф. Принципы коммунизма. Соч. Т. V (стр. 469, 470).

Энгельс, Ф. Из Парижа в Берн. Соч. Т. VI (стр. 529).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 106, 107; 287—288).

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Соч. Т. XIV (стр. 656, 657).

Энгельс, Ф. Карл Маркс. Соч. Т. XV (стр. 419, 420).

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Соч. Т. XV (стр. 510—513).

Энгельс, Ф. Марка. Соч. Т. XV (стр. 643).

Энгельс, Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта». Соч. Т. XVI. Ч. 1-я (стр. 189, 190).

Энгельс, Ф. Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии». Соч. Т. XVI. Ч. 1-я (стр. 255).

Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я (стр. 503, 504).

Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Соч. Т. XVI. Ч. 2-я (стр. 290, 291, 300, 301).

Энгельс, Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я (стр. 444).

Ленин, В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. Соч. Т. V (стр. 95).

Ленин, В. И. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. Соч. Т. VI (стр. 118).

Ленин, В. И. О боевом соглашении для восстания. Соч. Т. VII (стр. 117).

Ленин, В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? Соч. Т. VIII (стр. 189—190).

Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч. Т. VIII (стр. 122—123).

Ленин, В. И. Первые итоги политической группировки. Соч. Т. VIII (стр. 337).

Ленин, В. И. Социализм и религия. Соч. Т. VIII (стр. 421—422).

Ленин, В. И. Заключительное слово по аграрному вопросу на об'единительном с'езде РСДРП 1906 г. Соч. Т. IX (стр. 150).

Ленин, В. И. Фр. Меринг о второй думе. Соч. Т. XI (стр. 73).

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч. Т. XI (стр. 419; 460).

Ленин, В. И. Против бойкота. Из заметок с.-д. публициста. Соч. Т. XII (стр. 33; 35).

Ленин, В. И. О «Вехах». Соч. Т. XIV (стр. 220).

Ленин, В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч. Т. XV (стр. 108—109).

Ленин, В. И. О старых, но вечно новых истинах. Соч. Т. XV (стр. 196).

Ленин, В. И. Плохая защита либеральной рабочей политики. Соч. Т. XV (стр. 439).

Ленин, В. И. О политической линии. Соч. Т. XVI (стр. 144).

Ленин, В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед. Соч. Т. XVII (стр. 186).

Ленин, В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Заметки. Соч. Т. XVI (стр. 400—401).

Ленин, В. И. О двух линиях революции. Соч. Т. XVIII (стр. 314—315).

Ленин, В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Соч. Т. XXI (стр. 274).

Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском с'езде профессиональных союзов 20 января 1919 г. Соч. Т. XXIII (стр. 489).

Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти. Соч. Т. XXIV (стр. 63).

Ленин, В. И. О государстве. Соч. Т. XXIV (стр. 366—367).

Ленин, В. И. Приветственная речь на I Всероссийском с'езде по внешкольному образованию. Соч. Т. XXIV (стр. 291, 293, 304).

Ленин, В. И. Доклад о тактике Р. К. П. на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч. Т. XXVI (стр. 464).

Ленин, В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Соч. Т. XXVII (стр. 24, 25).

Ленин, В. И. О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии. Соч. Т. XXVII (стр. 103).

Ленин, В. И. О значении воинствующего материализма. Соч. Т. XXVII (стр. 185).

Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург. Соч. Т. XXX (стр. 90; 93, 94).

Сталин, И., Жданов, А., Киров, С. Замечания о конспекте учебника новой истории. В книге «К изучению истории». М. Партиздат. 1937 (стр. 25, 26, 27).

Сталин, И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М. Огиз. 1938. (стр. 16).

Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. Огиз. 1939 (стр. 237—238).

Сталин, И. О Ленине. М. «Молодая гвардия». 1939 (стр. 8).

Сталин, И. Вопросы ленинизма. 10-е изд. 1934 (стр. 36; 107—109; 171; 208—209; 609).

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Революция и контрреволюция в Германии. Соч. Т. VI (стр. 27).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Революция в Китае и в Европе. Соч. Т. IX (стр. 317, 318).

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том I. Книга 1-я. Соч. Т. XVII (стр. 370—407; 408—554).

Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. Т. I. 4-е изд. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936 (стр. 39—46; 54—66).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 17, 18, 19, 20).

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Соч. Т. XIV (стр. 635).

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Соч. Т. XV (стр. 507, 508).

Ленин, В. И. От какого наследства мы отказываемся. Соч. Т. II (стр. 313—315).

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч. Т. XI (стр. 360).

Ленин, В. И. Три источника и три составных части марксизма. Соч. Т. XVI (стр. 350).

Ленин, В. И. Еще одно уничтожение социализма. Соч. Т. XVII (стр. 274—276).

Ленин, В. И. К. Маркс. Соч. Т. XVIII (стр. 8—9).

Ленин, В. И. О значении воинствующего материализма. Соч. Т. XXVII (стр. 184).

Сталин, И. Вопросы ленинизма. 10-е изд. 1934 (стр. 6—7).

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА В БОРЬБЕ С АБСОЛЮТИЗМОМ

Маркс, К. Коммунизм «Рейнского обозревателя». Соч. Т. V (стр. 176).

Энгельс, Ф. Гражданская война в Швейцарии. Соч. Т. V (стр. 231—232).

Ленин, В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? Соч. Т. VIII (стр. 173).

Ленин, В. И. Встреча друзей. Соч. Т. VIII (стр. 215).

Ленин, В. И. Речь об отношении к советам Р. и С. Д. на Всероссийской апрельской конференции РСДРП 1917 г. Соч. Т. XX (стр. 257).

ЯКОБИНЦЫ И ЯКОБИНСКАЯ ДИКТАТУРА

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Святое семейство, или критика «критической критики». Соч. Т. III (стр. 141; 150—153).

Маркс К. и Энгельс, Ф. Война в Италии. Соч. Т. VII (стр. 338, 339).

Маркс, К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». Соч. Т. III (стр. 11—13).

Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. Соч. Т. III (стр. 599—611).

Маркс, К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. Соч. Т. V (стр. 205—206).

Маркс, К. Речь по польскому вопросу 22/II 1848 г. Соч. Т. V (стр. 261—262).

Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу от 30/I 1865 г. Соч. Т. XXIII (стр. 233, 234).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 260, 262).

Энгельс, Ф. Письмо К. Марксу от 26/IX 1851 г. Соч. Т. XXI (стр. 280).

Ленин, В. И. Новые задачи и новые силы. Соч. Т. VII (стр. 150).

Ленин, В. И. Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты. Соч. Т. VII (стр. 151).

Ленин, В. И. Политические софизмы. Соч. Т. VII (стр. 246).

Ленин, В. И. Доклад об участии с.-д. во временном революционном правительстве на III с'езде РСДРП. Соч. Т. VII (стр. 270—272).

Ленин, В. И. О временном революционном правительстве. Соч. Т. VII (стр. 326, 327).

Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч. Т. VIII (стр. 65).

Ленин, В. И. Русская революция и задачи пролетариата. Соч. Т. IX (стр. 29).

Ленин, В. И. Кто за союзы с кадетами. Соч. Т. IX (стр. 372).

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч. Т. XI (стр. 472).

Ленин, В. И. О происшествии с королем португальским. Соч. Т. XII (стр. 150).

Ленин, В. И. Об оценке текущего момента. Соч. Т. XII (стр. 383).

Ленин, В. И. Переход контрреволюции в наступление. «Якобинцы без народа». Соч. Т. XX (стр. 435).

Ленин, В. И. О врагах народа. Соч. Т. XX (стр. 505, 506).

Ленин, В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? Соч. Т. XX (стр. 555, 556).

Ленин, В. И. За деревьями не видят леса. Соч. Т. XXI (стр. 84—85).

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. XXI (стр. 186; 189—190).

Ленин, В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Соч. Т. XXI (стр. 262).

Ленин, В. И. Странное и чудовищное. Соч. Т. XXII (стр. 301—303).

Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. Соч. Т. XXII (стр. 483).

Ленин, В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч. Т. XXII (стр. 514).

Ленин, В. И. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. XXIII (стр. 185).

Ленин, В. И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч. Т. XXIV (стр. 9).

Ленин, В. И. Доклад о работе в деревне на VIII с'езде РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч. Т. XXIV (стр. 164).

Ленин, В. И. Доклад на VII Всероссийском С'езде Советов 5—9 декабря 1919 г. Соч. Т. XXIV (стр. 603—604).

Ленин, В. И. Речь на Всероссийском С'езде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. Соч. Т. XXVI (стр. 293).

Ленин, В. И. О продовольственном налоге. Соч. Т. XXVI (стр. 323).

Сталин, И. Беседа с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. «Вопросы ленинизма». 9-е изд. М. 1933 (стр. 312).

Сталин, И. В. Международный характер Октябрьской революции. «Вопросы ленинизма». 10-е изд. М. 1934 (стр. 208).

Сталин, И. В. Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 г.г. М.—Л. Гиз. 1928 (стр. 742—743).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Внешняя политика Германии. Соч. Т. VI (стр. 237).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Новый финансовый фокус, или Гладстон и пенсы. Соч. Т. IX (стр. 141).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г. Соч. Т. XV (стр. 550).

Энгельс, Ф. Эльберфельдские речи. Соч. Т. III (стр. 278).

Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. Соч. Т. VIII (стр. 448—453).

Энгельс, Ф. Артиллерия. Соч. Т. XI. Ч. 2-я (стр. 422).

Энгельс, Ф. Пехота. Соч. Т. XI. Ч. 2-я (стр. 487—489).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 171—172).

Ленин, В. И. Уроки коммуны. Соч. Т. XII (стр. 162).

Ленин, В. И. Реферат на тему «Пролетариат и война». Соч. Т. XVIII (стр. 50).

Ленин, В. И. Крах II Интернационала. Соч. Т. XVIII (стр. 242).

Ленин, В. И. Прикрытие социал-шовинистической политики интернационалистскими фразами. Соч. Т. XVIII (стр. 337).

Ленин, В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Соч. Т. XIX (прим. на стр. 41—42).

Ленин, В. И. О брошюре Юниуса. Соч. Т. XIX (стр. 181—187).

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. XXI (стр. 173—174; 189—190).

Ленин, В. И. Люли с того света. Соч. Т. XXII (стр. 183).

Ленин, В. И. О революционной фразе. Соч. Т. XXII (стр. 263).

Ленин, В. И. Открытое письмо Борису Суварину. Соч. Т. XXX (стр. 284—286).

Ленин, В. И. Война и революция. Лекция 27 (14) мая 1917 г. Соч. Т. XXX (стр. 333—335).

Сталин, И. В. Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. М.—Л. Гиз. 1928. (стр. 610—611).

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Ленин, В. И. Положение Бунда в партии. Соч. Т. VI (стр. 85).

Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч. Т. XVII (стр. 151).

Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. Огиз. 1939 (стр. 16).

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство, или критика «критической критики». Соч. Т. III (стр. 149, 150).

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Немецкая идеология. Соч. Т. IV (стр. 158, 159, 223).

Маркс, К. Дебаты шестого Рейнского ландтага. Соч. Т. I (стр. 145).

Маркс, К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». Соч. Т. III (стр. 13).

Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. Соч. Т. III (стр. 609—610).

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том I. Книга I. Соч. Т. XVII (стр. 816, 817, 828).

Энгельс, Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета» (1848—1849). Соч. Т. VI (стр. 8, 9).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 253—254).

Энгельс, Ф. Письмо В. Адлеру от 4/XII 1889 г. в книге **Маркс, К.** и **Энгельс, Ф.** Письма. Сборник избранных писем. 4-е изд. М.—Л. Соцэкгиз. 1931 (стр. 362—364).

Ленин, В. И. Фр. Меринг о второй думе. Соч. Т. XI (стр. 75).

Ленин, В. И. Приготовление «отвратительной» оргии. Соч. Т. XII (стр. 111).

Ленин, В. И. Крах II Интернационала. Соч. Т. XVIII (стр. 250).

Ленин, В. И. Советы постороннего. Соч. Т. XXI (стр. 320).

БАБЕФ И «ЗАГОВОР РАВНЫХ» (1795—1797)

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. V (стр. 509).

Маркс, К. Святое семейство, или критика «критической критики». Соч. Т. III (стр. 147).

Маркс, К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. Соч. Т. V (стр. 208, 209).

Энгельс, Ф. Статьи из «New moral world». Прогресс движения за социальную реформу на континенте. Соч. Т. II (стр. 394).

Энгельс, Ф. Праздник народов в Лондоне. Соч. Т. V (стр. 28—29).

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. XIV (стр. 18, 367, 377).

Составили библиографы Государственной публичной исторической библиотеки Р. ИНГЛЕЗИ и Н. СТАРИКОВ.

В. Голионко

«Красный архив» — Исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР. Т. 6 (91), 1938.

В настоящий том журнала вошли новые исторические документы о Сучанской долине в годы гражданской войны, германской оккупации в Полесье, франко-германском кризисе 1875 года, истории рабочего движения 80—90-х годов, истории волнений на Глушковской суконной фабрике (1797—1798 годы), истории каракалпаков XVIII века, борьбе царского правительства и цензуры с революционным «Кобзарем» Т. Г. Шевченко, новые данные об убийстве Кецховели, новые материалы о диссертации Н. Чернышевского.

Все эти материалы представляют собой большой исторический и политический интерес. Так, в документах, относящихся к франко-германскому кризису 1875 года, освещается дипломатический эпизод, получивший название «военной тревоги 1875 года». Инцидент этот, искусственно созданный германской дипломатией спустя примерно четыре года после франко-прусской войны, имел целью организацию превентивной войны против Франции, которую Германия стремилась низвести на положение второстепенной державы.

Опубликованные документы содержат ряд неоспоримых фактов, подтверждающих стремление Бисмарка умышленно создать состояние военной тревоги в Европе в целях осуществления своих захватнических планов.

О том, что эта военная угроза со стороны Франции была выдумана и раздута Бисмарком, свидетельствует заявление английского посла лорда Адо, вызванного кронпринцем для об'яснений. Английский посол сообщил кронпринцу, что «по его сведениям, французское правительство не думает о войне по той простой причине, что Франция не имела бы средств предпринять войну, если бы даже об этом и думала» (стр. 119).

Военный деспотизм бисмарковской Германии, как совершенно правильно отмечает автор предисловия тов. Ерусалимский, постоянно нуждался для утверждения своего господства в существовании военной тревоги, а когда в действительности этой тревоги не было, ее искусственно пыталась создавать бисмарковская дипломатия. Так было и весной 1875 года, когда осуществлению плана захватнической войны против Франции помешала неблагоприятно сложившаяся для Германии международная обстановка. Бисмарковская дипломатия ошиблась в своих расчетах на острое соперничество в Азии между Англией и царской Россией, которое должно было предоставить Германии свободу действий в Европе.

Дипломатическое поражение Германии «впервые обнаружило,— пишет в заключении вводной статьи Ерусалимский,— неудачи изоляции Франции и возможность сближения между Францией и Россией. Оно подтолкнуло бисмарковскую Германию на путь более тесного сближения с Австро-Венгрией, приведшего его вскоре к образованию военного союза двух центральных европейских монархий. Оно впервые показало тщетность усилий новообразованной Германской империи добиться победных лавров путем проведения в самом сердце Европы «локализованных» войн, оно впервые столь ярко обнажило то, что скрывалось за «миротворческой» политикой военного деспотизма бисмарковской Германии. В этом заключается основной исторический и политический урок давнего, но все еще не забытого эпизода «военной тревоги 1875 года».

Заслуживает внимания поведение германской буржуазной прессы в этот период; подобно унифицированной фашистской прессе Геббельса германская печать того времени дружно и послушно выполняла волю «железного канцлера». Энгельс писал по этому поводу: «Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под господством биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того, что она намерена по возможности уже в будущем году напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой только враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о местном ополчении только что превратила два миллиона граждан в солдат запаса»[1].

Германия еще во времена Бисмарка стремилась к изоляции Франции, исходя из

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 205.

принципа — бить своих противников поодиночке.

Подобного рода подрывная тактика в международных отношениях получила наивысшее развитие в наши дни у фашистских агрессоров, открыто и с необычайной наглостью проводящих ее в жизнь.

Чрезвычайно интересны документы по истории германской интервенции в Полесье в 1918 году и о борьбе белорусского народа с оккупантами, проводившими политику грабежа и свирепого террора в отношении трудящегося населения Белоруссии. Вот несколько выдержек из этих документов. В телеграмме областного комитета РКП(б) Северозападной области от 21 апреля 1918 года сообщалось Совнаркому: «...получены сведения от ответственных партийных товарищей из Минска о вопиющих нарушениях международного права, творимых немецкими властями в Минске. Немцы охотятся на людей, ловят поголовно всех на улицах и в домах; держат в лагерях под стражей, а затем грузят в наглухо запечатанные вагоны и увозят в неизвестном направлении...» (стр. 93). В оперативной сводке Московского военного округа от 10 марта 1918 года говорится, что на западном фронте «обращение неприятеля с попавшими к нему в плен ужасное: всех избивали и расстреливали; также расстреливаются все по указанию помещиков, что он большевик или член Советов» (стр. 93).

Такие действия немецких захватчиков не замедлили вызвать вооруженный отпор населения.

Оперативная сводка военного комиссариата Московской области от 16 марта 1918 года сообщала: «На всем западном фронте идет усиленное и успешное формирование крестьянских партизанских отрядов по своей инициативе. Разведка сообщает о начавшейся перегруппировке германских ударных групп. В тылу немцев усиленно действуют наши партизаны: получены сведения, что между Гомелем и Жлобиным взорван немецкий бронированный поезд. Крестьяне к немцам настроены враждебно и к себе в деревню без сопротивления не впускают» (стр. 99).

Партизанское движение и массовые восстания населения против оккупантов охватили всю Белоруссию. Такие же события разворачивались на Украине.

Германские захватчики потерпели поражение, столкнувшись со всенародным восстанием в Белоруссии и на Украине. Войска оккупантов повернули штыки против своих генералов, а вспыхнувшая ноябрьская революция 1918 года в Германии ускорила крах захватнических планов немецких империалистов в отношении Советской республики.

В статье «Сучанская долина в годы гражданской войны» приводятся интересные документы по истории интервенции на Дальнем Востоке 1918—1922 годов. Документам предшествует вводная статья М. Губельмана, участника гражданской войны на Дальнем Востоке. Сучанская долина и находящиеся в этом районе каменноугольные рудники являлись базой партизанского движения в Приморье. Сложность обстановки и интенсивность партизанской борьбы в Сучанском районе определялись близостью интервентской базы, находившейся во Владивостоке.

С началом вооруженной интервенции на Дальнем Востоке Сучанские рудники прекратили снабжение углем Владивостока, где находились интервенты. В ответ на забастовку интервенты при непосредственном участии бывшего управляющего рудниками Егорова захватили сучанские шахты.

В период интервенции рабочие и крестьяне Сучанской долины подвергались свирепому террору со стороны русской белогвардейщины, действовавшей в союзе с иностранными захватчиками, возглавляемыми японцами.

О расправах японской военщины с сучанскими рабочими красноречиво сообщает газета «Красное знамя», полулегально издававшаяся в то время во Владивостоке.

В номере от 13 февраля 1920 года газета пишет о событиях на Сучанском руднике: «Необходимо указать, что японский отряд на руднике совершенно терроризовал его рабочее население, под страхом расстрела запрещая всякое даже маленькое собрание рабочих, арестовывая и высылая рабочих по указаниям своей и розановской разведки... После собрания (27 января) были арестованы пять рабочих и, как главари собрания, были приговорены японским командованием к расстрелу» (стр. 58).

Так хозяйничали японские интервенты на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах.

При всей ценности опубликованных документов по истории партизанского движения в Сучанской долине в этом разделе допущены и существенные ошибки. Так например в комментариях к слову «Калмыков» на стр. 28 сказано: «На Гродековском фронте с февраля 1918 года орудовал есаул Калмыков, организовавший восстание казаков против советов». Никаких документов в подтверждение этого не приводится, да они и не могут быть при-

ведены, так как казачьих восстаний в Приморье в период интервенции 1918—1922 годов не существовало. Наоборот, трудовое казачество на Дальнем Востоке с самого начала интервенции боролось за советы в рядах Красной Гвардии, Красной Армии и партизанских отрядов, а будучи насильно под угрозой расстрелов мобилизованным в белые отряды, оно восставало против своих атаманов и уходило к партизанам.

В начале 1918 года банда есаула Калмыкова состояла из кадет бывшего хабаровского кадетского корпуса, молодого офицерства, преимущественно прапорщиков выпуска военного времени, разного антисоветского сброда (чиновников, торговцев, буржуазных сынков, монахов Шмаковского монастыря и пр.), а также незначительной группы казачьей кулацкой верхушки.

Первый вооруженный отпор калмыковской банде был дан трудовым казачеством Гродековского станичного округа. Еще 26 апреля 1918 года общее собрание казаков станицы Полтавской (Гродековского округа) постановило «организовать в поселке Полтавском совет казачьих депутатов»[1].

Состоявшийся 16 — 17 июля того же года чрезвычайный с'езд крестьян и казаков Иманского уезда обсудил вопрос о текущем моменте и постановил «немедленно отправить на фронт (Уссурийский.— В. Г.) всех красногвардейцев и красноармейцев Иманского уезда, призвать на военную службу граждан от 18 до 45-летнего возраста»[2].

После вторжения интервентов в Приморье Калмыков проводил мобилизацию казаков путем диких репрессий и расстрелов. Вот несколько документов, характеризующих отношение трудового казачества к советской власти в период интервенции: «... в селе Липовцах отрядом Калмыкова расстреляно 8 казаков за отказ подчиниться приказу есаула Калмыкова о наборе казаков ... им уже расстреляно по этому поводу 40 человек». Это сообщала издававшаяся во Владивостоке буржуазная газета «Далекая окраина» 18 июля 1918 года.

Все казаки, принудительно мобилизованные в отряд Калмыкова, в ночь на 28 января 1919 года восстали против Калмыкова в Хабаровске и были интернированы на территории американских войск, а потом отпущены. Большинство их ушло в партизанские отряды[3]. После этого восстания Калмыков остался только с небольшим отрядом бандитов и головорезов, исполнявших роль палачей трудящегося населения Приамурья и Приморья. Как же можно называть этого японского наймита «организатором восстаний казаков против советов»? В данном случае эту ошибку можно об'яснить незнанием действительного положения вещей или небрежностью.

Большой интерес представляют документы о волнениях на Глушковской суконной фабрике в 1797—1798 годах.

Эти документы являются яркой иллюстрацией тяжелого положения крепостных крестьян и мастеровых, подвергавшихся невероятной эксплоатации со стороны предпринимателей и помещиков-крепостников.

В конце января 1798 года на Глушковской суконной фабрике и прилегающей к ней местности вспыхнули крупные волнения рабочих и крестьян, охватившие ряд селений, расположенных по реке на протяжении 60 верст с населением около 25 тысяч человек.

Для подавления этих волнений, участники которых проявляли «дерзость на разграбление дворянских домов», властями выслано было из соседних городов два казачьих и два кирасирских полка при 4 пушках. Волнения были свирепо подавлены. Организатор и руководитель этих волнений писарь Петр Слюсарев был присужден к «200-ми кнутом ударами с вырезанием ноздрей и постановлением штемпельных знаков и ссылке в каторжную работу» (стр. 217).

Более 500 человек было подвергнуто наказанию: взрослые—плетьми и батогами, а малолетние—розгами.

В документах о рабочем движении 80—90-х годов освещается стачечное движение в России 1881—1894 годов, развертывавшееся в первый, «утробный» период истории социал-демократической партии.

Опубликовывая эти документы, редакция ставила своей задачей—«дать в помощь изучающему историю ВКП(б) документальный материал лишь к небольшой части первой главы «Краткого курса истории ВКП(б)».

Документы состоят из донесений губернаторов министру внутренних дел, донесений начальников губернских жандармских управлений в департамент полиции, записок и докладов министра внутренних дел А. Толстого Александру III и др. Даже эти официальные документы дают яркую картину бесправия, гнета и самой безудержной эксплоатации рабочих фабрикан-

[1] «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке», стр. 60. Дальгиз. 1933.

[2] Там же, стр. 75.

[3] Там же, стр. 9.

тами и заводчиками. Возникавшие на этой почве стачки и волнения рабочих заставили министра внутренних дел поставить 4 февраля 1885 года вопрос «о настоятельности ныне же приступить к составлению, в развитие действующего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы к устранению в будущем повторения прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях» (стр. 163).

В числе документов даны интересные выписки из подпольного московского студенческого журнала «Об'единение» за февраль 1887 года о подавлении при помощи войск стачки рабочих на ткацких фабриках Петербурга, вызванной систематическим снижением заработной платы путем увеличения размера выработки.

Все эти материалы дают жуткую картину жесточайшей эксплоатации рабочих и крестьян того времени и свирепой расправы над ними за попытки хотя бы в самой незначительной мере облегчить свое положение.

Материалы по истории каракалпаков XVIII века дают новые данные, пополняющие весьма скудные сведения по истории этого народа, ведшего в первой половине XVIII века полукочевой образ жизни на берегах реки Чирчик около Туркестана и по берегам реки Сыр-Дарьи на Восточной стороне Аральского моря.

Первые сведения о каракалпаках имеются лишь в архивных материалах «Сибирского приказа», но и они относятся только к XVIII веку.

В целях защиты от нападений соседних народов каракалпаки перешли в 1742 году в подданство России.

Принимая в свое подданство каракалпаков, русский царизм исходил из соображений, что «польза быть от них может такая, что живут они близ Аральского озера по реке Сырь, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить... до Бухар и до Водокшана и в Индию и наипаче через те места, ежели какие нечаянные противные случаи не помешают удобно рассыпанные бухарские владения одно по другом в вечное ее императ. велич. подданство приводить»[1].

Находясь в сфере междоусобной борьбы соседних народов—джунгаров и казахов,—каракалпаки, почти совершенно разоренные, вынуждены были перекочевать к границам Хивы, где они оказались в полной зависимости от хана, а впоследствии и от Бухары. В полное подчинение России каракалпаки перешли только после присоединения Хивы и Бухары к России, во второй половине XIX века.

Большой интерес представляют материалы о репрессиях царского правительства в отношении произведений Т. Г. Шевченко, новые данные об убийстве Ладо Кецховели и новые материалы о диссертации Чернышевского.

Из этих документов устанавливается, что в 1911 году Петербургским комитетом по делам печати возбуждено было уголовное преследование против лиц, «виновных в напечатании этих изданий» (полного собрания сочинений Т. Шевченко), а на самое издание был наложен арест. Приговором же сената от 18 декабря 1912 года все пять изданий «Кобзаря» Т. Г. Шевченко были уничтожены.

Документы об убийстве крупнейшего деятеля большевистских организаций Закавказья, ближайшего соратника товарища Сталина, Ладо Кецховели содержат новые данные о гнусном преступлении царских тюремщиков.

Как это видно из заключения военно-окружного суда от 7 октября 1903 года, это убийство совершено было 17 августа 1903 года часовым наружного поста в тот момент, когда Кецховели стоял на подоконнике окна своей камеры. Часовой, совершивший убийство Ладо Кецховели, действовал на основании указаний свыше.

Даже военно-прокурорским надзором была признана «незаконность» совершенного убийства, но дело о виновниках убийства было замято и прекращено.

В конце журнала опубликован ряд новых материалов о диссертации Н. Г. Чернышевского на тему «Эстетические отношения искусства к действительности». На заседании историко-филологического факультета Петербургского университета 11 мая 1855 года после успешно проведенной Чернышевским защиты своей диссертации было определено: «Кандидата Чернышевского удостоить степени магистра русской словесности и донести о сем совету университета».

Таково в общих чертах содержание последнего номера журнала «Красный архив». Материалы, помещенные в этом номере, будут с большим интересом прочитаны нашими историками, а также и самостоятельно работающими над «Кратким курсом истории ВКП(б)».

---

[1] ГАФКЭ. Киргиз-кайсацкие дела, к. 5. д. 4 («Красный архив», стр. 227).

И. Ивашин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ НАСИЛЬНИКОВ

ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ «Хроника Ливонии». 1938. 351 стр. 12 руб.

Германский фашизм, расправившись с независимостью Австрии и оккупировав Чехо-Словакию, готовит агрессивные планы против ряда других государств Восточной Европы, в числе которых находятся и страны Прибалтики. Свои захватнические вожделения германский фашизм стремится обосновать «научно». Для этой цели используются в извращенном виде факты и события из истории германского народа и народов Восточной Европы. Используется, например, история так называемой колонизации Прибалтики. Фашистские фальсификаторы истории и расоведы воспевают грабительские походы «рыцарей-прохвостов» в Прибалтике как «цивилизаторские» действия.

Изданная летом 1938 года Академией наук СССР «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского полностью разоблачает лживость разглагольствований фашистских ликвидаторов науки. Ярко обрисованные картины действий немецких миссионеров-угнетателей превращают «Хронику Ливонии» в обвинительный акт против немецких захватчиков. На исторических примерах «Хроника» об'ективно показывает, что в действительности принесла народам Прибалтики немецкая экспансия в Восточной Европе.

Автор «Хроники Ливонии» Генрих Латвийский был сторонником и соучастником немецких миссионеров в Ливонии, последовательным представителем немецкой католической церкви. По происхождению своему он был, очевидно, немцем. Его летопись представляет собой большую ценность потому, что он описывал то, что видел собственными глазами и что узнал от своих товарищей — очевидцев. Генрих Латвийский заявляет: «Ничего тут иного не прибавлено к тому, что почти всё мы видели своими глазами...» и «...узнали от видевших и участвовавших» (стр. 237). Цель Генриха Латвийского заключалась в прославлении действий епископа Альберта и своих собратьев — немецких насильников — как распространителей христианской религии среди язычников. Он оправдывает все зверства немецких насильников. «Много дел и славных дел,— заявляет он патетически,— совершилось в Ливонии во время обращения язычников к вере Иисуса Христа» (стр. 237). По суб'ективным побуждениям автора, «Хроника Ливонии» должна была явиться панегириком завоевателям-немцам; она должна была оставить память об их «подвигах» потомкам. Но об'ективно «Хроника» превратилась из панегирика в обвинительный акт не только против насильников того времени, но и против преступных планов современных германских фашистов.

«Хроника» Генриха Латвийского, написанная им в 20—30-х годах XIII века, является важнейшим памятником по истории немецкой «колонизации» Прибалтики. Но этим ее значение не исчерпывается: она имеет важное значение и для изучения истории народов СССР, так как в ней есть ценные указания относительно ряда русских княжеств и о взаимоотношениях между северозападными русскими княжествами и народами Прибалтики.

Для того чтобы показать важность «Хроники» Генриха Латвийского, для выяснения сущности немецкого «миссионерства» отметим важнейшие моменты из истории немецкой экспансии в Прибалтике.

Прибалтика (Курляндия, Ливония и Эстония) уже в XI—XII веках привлекала внимание немецких захватчиков — они посылали сюда купцов и миссионеров — разведчиков. Через Балтийское море, Рижский залив и Западную Двину немецкие купцы проникали в глубь указанных стран. «Этот мелкий люд,— писал Маркс,— и пришедшие с ним ремесленники встречали хороший прием до тех пор, пока они не начинали говорить о язве христианства и о десятине»[1]. Немецкие миссионеры действовали коварно и хитро. Мейнард (прибывший в Ливонию около 1186 года), пользуясь тяжелым положением ливов, обещает построить для них крепость, если они примут христианство. Но ливы прекрасно знали, что вслед за христианством на них будет возложено бремя всяких церковных и иных поборов, что за христианизацией последует и социально-политическое их закабаление. Исходя из этого, они решили от Мейнарда избавиться: «...людей его избили, а самого его ливы решили изгнать из своих владений» (стр. 60).

«Христианско-немецкая скотская культура» (Маркс), распространяемая миссионерами, была ненавистна ливам.

Распространяя христианство, немецкие насильники устраивали разбойничьи налеты на мирных жителей Курляндии и

[1] К. Маркс «Хронологические выписки». «Большевик» № 24 за 1936 год, стр. 51.

Эстонии. Генрих Латвийский указывает, что тогда же они хотели напасть на куров, но бурей их корабли были отброшены. «Они пристали в Виронии, эстонской области, и в течение трех дней разоряли ее» (стр. 63).

Вместо Мейнарда в 1196 году епископом Ливонии стал Бертольд. Он действовал хитростью. Пригласив к себе представителей знати, Бертольд пытался подкупить их. «Предложив им напитки, угощение и подарки,— говорит Генрих,— он старался расположить их к себе» (стр. 63). Ливы поняли его маневр и решили от него избавиться: «...на освящении гольмского кладбища наперерыв стремились — одни сжечь его в церкви, другие убить, третьи утопить» (там же). Узнав о намерениях ливов, Бертольд бежал в Германию, для того чтобы набрать войско.

В 1198 году он вернулся со значительными военными силами и поставил перед ливами в самой резкой форме вопрос, хотят ли они принять христианство. Ливы, по словам Генриха, заявили, «что ни признавать, ни соблюдать не хотят». Вероломные немецкие воины напали на ливов во время переговоров и стали «...на конях и с кораблей огнем и мечом опустошать ливонские нивы» (стр. 65). Но они были изгнаны, а сам Бертольд был убит.

Чтобы очистить свой край от агентов германских захватчиков в лице так называемых миссионеров, ливы весной 1199 года «сообща решили казнить смертью всякого клирика, какой останется в стране после пасхи» (стр. 66).

Назначенный епископом (вместо Бертольда) Альберт Апельдернский, по выражению Маркса, «паршивый Бременский каноник», стал проповедывать крестовый поход: «...он отправился в Готландию и там набрал до пятисот человек для крестового похода в Ливонию» (стр. 66). Почти ежегодно (на протяжении своего епископства) Альберт ездил в Германию за дополнительными подкреплениями. Ливы встретили Альберта враждебно. Когда епископ и его приспешники поднимались вверх по реке, «на них напали, — говорит Генрих,— ливы, кое-кого ранили, а священника Николая и других убили» (стр. 67). Приход немецких насильников в Прибалтику лишил этот край мира. Генрих излагает историю Ливонии по годам епископства Альберта, и ему каждый год приходится начинать со слов: «Край же ливонский от войн тишины, как и прежде, не видел». Вся история и вся жизнь народов Прибалтики в начале XIII века превратились в сплошную цепь систематических сопротивлений немецким насильникам. Чтобы ослабить сопротивление, немецкие захватчики стремились обезглавить ливов путем подкупа их руководителей.

Около 1201 года Альберт основал город Ригу. Через некоторое время был организован орден меченосцев. Из Германии стали стекаться в Прибалтику толпы «крестоносного» сброда, подонков общества. Личность крестоносца считалась в Германии неподсудной, поэтому уголовные элементы охотно шли в такие походы. Генрих как представитель одной из групп колонизаторов (бюргерской части) был враждебно настроен по отношению к меченосцам. Он указывает, что в их числе были люди, «изгнанные из Саксонии за преступления».

Немецкие захватчики распространяли христианство среди ливов, куров и эстов не словом, не убеждением, а огнем и мечом. И это понятно, так как речь шла не столько о «спасении» душ язычников, сколько о закабалении ливов и грабеже их богатств. Вся «Хроника» Генриха заполнена фактами, говорящими о насилиях немцев.

В 1204 году ливы, пользуясь отсутствием епископа, в союзе с литовцами пытались уничтожить Ригу как плацдарм немецкой агрессии. После ряда неудачных выступлений против немецких насильников ливы, жившие недалеко от Риги, стали покидать свои деревни. Многие, говорит Генрих, «ушли вместе в лесные трущобы». Немецкие хищники отбирали у жителей близлежащих деревень все, что у них имелось. «...они сжали,— говорит Генрих,— созревшие ливские нивы, кто серпом, кто мечом» (стр. 81).

Между немецкими «миссионерами» часто возникали споры из-за дележа награбленного, как между самыми от'явленными профессиональными грабителями.

Генрих прославляет «доблести» немецких воинов, но незаметно для себя он часто рисует очень невыгодные для них картины. Отдельные отряды ливов часто громили немецких насильников так жестоко, что им приходилось бежать по нескольку миль, не оглядываясь назад. «Кое-кто из них бежали, не останавливаясь ни днем, ни ночью, чтобы рассказать, что случилось, и добрались наконец до Риги» (стр. 103). Часто немецкие «храбрецы» так боялись ливов, что в первые ряды во время сражений ставили местное племя семигаллов.

Вся беда жителей Прибалтики заключалась в их разобщенности, в отсутствии союзов между отдельными племенами и народами. Нередко из-за вражды друг к другу они помогали немецким насильникам. Немцы использовали эти разногласия и действовали по принципу «Разде-

ляй и властвуй». Об этом в «Хронике» имеется очень много указаний. «Если бы,— говорит Маркс,— эти племена были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон»[1].

Пользуясь племенной разобщенностью ливов, немцы постепенно обосновались в Ливонии, порабощая ее жителей не только духовно, но и социально и политически. Послы ливов во время переговоров с полоцким князем Владимиром в 1206 году заявили, что «епископ с его сторонниками для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо» (стр. 83). Они так ненавидели немецких угнетателей и их скотскую культуру, что самым жестоким образом наказывали ренегатов-ливов.

После покорения ливов в 1208 году начались экспедиции в Эстонию. Здесь немецкие насильники действовали так же жестоко.

Эсты сопротивлялись храбро; в одном сражении в 1210 году они «преследовали бежавших направо и налево пеших тевтонов...» (стр. 123). Но они сражались неорганизованно, что отмечается в «Хронике»; к тому же у них, как и других народов Прибалтики, оружие было более примитивным. Эсты ненавидели немецких насильников и их религию.

Немецкие «миссионеры» и в Эстонии интересовались не столько религией, сколько добычей. Христиане, говорит Генрих, «бросились на добычу, оставив битву с язычниками». Ввиду того что добиться об'единения всех народов Прибалтики для борьбы с немецкими насильниками было трудно, эсты обратились за помощью к русским. Несмотря на то что Генрих относился к русским враждебно, он вынужден был констатировать, что жители Прибалтики относились к русским с симпатией. Новгородский князь Мстислав организовал экспедицию против немецких насильников. Весть о приходе русских воинов на помощь к эстам подняла дух последних.

Немецкие насильники не ограничивались разбойничьими действиями в указанных странах: они вторгались и в пределы русских княжеств. В 1212 году они устроили грабительский налет на Псков. Пользуясь тем, что псковские воины были в Эстонии, «немцы стали убивать народ в Пскове». Но псковитяне дали немецким хищникам отпор, и последние вынуждены были бежать с добычей как жалкие воры.

В это время в самой Ливонии поднялось восстание, которое явилось ответом на хищническую эксплоатацию немецких насильников. Восставшие «стремились с корнем вырвать из земли Ливонской всех тевтонов и род христианский» (стр. 142). Во время сражений ливы кричали: «Стойте крепко, ливы, и сражайтесь, чтобы не быть рабами тевтонов» (стр. 144). Но восстание было жестоко подавлено.

Вслед за этим немецкие насильники устроили поход в Роталию в 1214 году. Здесь они «перебили бесчисленное множество народу, даже некоторых женщин и детей, не щадя никого ни в полях, ни в деревнях. И залили кровью язычников все дороги и места... а все вещи и имущество их забирали» (стр. 153).

Вместе с вновь прибывшими «псами-рыцарями» — навербованными в Германии «толпами немецких варваров-болванов» (Маркс) — рижские немцы устраивали еще ряд походов против эстов. В 1216 году они набрасывались на эстов «по всем дорогам и деревням, захваченных убивали, женщин, детей и скот забирали» (стр. 166). Так поступали немецкие хищники и на острове Эзеле. Здесь они «захватили многих; всех мужчин перебили, а женщин, детей и скот увели с собой» (там же).

В том же, 1216 году покоренная Эстляндия подверглась разделу между различными группами немецких насильников.

В 1217 году неожиданно немецкие «псы-рыцари» напали на Новгород, действуя как от'явленные разбойники и воры. Русские князья в ответ на эти нападения созвали свои войска и устроили поход против немецких разбойников. К русским войскам примкнули эсты, эзельцы, гарионцы и жители Саккалы, «надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов и крещение» (стр. 171). В сражении около озера Растегервэ русские воины обратили немецких «рыцарей» в бегство. Только недостаток корма для лошадей заставил русских воинов остановиться.

Русские воины отбросили «псов-рыцарей» от границ своей страны. Почувствовав силу русского оружия, немецкие захватчики должны были заключить мир. «Был заключен мир,— говорит Генрих,— но с тем, чтобы тевтоны все покинули замок и вернулись в Ливонию» (стр. 172). При другом столкновении, в 1218 году, немецкие воины и их союзники, увидев мощь русского войска, «тотчас отступали назад, как будто получив удар дубиной в лицо, и, повернув тыл, бросались в бегство. И бежали они один за другим, видя летящие на них русские стрелы, и наконец все обратились в бегство». Немецкие воины восхваляли бога, говорит Генрих, «который вывел и

[1] К. Маркс «Хронологические выписки». «Большевик» № 24 за 1936 год, стр. 52.

избавил их из рук неприятелей (т. е. русских воинов.— Н. Н.) (стр. 179—180).

Чтобы сгладить позор поражения немецких «рыцарей», Генрих восхваляет русское оружие и преувеличивает численность русского войска.

Вскоре русские вынуждены были вернуться обратно в свою страну, так как в это время через русские границы прошли литовцы и стали грабить пограничные области.

После ухода русских воинов зверства немецких насильников в Эстонии (в 1219 году) еще более усилились. Так же жестоко мстили немецкие насильники и эзельцам. В 1220 году, во время одной зверской экспедиции, немецкие завоеватели «били их вплоть до деревни, за убегающими гнались по улицам и домам и, вытащив из домов, убивали, схватывали и тех, кто защищались, взобравшись на кровли домов или кучи бревен, и истребляли всех острием меча, не щадя никого» (стр. 193).

Исключительная картина зверств немецких хищников в Гариэне обрисована на 195-й странице рецензируемой «Хроники». «Они,— говорит Генрих,— обложили подземные пещеры гарионцев, куда те обыкновенно спасались; зажгли огонь с дымом при входе в пещеры и, дымя днем и ночью, удушили всех, и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги и одежду и всю большую добычу захватили. Было же всех задохнувшихся обоего пола во всех пещерах до тысячи душ».

Покоряя Прибалтику, распространяя язву христианства, немецкие насильники руководствовались единственным правилом: «Бери, грабь, бей» (стр. 208).

В «Хронике» Генриха Латвийского имеется еще много ярких мест, характеризующих зверства немецких захватчиков, много страниц, говорящих об упорной борьбе ливов, эстов и других жителей Прибалтики против немецких грабителей.

«Хроника Ливонии» Генриха Латвийского является важным историческим документом, который бросает свет на некоторые традиции современного германского фашизма.

Предисловие, введение и примечания делают рецензируемую книгу доступной не только для специалистов-историков, но и для широких масс.

ОПЕЧАТКИ

В настоящем номере нашего журнала в часть тиража вкрались опечатки, на стр. 15, левая колонка, 1-я строка сверху, следует читать: «революция на Западе разыгралась в условиях...», на стр. 23, правая колонка, 2-я строка снизу, следует читать: «Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

РЕДАКЦИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. ВОЛИН — Золотой фонд партии и государства 1
К. КАМЕНЕЦКАЯ — Французская буржуазная революция 1789 года в оценке классиков марксизма-ленинизма 10
И. ГОХБЕРГ — Об антиленинской концепции М. Н. Покровского по вопросу о декабристах 22
Е. КОРОВИН — Шпионаж и диверсия в борьбе против французской буржуазной революции 1789 года 32
В. АФАНАСЬЕВ — Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 году 45
А. МОГИЛЕВИЧ — На путях к первой мировой империалистической войне 57
Ф. НОТОВИЧ — Военные цели германского империализма в первой мировой империалистической войне 67
В. СЕРГЕЕВ — Эгейский мир 79

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Е. ЛИВШИЦ — Преподавание истории во французской школе 92

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Е. ЛУЦКИЙ — Столыпинская аграрная политика 100

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

А. ЛЮБЛИНСКАЯ — Рукописи времен западного средневековья и эпохи французской буржуазной революции XVIII века в публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина 109

БИБЛИОГРАФИЯ

Р. ИНГЛЕЗИ и Н. СТАРИКОВ — Классики марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции XVIII века 116
В. ГОЛИОНКО — „Красный архив" — исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР, т. 6 (91). 1938 г. 120
М. ИВАШИН — Исторический памятник — обвинительный акт против немецких насильников. Генрих Латвийский „Хроника Ливонии". 124

Адрес редакции: ул. „Правды", 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А—7725 Изд. № 524 Зак. № 1432 Тираж 55 000
Материал сдан в набор 7/V 1939 г. Подписан к печати 31/V 1939 г. 8 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.